

ОГОНЁК

№ 8 ФЕВРАЛЬ 1956
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Быстро растет город металлургов Запорожье. Скоростными методами строят здесь жилые дома. На снимке: новые дома на проспекте имени Ленина.

Фото С. Фридлянда.

На первой странице обложки: Расчет радиопрожектора на учениях.

Фото В. Куняева.

На последней странице обложки: Каждый выход в море советские военные моряки используют для совершенствования боевой выучки. В открытом море с вертолета на подводную лодку высаживается группа моряков.

Фото Г. Белянина.

№ 8 (1497) 19 ФЕВРАЛЯ 1956

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

34-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

14 февраля в Москве, в Большом Кремлевском дворце, открылся XX съезд Коммунистической партии Советского Союза.

С отчетным докладом Центрального Комитета КПСС выступил Первый секретарь ЦК КПСС товарищ Н. С. Хрущев.

В Президиуме XX съезда КПСС. На трибуне — Первый секретарь ЦК КПСС товарищ Н. С. Хрущев.

Фото Дм. Бальтерманца.

В зале заседаний съезда.

МОСКВА, КРЕМЛЬ, 14 ФЕВРАЛЯ

Незабываем день открытия XX съезда Коммунистической партии Советского Союза. Москва, московские улицы какие-то особенно торжественные, праздничные. Кремль, заснеженные ели, золотые купола старинных храмов, красные кирпичные стены. Зимний острый ветер, пролетающий между зданиями. И все здесь просто, знакомо и дорого, как всегда...

Делегаты съезда торопятся к Большому Кремлевскому дворцу. Вместе с ними идут знатные люди промышленности, сельского хозяйства, государственные и партийные работники, ученые, представители Советской Армии и Флота, деятели культуры и искусства. Для каждого из них, для всего нашего народа съезд Коммунистической партии — огромная веха в жизни.

Зал заседания Большого Кремлевского дворца заполнили делегаты. На столиках — маленькие таблички. Делегаты Московской области, Ленинградской, делегаты Украины и Белоруссии, Узбекистана и Латвии, Грузии и Казахстана... Вы видите здесь знатных колхозниц в белых платках, шахтеров с золотыми звездами Героев Социалистического Труда, видите представителей Советской Армии и Флота, легендарных генералов и адмиралов, видите ученых, академиков, писателей, актеров,— все они собраны вместе и словно символизируют нашу страну, наше великое единство, которым мы сильны, могучи, непобедимы.

Десять часов утра. В ложах появляются члены Президиума и секретари ЦК КПСС, руководители делегаций зарубежных коммунистических и рабочих партий. В едином порыве все поднимаются — делегаты и гости — и горячо аплодируют.

Съезд открывает Первый секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза Никита Сергеевич Хрущев.

И вот уже члены Президиума XX съезда партии заняли места. Николай Александрович Булганин предоставляет слово товарищу Н. С. Хрущеву для отчетного доклада Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза XX съезду партии.

Пройдут многие годы, но навсегда останутся в памяти слова этого доклада, близкие каждому советскому человеку, близкие всем простым людям мира.

Снова и снова спокойно и уверенно прозвучали слова о мирной политике, о последовательном и настойчивом проведении этой политики Советским правительством и Коммунистической партией.

«Ленинский принцип мирного сосуществования государств с различным социальным строем был и остается генеральной линией внешней политики нашей страны»,— говорит Н. С. Хрущев.

←
В Кремле. Делегаты идут на заседание съезда.

Фото Дм. Бальтерманца.

Группа делегатов съезда (слева направо): И. А. Жуков (Ростовская область), Л. И. Маяков (Каменская область), Маршал Советского Союза С. М. Буденный, А. В. Гриценко (Каменская область) и Е. И. Духанин (город Ново-Шахтинск).

1956 ГОДА

Миллионы людей во всем мире, миллионы матерей озабочены: как сохранить мир, чтобы спокойно, не тревожась за будущее, росли дети, чтобы не думали они об ужасах новой войны? Может ли быть сохранен мир?

Да, может быть сохранен!

«Для этого надо, чтобы все силы, выступающие против войны, были бдительными и мобилизованными, чтобы они действовали единым фронтом и не ослабляли своих усилий в борьбе за сохранение мира. Чем активнее народы будут защищать мир, тем больше гарантии, что новой войне не бывать».

Бурными аплодисментами встречают делегаты съезда эти слова Никиты Сергеевича Хрущева.

Всем известна забота Коммунистической партии об улучшении жизни каждого советского человека. Неуклонный рост промышленности и сельского хозяйства позволяет добиваться дальнейшего подъема материального благосостояния и культурного уровня советского народа. И вот звучат слова доклада о том, что сейчас имеются возможности снова вернуться к такому вопросу, как сокращение продолжительности рабочего дня. Начиная с 1957 года партия и правительство приступят к постепенному переводу на семичасовой рабочий день одной отрасли народного хозяйства за другой с тем, чтобы завершить всю эту работу к концу шестой пятилетки. Переход на сокращенный рабочий день будет проведен без уменьшения заработной платы. Будет упорядочен и вопрос о пенсиях с тем, чтобы размеры низших разрядов пенсий значительно увеличить, а размеры неоправданно высоких несколько снизить.

Жилищное строительство, улучшение общественного питания, воспитание детей и юношества и многие, многие другие вопросы находят свое отражение в докладе.

С огромным вниманием слушают делегаты и гости раздел доклада, посвященный Партии:

«Ныне наша партия едина, как никогда, она тесно сплочена вокруг Центрального Комитета и уверенно ведет страну по пути, указанному великим Лениным», — говорит товарищ Хрущев, и слова его тонут в бурных, как шквал, аплодисментах.

Коммунистическая партия Советского Союза—великий кормчий нашего народа. Это она, пройдя все бури и испытания, сплотив миллионы людей под ленинским знаменем, подняла нашу страну на небывалую высоту. Это к ней, Коммунистической партии Советского Союза, прикованы взоры миллионов тружеников во всем мире.

Товарищ Хрущев заканчивает доклад словами, полными веры в наше светлое будущее:

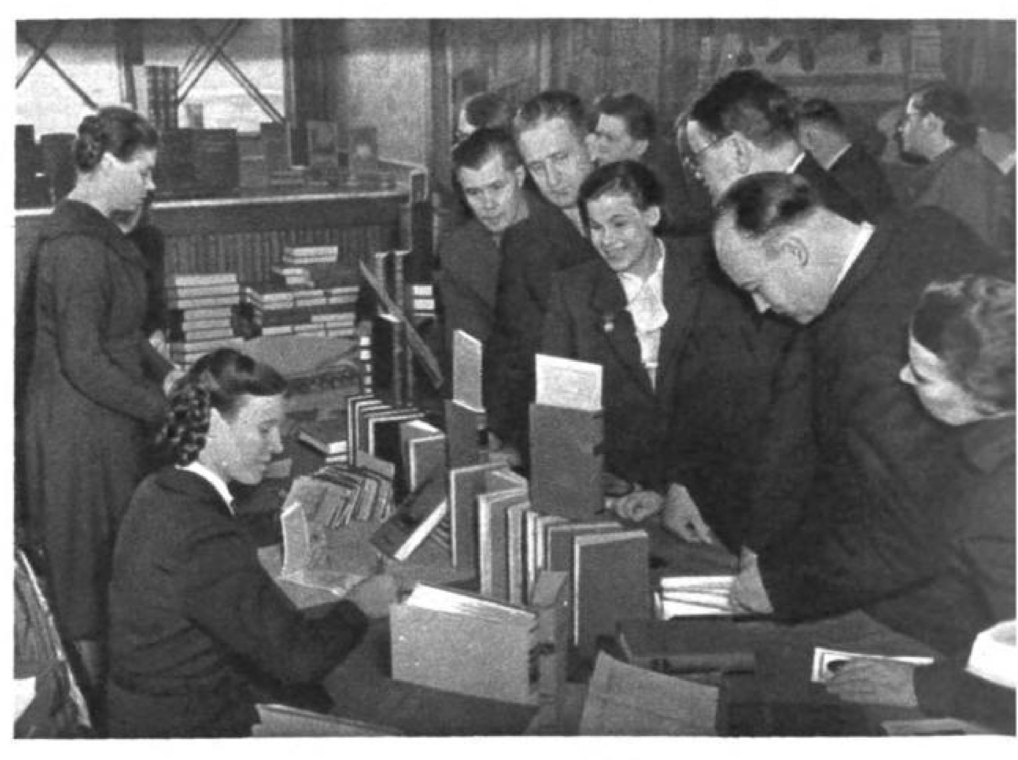
«Будущее за нами, ибо мы уверенно идем вперед по единственно правильному пути, указанному нашим учителем великим Лениным. Вокруг нас и наших друзей объединяются сотни миллионов людей, воодушевленных идеями справедливого общественного устройства, идеями демократии и социализма.

Под знаменем преобразующего мир учения марксизма-ленинизма Коммунистическая партия Советского Союза приведет советский народ к полному торжеству коммунизма».

И снова в едином порыве встают делегаты и гости, и долго перекатывается под кремлевскими сводами гром аплодисментов. И в них присяга народа на верность Коммунистической партии, великому делу Ленина, присяга нашему будущему, открывшемуся чудесной картиной с высокой трибуны XX съезда.

Двадцатый съезд Коммунистической партии Советского Союза продолжает свою работу.

А. СОФРОНОВ

У книжного киоска.

ДЕЛЕГАТ С ВЫБОРГСКОЙ...

Выборгская сторона.

С тех пор как началась новая пятилетка и токаря гидротурбинного цеха Ленинградского металлического завода имени Сталина Попова Леонида Ивановича выбрали делегатом XX съезда партии, ни в его положении, ни в занятиях, ни в распорядке дня до отъезда в Москву как будто ничего не переменилось. Секретарь цехового партийного бюро, он приходил на завод не к началу своей смены, а пораньше. Невысокий, быстрый в движениях, торопливо кивая друзьям, проходил Леонид Иванович по пролету, поднимался к себе в комнату, но к столу не присаживался, а, сбросив пальто и ушанку, направлялся в цех, к людям. И тотчас его обступали заботы.

Порой на хлопоты да на совещания, вызовы, звонки уходит весь день, без остатка, и, лишь услыхав гудок, Попов вспоминает, что он, собственно-то говоря, токарь, и спешит к станку, принимает его от сменщика, ловкими, скупыми движениями устанавливает деталь, подводит резец.

...Сам Попов — отменный токарь старой выучки, универсал. Зоркий, аккуратный, действует он с лихой уверенностью большого мастера. Но почему-то как о токаре о нем мало говорят в цехе. Спросишь о другом человеке: каков он, мол,— и тотчас заговорят о том, какой это славный разметчик или строгальщик, и будут говорить час, и все о ремесле. А спросишь о Попове — не вдруг назовут его профессию. Видно, чем-то другим — не одним токарским умельством — полюбился он людям. Чем же?

Старый мастер, скупой на похвалу, так сказал о Попове:

— А вы заметьте: у него не было плохих учеников.

— Только хорошие попадались?

— Э, нет! Попадались-то всякие. Бывало, такого распоследнего, разбалованного дадут — смертный грех, а не парень, все учителя от него откажутся, а Попов берет.

— Зачем берет? Заставляют?

— Да нет, никто не заставляет, а он берет. Любитель! Кто с чем, а он с людьми.

— И что же получается из «распоследнего»? Токарь?

— Человек получается! — строго заметил мастер.— Че-ло-век! Вы их переберите-ка, учеников Леонида Ивановича... Разве он их одному ремеслу учил? Он же их и поженит, и в техникумы, институты отдаст, и в комсомол порекомендует, и в партию подготовит...

И сами ученики Попова охотно говорят о том, как их «драил», «доводил до кондиции» этот с виду мягкосердечный, нешумливый начальник: как он сбивал спесь с зазнавшихся, приструнивал ленивых, как чуть не силой отправлял одного в вечернюю школу, а другого — в заочный техникум, а потом строже учителя спрашивал отметки...

А он — словно позабыл об этом — говорит о них только хорошее. Называет Ивана Замуравкина, тот окончил вечернюю десятилетку с золотой медалью, учится в институте; Николая Иванова, лучшего токаря цеха; Александра Кузнецова...

— Цепкие парни... Славные парни.

И лишь об одном говорит с улыбкой:

— Такой пришел неотесанный! Сырье-сырьем... Деревенщина — так, кажется, раньше говорили. Бежит в ларек и кричит: «Дядя Леня! Там тюрю дают!» Тюрю! А там яблочное пюре продавали.

— Что с ним сейчас, Леонид Иваныч?

— С ним-то? Нормально! Студент...

— Бросил работу?

— Нет, зачем же! Мои не бросают.

Мы отвлекаемся от его учеников, говорим о других людях цеха, и снова — только хорошее. Лемисов — великолепный бригадир; Владимир Ермаков, вчерашний ремесленник, поднялся за одну пятилетку, коммунист, кончает среднюю школу; Сергей Тихомиров окончил техникум, опытный технолог; Александр Плагов вернулся с фронта контуженным, с орденом Славы, окончил техникум, командир производства; Георгий Бреннер — принципиальнейший, честнейшая душа, коммунист, учится в институте; Борис Хрошан, Алексей Дмитриев, Константин Пучков, Сергей Петров...

Леонид Иванович называет десятки фамилий смелых, подучившихся, выдвинувшихся, и радостно это слышать, и вместе с тем закрадывается сомнение: а может, секретарь так любит людей, что видит в них только хорошее, не примечает недостатков? Затеваем разговор о токаре — человек он известный, но из честолюбия скрыл брачок и чуть не наделал беды. Как к этому отнесется Попов? Он вздыхает:

— Ох, дурья голова! И славный же парень, а вот втемяшилось! Перехвалили? Умеют это у нас. Портреты вывесят, статую слепят. А оно, вишь, что с таким бывает. Ничего, отшлифуем... Вы про это пока не пишите — отшлифуем! Талант у парня.— И добавляет сурово: — А как же! Надо искать в человеке хорошее! Не возвеличивать зря, а разыскивать хорошее, тормошить.

Нет, он не все прощает, он строг, Леонид Иванович, но в людях он видит не только то хорошее и дурное, что уже обнажилось, но и то, что не обнажилось, но непременно обнажится, когда их «шлифанут».

Говорим о том, как подросли люди за пятилетку.

— Когда-то газеты, как о чем-то особенном, сообщали о каждом студенте-рабочем. Сейчас заводская газета публикует скромно, в хронике: семьсот турбостроителей обучаются в техникумах и в институтах без отрыва от производства. Зачем? Сделать «карьеру»?

Попов смеется:

— А спросите-ка Дмитриева! Зачем он, семейный человек, техникум кончал? А?..

Верно, зачем? Один из лучших разметчиков, человек широко прославленный, зачем он в зрелых годах на несколько лет засел за парту, не расставаясь с цехом? Для диплома? Так он не мастер, не технолог, а рабочий.

— Что верно, то верно,— кивает Дмитриев,— отдел кадров с меня диплом не спросит... А она спросит! — указывает он на лопасть турбины.— Спросит! Работа такая...

Да, работа такая, что обязательно спросит.

...Заводу имени Сталина через год стукнет сто лет, но как молодо, как замашисто он вышагивает, этот старик!

Прочтите еще раз то место в проекте Директив XX съезда, где говорится об электрификации, и заметьте, что значительная часть всей программы турбостроения ложится на плечи ленинградского завода! Это объем, а если кратко сказать о технических высотах новой заводской пятилетки, то заметим, что в то время, как цехи работают над турбинами для Куйбышева и Сталинграда, конструкторы довольно буднично говорят о напоре воды под Братском, на Ангаре, и о том, что рабочее колесо турбины для Братской ГЭС придется делать разъемным — не повезешь по железной дороге «колесико» диаметром несколько метров... А конструкторы-паротурбинщики задумались над турбинами сверхвысоких параметров. Весь завод вступил в полосу таких дерзновенных решений, каких не знала практика турбостроения...

И вот уже дело подхлестывает людей, гонит их к книжкам, и понятно же: и Федоров, и Бреннер, и Ермаков, и Замуравкин — станочники-студенты и к чужим новинкам позорче, чем старые мастеровые, и в своих новшествах смелей. Это ясно, и Попов об этом, как об известном и нормальном, много не говорит. Он замечает другое:

— Думать стали побольше!

Думать побольше... Но почему? Стали грамотней? Да. А может, и потому, что вон как широко распахнулись двери цеха! Что ни месяц, кто-нибудь уезжает то в Москву, то на Волгу, то на Урал, то на Украину. Базанов и Лемисов воротились из Германии, а Виталий Федоров в заводской газете — из номера в номер — печатает путевые заметки «В народном Китае». Распахнулись двери! Являются гости — друзья из Польши, Кореи,— в заводской столовой рядом с выборжцами обедают стажеры-китайцы. Шире стал горизонт, далеко-далеко видно из окон цеха.

...В канун XX съезда партии никто из деликатности не спрашивал Попова, собирается ли он выступать в Кремле. Но по многим при-

знакам Леонид Иванович заметил, что все: и цеховые коммунисты, и соседи-паротурбинщики, и технологи, и конструкторы — готовят его к поездке в Москву. Больше обычного говорят о крупных заводских нуждах: пора, пора создать могучую экспериментальную базу для водяных турбин. И планы «утрясаются» в последнюю минуту, а там, глядишь, меняются, а цехи лихорадит...

Но толковали и о другом. Встретится в пролете мастер, поздоровается, прикурит, заметит ненароком:

— А вот, допустим, Леонид Иванович, насчет прав мастера, а? По бумагам, по инструкциям-то, глянь, какие у меня права. Министр! А посчитай по этажам, сколько надо мной опекунов! Шагу не шагнешь, если сорок опекунских виз не уляжется на бумажке!

И сам Попов приметил за собой в эти дни одну странность. Разговорится с людьми о чем-нибудь внутреннем, цеховом, и, глядь, отвлечется, увлечется, унесется думами за тридевять земель от цеховых будней. Станет рассуждать с коммунистами о молодом инженере, а кто-нибудь невзначай и обронит:

— Плохо мы их учим, молодых-то!..

И пойдет: «Не на практике учим... Специальности узковаты...»

И так, смотришь, обдумают, обговорят и «сформулируют»: возродить при заводе втуз.

Сформулируют — и разойдутся, а Попов задумается: что это? Предложения к Директивам съезда? Сам смекай, Леонид Иваныч: ты наш делегат...

А то вечером, после смены, рассматривая рабочий листок, кто-нибудь из слесарей подскажет:

— Леонид Иваныч, а ну, подсчитай-ка подписи... Работы всей на четвертак, а сколько народу расписалось? Семеро! Да нет, не семеро, еще трое распишутся.

А потом примолкнут, задумаются: нет, плохи шутки, дело-то всесоюзное! Подсчитайте, сколько еще пишется лишних бумаг да сколько над ними корпит писарей!

— Учти, Леонид Иваныч, это, брат, основа основ — побольше народу перевести на производство. Оно от какого слова произошло, производство: от слова «производить»? Вот, вот, чтобы производили, а не оформляли.

Или подзовет строгальщик, спросит:

— Леонид Иваныч, а ну, рассуди, что же это у нас со скрипом идут новинки? Шумим, шумим, а порой не пробьем. Вон Данилов на «Электросиле» какую штуку удумал: двустороннюю строжку! Двойной выигрыш. И жалуется: приветствовать-то приветствуют, а станки во многих цехах все с холостым ходом... Нельзя ли как-то пожестче с этим?

Но это не весь багаж делегата. Он побывал на партийных конференциях, активах, собраниях. Голова его полна дум о нерешенном, о завтрашнем, о том, что врывается в жизнь вместе с новой пятилеткой, и о том еще, что надо убрать с пути. И, словно боясь, что он растрясет этот бесценный багаж, Попов разговаривал сдержанно и то и дело, словно сердясь на себя, замечал:

— Ишь, как мы отвлекаемся!..

А сам все «отвлекался» да «отвлекался».

— Вот еще, — озабоченно сказал он,— вопрос вопросов: с людьми нам, руководителям, надо бы поумней. Вон как подрос народ! Думают! Рассуждают! Надо же прислушиваться... Помню, Киров Сергей Мироныч — на субботнике мы с ним рядом работали в порту,— он и пообедал с нами, и покурил, и посмеялся, да и потом сколько раз в цехе бывал. Я тогда еще молод был, не очень соображал, что к чему, а теперь понял: да он же к нам прислушивался! А у нас иной раз как?.. Явится начальник — и рангом-то он не высок,— так нет же, он-то и важничает! Идет по пролету, на нас или ноль внимания, или «здрасте-прощайте», а уж чтобы он день пробыл в цехе или зашел в столовую,— не дождешься. Что ж он узнает? Да ничего!..

Попов нахмурился и добавил:

— Я тут сказал одному как-то: ты, брат, как в район пошел на выдвижение, так все и пропадаешь в вышестоящей сфере. Там, что ли, хочешь авторитет заслужить? А цех? Он, что же, тебя не трогает, ты от него уже не зависим? Смотри не просчитайся, братец!

Он посуровел и долго сидел молча, смотрел в окно.

— Вопрос вопросов! Это всегда говорилось: ближе к людям. Ну, а нынче особенно: люди ведь вон какие! Мудры! Слушать надо...

...В этот день он снова был в цехе с утра, но лишь с вечерним гудком подошел к станку. Взял ключ у сменщика, Ивана Замуравкина, спросил, обласкивая его пристальным взглядом:

— Как, Ваня?

— Нормально, Леонид Иваныч! Полторы нормы.

— Ну, попробую и я полторы.

А за окном, за заводской оградой,— вот она — шумела Выборгская сторона. Звенели трамваи, шагал народ, а вдоль набережной дымили заводы. Они стояли, как солдаты, плечо к плечу, корпуса, корпуса, трубы, дымки над строениями — одна из главных мастерских государства.

Г. РАДОВ, К. ЧЕРЕВКОВ

Фото Н. Ананьева.

Делегат XX съезда Л. И. Попов (второй справа).

21 февраля — Международный день борьбы против колониального режима.

Колониализму позор!

Мухтар АУЭЗОВ

М. Ауэзов.

Если вдуматься не только в прошлое колониализма, но и в его настоящее, любому человеку, не потерявшему совесть, нетрудно признать, что колониализм даже в его якобы утонченных проявлениях — позорное пятно в истории человечества.

Почему колониализм заклеймен как позорное явление?

Прежде всего потому, что в самих своих истоках это неприкрытый произвол сильного над слабым, вооруженного над невооруженным, агрессивного над мирным. Его явными атрибутами давних и недавних веков являлись такие позорные институты, как рабовладение, работорговля, иноземное иго, варварское отношение государства к государству, народности к народности. Даже так называемые просвещенные виды колонизации поздних веков по своим результатам мало отличаются от нашествия вандалов, ига кочевых орд гуннов или монголо-татар.

Вооруженные более совершенными техническими средствами, колонизаторы нередко обрушивались захватническими набегами на

Плакат, изданный Всемирной федерацией демократической молодежи к Международному дню борьбы против колониального режима.

народы, культурно и морально гораздо выше их стоящие. Эти народы даже после векового или многовекового колониального гнета сохранили свой высокий моральный облик. Я говорю о таких народах, как, скажем, индийцы с их пятитысячелетней историей. Но не только они и не только Египет, а многие народы Индо-Китая, Индонезии, Северной Африки имели гораздо более древнюю культуру, чем культура господ колонизаторов из Европы и Америки. Однако мы прекрасно знаем, что расизм и высокомерие белого империалиста и по сей день позволяют ему относиться к представителям эксплуатируемых народов порой хуже, чем к домашним животным. Любимая собака, кошка, птица, обезьяна, лошадь или слон в глазах такого «просвещенного» мнимогуманного колонизатора-расиста ценится во сто крат дороже американского негра, негра банту в Африке и многих, многих представителей коренного населения Азии, Африки, Австралии или Океании.

Так узаконено моральными нормами капитализма человеческое отношение к скотине и скотское отношение к человеку!..

В книге американского журналиста Джона Гунтера «В Африке» мы читаем: «Если у Африки есть какой-то общий знаменатель, то этим знаменателем является желание (скрытое или определенно выражаемое) большинства африканцев: избавиться от колониального господства или хотя бы изменить его угнетательский характер».

Африка занимает пятую часть населенной территории земного шара. 90 процентов из ее двухсотмиллионного населения чернокожих находится под господством 3 миллионов белых.

Огромная часть Африки состоит из колоний, подмандатных, подопечных территорий или протекторатов, принадлежащих британским, французским, португальским, испанским и бельгийским сюзеренам. Территория одной только французской Африки больше, чем Китай и Япония, вместе взятые. Но лишь менее 10 процентов ее жителей грамотны. Британская Африка больше, чем Соединенные Штаты, африканские колонии Португалии в 20 с лишним раз больше маленькой метрополии. Бельгийское Конго с его богатыми полезными ископаемыми, с его водными ресурсами, превышающими водные ресурсы Соединенных Штатов, и урановыми рудниками, дающими, по утверждению американских источников, 96 процентов нынешней мировой добычи, по своей территории равно всей Западной Европе. Потому-то и говорят, правильно подытоживая неопровержимые факты минувшего и настоящего, что «Африка обогащает всех, кроме африканцев».

Капиталисты боятся ныне пробуждения национального самосознания народов, боятся самой идеи борьбы за независимость. Особенно большую тревогу колонизаторов вызывает неуклонный и последовательно победный ход освободительного движения среди народов Азии. Сегодня колонизаторы встали лицом к лицу с фактом, когда, как писал недавно американский журнал «Нейшн», 1 200 миллионов ранее бесправных людей земного шара, населяющих территорию в 7 миллионов квадратных миль, получили национальную независимость и политическое равенство с Западом.

Не потому ли этот журнал и вынужден признать, что происходит «широкий и зловещий социальный сдвиг, который охватывает территорию от Восточной Азии до Восточной Европы», что движение за независимость затрагивает более трети всего населения земного шара?

Вслед за тем этот буржуазный журнал указывает и на то, как глубоко распространяется на колониальный мир «влияние широкой пропаганды о быстром прогрессе и подъеме, достигнутых в Советской Азии для цветного населения». «Повелительный голос эпохи,— пишет журнал,— зовет вольно или невольно идти на соревнование при сосуществовании со страной социализма».

В свете всего сказанного законно встает вопрос об отношении бывших колониальных и ныне еще остающихся в колониальной кабале народов к вопросу о мире. Стремление к миру, охватившее сердца сотен миллионов простых людей, справедливо обобщает газета «Хиндустан», выходящая в Дели: «Будь это Индия, Китай, Бирма, Индонезия, Египет... все они стоят за мир. Наряду с миром все азиатские народы хотят также добиться ликвидации колониализма».

Весьма важно понять это чувство, вдохновляющее движение за мир в Азии. Именно эти два фактора заняли главное место в декларации конференции стран Азии и Африки в Бандунге. «Конец колониальному господству!», «Мир!» — вот два лозунга Азии.

Мы говорим здесь об Азии ввиду наибольшей активности народов этой части света в борьбе за приобретение независимости. Однако сегодня весь империалистический мир Европы и Америки, с содроганием предчувствуя ближайшие беды, говорит об обстановке близкого предгрозья и в Африке.

Скажем, например, о Нигерии. Во второй половине XIX века эта страна стала колонией Англии. На территории в 965 тысяч квадратных километров здесь проживает 31 миллион человек. По свидетельству французского журнала «Демокраси нувель», землей в Нигерии, в конечном счете, распоряжаются англичане. Между тем англичан в этой колонии живет только 8—10 тысяч человек, а всех европейцев — 13 тысяч, то есть 0,04 процента населения.

В 1950 году в Нигерии было 111 тюрем, а больниц — 118 (одна больница на 250 тысяч жителей). По данным 1947 года, трое из каждых четырех детей не обучались в школе. Общеизвестно, что население Нигерии голодает большую часть года и что 51 процент детей умирает, не достигнув пятилетнего возраста. И все эти страшные факты не помешали в свое время министру колонии Литтлтону заявить на заседании палаты общин, что «Англия — самая прогрессивная из колониальных держав». А помощник министра колоний этой «самой прогрессивной» державы Гопкинс сказал: «Мы, несомненно, придерживаемся мнения, что именно английское правительство и парламент будут решать, каким путем территории должны придти к автономии».

Носителям именно таких «идей» и взглядов так не понравились выступления Н. С. Хрущева и Н. А. Булганина во время поездки в Индию, Бирму и Афганистан.

Как представитель одного из бывших колониальных народов Азии, я хочу сослаться в порядке исторической справки только на несколько фактов из жизни своего народа, своего поколения, из моей собственной жизни. Моя родина, Казахстан, к началу Великой Октябрьской революции являлась преимущественно страной кочевников. 80 процентов казахского населения занималось кочевым экстенсивным животноводством.

К началу революции у нас было не более 3—4 процентов грамотного населения. Уже много веков господствовал в степи патриархальный быт с полигамной семьей, позорными институтами калыма, многими иными установлениями адата и шариата. Небольшая обжитая часть страны представляла собой отсталый сельскохозяйственный край. Одним словом, это была колония царизма. А ныне Казахстан, одна из 16 равноправных республик Советского Союза, представляет собой индустриально - сельскохозяйственную республику.

Где раньше стояли юрты кочевников, возникли цветущие города с сотнями и тысячами жителей, оснащенные самой высокой техникой заводы. Пустовавшие прежде безбрежные степи, бескрайние долины превратились в новую житницу всего Советского Союза. Только за последние два года в моей республике поднято 18 миллионов гектаров целины.

Ну, а культура? В республике осуществлено общее семилетнее образование. Во многих областных городах уже вводится всеобщее среднее образование. Среди казахов теперь нет неграмотных. На этой базе культурных накоплений в Казахстане создано 28 высших учебных заведений, в том числе университет. Много лет плодотворно работает республиканская Академия наук. Гордостью казахского искусства являются академические театры оперы и балета, драматический, филармония имени Джамбула.

До сих пор я говорил о тех внешних исторических условиях, в которых рождаются, растут и расцветают таланты и дарования людей нынешнего поколения. А теперь интересно посмотреть, как жили мы, люди средних лет, скажем, сорока — пятидесятилетнего возраста. Я приведу даты и факты из своей жизни. Детские и отроческие годы я провел в войлочной юрте, в кочевом ауле, вырос в полигамной семье. Отец определил меня в старометодную мусульманскую медрессе. Он мечтал, что я стану муллой. И только позже, благодаря тому, что у моего деда Касымбека зародился интерес к русской культуре, мне не без труда удалось поступить в русскую школу. К началу революции я закончил русскую учительскую семинарию. И я полагал тогда, что мое будущее определено: буду сельским учителем. Но революция дала возможность получить дальнейшее образование. Я окончил филологический факультет Ленинградского государственного университета, прошел аспирантуру при Среднеазиатском государственном университете, стал профессором, доктором филологических наук, действительным членом Казахской Академии наук.

Мне сейчас 58 лет. И небезынтересно сопоставить воспоминания начального и нынешнего этапа моей жизни. За свою жизнь я, представитель одного из многих народов Азии, прошел через три общественные формации: феодализм, капитализм и социализм. И ныне, как все граждане моего Отечества, я участник строительства коммунизма. В некотором смысле, как мне кажется, я мог бы явиться человеком-справкой, у которого между отрочеством и сегодняшним днем лежат буквально века. По всему тому, что я видел, пережил, наблюдал, я пришел в середину XX столетия как бы из далекого, даже не европейского, а азиатского средневековья.

Многим, вероятно, трудно даже представить, какой диапазон воспоминаний, какую дистанцию понятий представляют собой мироощущение и воззрения человека, который некогда воспитывался в казахской юрте, а спустя полвека выступает как почетный гость и полноправный товарищ, скажем, на конгрессе писателей Германии в Берлине.

Вспоминая все, что дала мне социалистическая Родина, думая о своей судьбе, судьбе обыкновенного человека, представителя одного из некогда угнетенных народов, я невольно думаю и о судьбе всех народов Азии и Африки.

На живых фактах человеческой правды я утверждаю, что самым позорным явлением нашего века является колониализм.

15 января в Джакарте (Индонезия) состоялся массовый митинг, созванный Всеиндонезийским народным конгрессом для объединения индонезийского народа в борьбе против колониализма, за народные права. На снимке: митинг на площади Свободы.

Фото агентства Синьхуа.

Ленин всегда с тобой

Слова Л. ОШАНИНА. Музыка С. ТУЛИКОВА.

День за днем идут года —
Зори новых поколений,
Но никто и никогда
Не забудет имя — Ленин.

Припев:

Ленин всегда живой,
Ленин всегда с тобой —
В горе, в надежде
и радости.
Ленин в твоей весне,
В каждом счастливом дне,
Ленин в тебе и во мне.
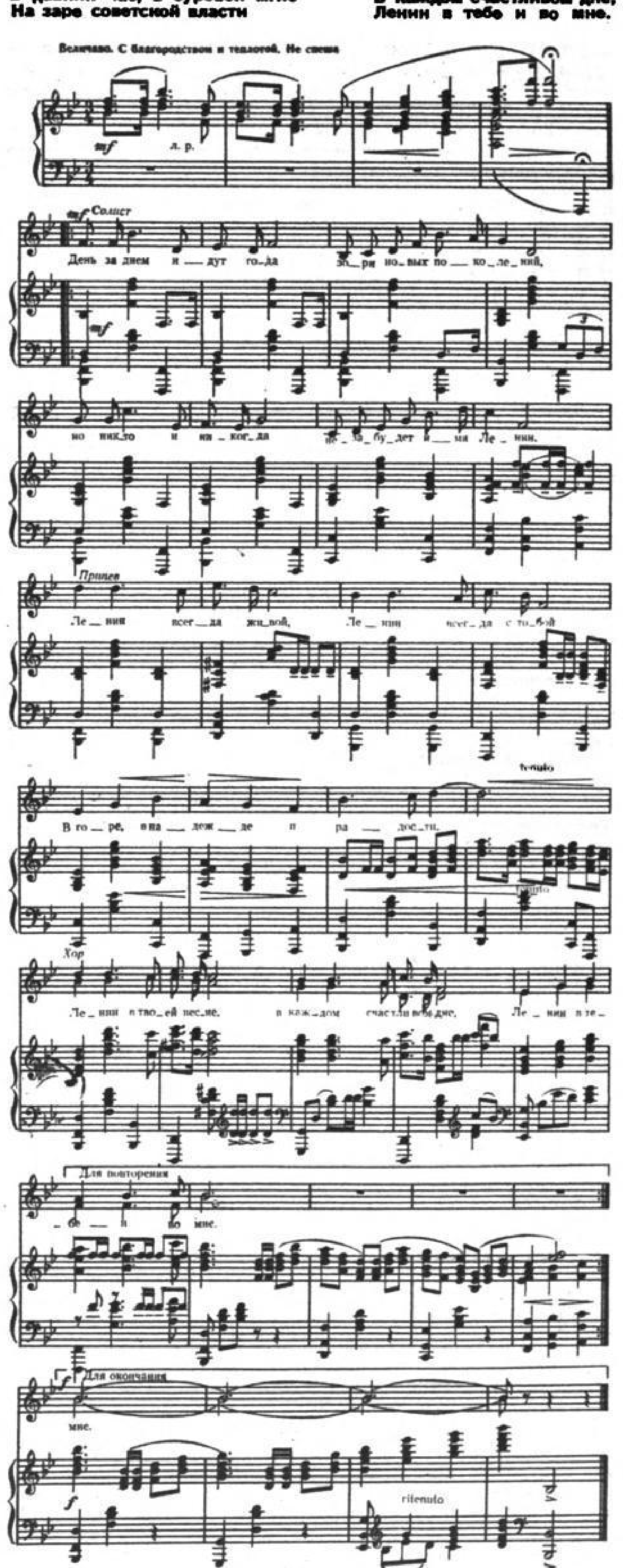
В давний час, в суровой мгле
На заре советской власти
Он сказал, что на земле
Мы построим людям счастье.

Припев.

Мы за партией идем,
Славя Родину делами.
И на всем пути большом
В каждом деле Ленин с нами.

Припев:

Ленин всегда живой,
Ленин всегда с тобой —
В горе, в надежде
и радости.
Ленин в твоей весне,
В каждом счастливом дне,
Ленин в тебе и во мне.

Путиловцы с увлечением наблюдают за тем, как развивается «бой».
Фото Н. Нагаева.

23 февраля — День Советской Армии и Военно-Морского Флота

ДРУЖБА ОДНОПОЛЧАН

Старые путиловцы, бывшие бойцы Красной Гвардии, решили использовать свой отпуск для поездки в воинскую часть, в тот самый полк, где им довелось служить в первые годы революции.

Петр Петрович Александров и раньше бывал в полку: выступал перед солдатами, рассказывал им о первой русской революции 1905 года, о путиловской Красной Гвардии, о своих встречах в Смольном с Владимиром Ильичем Лениным.

Посетили воинов и другие их бывшие однополчане — слесарь Макар Андреевич Фролов, старший нормировщик Семен Анфиногенович Анфиногенов, Александр Степанович Никифоров.

И вот они прибыли к месту назначения.

— Слезай, старая гвардия, порохом запахло,— сказал Александров.

Впереди раскинулся густой, запорошенный снегом хвойный лес. Отяжелевшие ветви сосен и елей свисают к сугробам. Из-под деревьев выглядывают брезентовые шатры палаток, из железных труб походных печурок вьются легкие дымки. В палатках пусто: все на учении.

На опушке леса офицеры рассматривают развернутую карту. Многим из них здешние леса хорошо знакомы. В этих краях они сражались с врагом в годы Отечественной войны.

— Прямой наводкой по танкам «противника» огонь! — слышится команда.

Поднимаются с земли автоматчики в белых маскировочных халатах. Под прикрытием дымовой завесы, утопая по пояс в снегу, они с криком «ура» бросаются в атаку. Удобно пристроившись на снежной горке, путиловцы с увлечением наблюдают за тем, как развивается «бой».

В «бой» вступают все новые и новые подразделения. Рядом с офицером, который держит в руках микрофон, шагают с портативными радиостанциями солдаты-радисты. Они отлично владеют своей боевой техникой, радиосвязь действует безотказно, команда отдается офицерами на ходу по радио.

В укрытии — станковые пулеметы. Появись «враг» — ему не сдобровать от шквала огня.

— Расчеты к бою! Заряжай! Огонь! — отдает приказания командир взвода Павел Алексеев.

— Сколько выстрелов в минуту? — спрашивают старые рабочие и, получив ответ, удивляются:

— Да, это тебе не «максимки» 1917 года.

У путиловских красногвардейцев, нынешних кировцев, ясная память: в 1918 году два небольших отряда рабочих Путиловского и Обуховского заводов стали основным ядром полка — ровесника Советской Армии.

— Покажите нам, пожалуйста, исторический формуляр,— просит офицера Петр Петрович. На заводе Александров слывет «главным историком». Он собрал документы о том, как в 1917 и в начале 1918 года путиловцы сформировали 25 красногвардейских отрядов, направив туда около двенадцати тысяч рабочих. После организации Красной Армии эти отряды стали родоначальниками воинских частей, которые существуют и до сих пор.

Короткая запись в формуляре, относящаяся к 1918 году:

«...Псков занят полком — немцы отходят на западный берег реки Великой...»

За взятие Пскова полку вручено Красное знамя «от Московско-Нарвско-Заставского Совета г. Петрограда».

Ветераны входят в «комнату боевой истории части». Это своеобразный музей, в котором наглядно показана вся жизнь части — от ее зарождения до наших дней. В 1923 году полк посетил Михаил Васильевич Фрунзе, а в 1927 и в 1943 годах — Климент Ефремович Ворошилов. В годы Отечественной войны солдаты и офицеры героически обороняли морскую крепость на Балтике «Красный Гангут», насмерть стояли на подступах к великому городу Ленина, прорывали блокаду...

...Недавно с Кировского завода обратились к воинской части с приглашением прислать в гости группу солдат. Получив краткосрочный отпуск, воины отправились в путешествие.

На заводе радушно встречали дорогих гостей. Солдаты неуверенно подносили к глазам синие очки и наблюдали, как клокочет в печах сталь. Командир отделения Анатолий Семенов расспрашивал у бригадира Ивана Сидорова, трудно ли стать сталеваром.

— Отслужите, приезжайте, научим,— отечески отвечал Сидоров сержанту.— У нас много работает демобилизованных. Недавно в цех пришли восемнадцать солдат, и все довольны.

...В суровых условиях зимы, в обстановке, максимально приближенной к боевой, идут учения. Короткий зимний день клонится к вечеру, в лесу сгущаются сумерки, стихает шум боя. Бодрыми возвращаются в казармы солдаты. Не проходит и получаса, как они появляются в зале клуба в гимнастерках, подпоясанные хрустящими ремнями. Приехали заводские гости. Боевое знамя полка осеняет молодых воинов, роднит их с однополчанами старших поколений.

К. КОРЕВ

Стихи воинов Первой Конной

Читая сегодня стихи конармейцев, написанные 35—37 лет назад и напечатанные в армейской газете «Красный кавалерист», как бы перелистываешь своеобразную поэтическую летопись нашей славной Советской Армии.

В простых стихах конармейцы выражали свою любовь к Родине, свою преданность Коммунистической партии.

Конармеец Кручинин, рассказывая о подружке-шашке, к которой он привык с детства,— она перешла ему в наследство от отца,— писал:

Много битв повидала она
И отцом мне на подвиг дана.
Я поклялся, как выехал в часть,
Жизнь отдать за Советскую власть.

Впереди конармейцев шли несгибаемые большевики. Одному из них, Васильеву, принадлежат такие строки:

Мой путь далек, мой путь тернист,
Но я иду — я коммунист!
Чрез дебри гор, уступы скал
Я все ж иду, хоть и устал.
Идей огонь горит в груди
И все зовет: «Иди, иди!»

Стихами, баснями, частушками, песнями кавалеристы откликались на важнейшие события, на победы и неудачи, звали своих товарищей бить врага.

Газета «Красный кавалерист» сыграла огромную роль в жизни Первой Конной, бойцы называли ее «уважаемой», «любимой», «беспощадной». На страницах «Красного кавалериста» появилось крылатое четверостишие:

Ты уж, пуля, не посетуй,
Не всегда одной тобой —
Зачастую и газетой
На фронтах решался бой.

Что представляли собой авторы стихов? Вот, например, боец М. Любимов. Это рабочий, который вскоре после свержения самодержавия вступил в партию, а затем и в армию.

Многие из поэтов-конармейцев отдали свою жизнь за власть Советов. Яков Федорович Гайдай — рядовой казак, добровольно вступил в Красную Армию в 1918 году и за боевые подвиги был выдвинут командиром эскадрона. Потом его приняли в партию. В начале 1920 года Я. Ф. Гайдай обратился с пламенным стихотворением к обманутым казакам Дона, Кубани и Терека. Под стихотворением редакция писала: «Красный боец! Перебрось или переправь любым способом эту газету в деникинскую армию». А в июле 1920 года Гайдай погиб в бою на Волыни.

Одним из известных поэтов Первой Конной был П. Бахтуров, донской казак, народный учитель. В 1918 году он вступил в партию. Под его руководством на Дону создавались отряды, влившиеся потом в Красную Армию. В 1919 году Бахтуров стал военкомом. Богатырского роста и большой силы, бесстрашный кавалерист, разносторонне развитой и чуткий комиссар, Бахтуров проникновенно говорил о неизбежной победе над врагом. Но сам он не дождался этого времени: в октябре 1920 года Бахтуров погиб в бою.

Многие поэты Первой Конной дожили до наших дней. Федор Николаевич Докукин, писавший стихи, басни, частушки и песни, сотрудничал в газете «Молот», а сейчас работает в сельхозуправлении Ростовской области.

После перехода Первой Конной армии на мирное положение Ф. Докукин написал стихотворение, не потерявшее своей злободневности и сегодня. Он говорил молодым бойцам, рассматривавшим в клубе портрет павшего героя:

В боях добыта слава нами!
Теперь, под знамя славы став,
Не опускай ты это знамя.
Учись! Держи сухим свой порох,
Узнает в том отплату ворог!

А. СЕМЕНОВ

Н. А. Булганин, Премьер-Министр Индии Джавахарлал Неру и Н. С. Хрущев в лагере детской организации скаутов в Дели.

ПРЕБЫВАНИЕ Н. А. БУЛГАНИНА и Н. С. ХРУЩЕВА В ИНДИИ

Жители города Сринагара в Кашмире восторженно приветствуют Н. А. Булганина и Н. С. Хрущева.

Фото Дм. Бальтерманца.

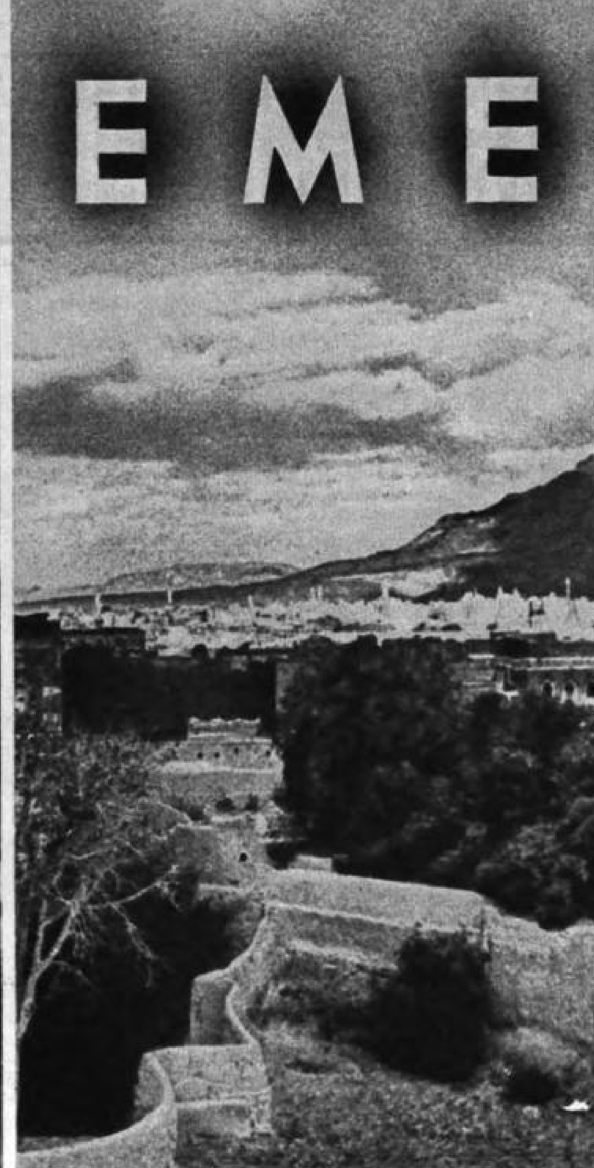
В Рангуне. Н. А. Булганин, Премьер-Министр Бирмы У Ну и Н. С. Хрущев по дороге с аэродрома в город.

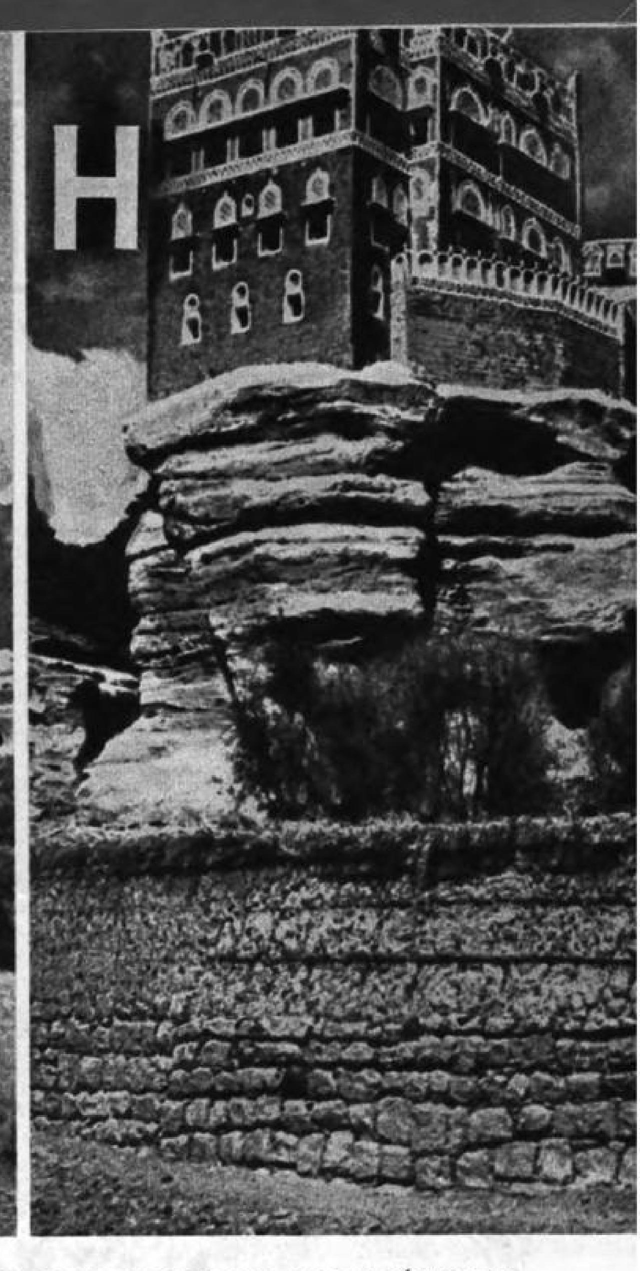
ПРЕБЫВАНИЕ Н. А. БУЛГАНИНА и Н. С. ХРУЩЕВА В БИРМЕ

Посещение пагоды Шве-Дагон в Рангуне.

ЙЕМЕН

Защищая свою независимость, йеменцы окружили города высокими стенами, воздвигли немало крепостей и сторожевых башен. На фото: 1. Крепостная стена и ворота одного из древнейших городов Йемена—Ибб, расположенного высоко в горах. 2. Столица Йемена Санаа, самый большой город в Южной Аравии. Путешественники прозвали его многобашенным городом — так много в Санаа старинных башен и минаретов. 3. Королевский дворец в Вади Дар, северо-западнее столицы Йемена Санаа. Это один из памятников борьбы йеменского народа против турецких оккупантов.

Читательница «Огонька» Н. С. Мигулько из Киева просит рассказать о государстве Йемен.

Римские историки и путешественники много писали о «Счастливой Аравии» — далекой южной стране, богатой, плодородной, цветущей. «Счастливая Аравия» — это Йемен.

К седой старине восходит история этой страны. Там, где Йеменское нагорье переходит в желтый океан песков пустыни Руб-эль-Хали, лежат развалины гигантской плотины и акведуков. Некогда мощные ирригационные системы, орошавшие плодородную долину, погребены зыбучими песками.

Двести тысяч квадратных километров территории современного Йемена — это красочная панорама природных контрастов. Вдоль красноморского побережья узкой полосой тянется бесплодная Тихама — пески и темносерые обломки горных пород. Финиковые пальмы немногих оазисов Тихамы резко контрастируют с низкорослым кустарником пустыни. Дальше к востоку поднимаются горы, на склонах которых разбиты обширные плантации кофейного дерева. Еще восточнее начинается изрезанное долинами Центральное плато. Здесь умеренный, мягкий климат, достаточное количество осадков и богатая, плодородная почва. Во фруктовых садах Йеменского нагорья зреют гранаты и орехи, абрикосы и апельсины, айва и лимоны, инжир и слива. На полях созревают богатые урожаи пшеницы и других сельскохозяйственных культур. Далее на восток Йеменское нагорье переходит в пустыню.

Население Йемена невелико. В этой стране никогда не было переписи, но, по приблизительным подсчетам, там проживает около 4,5 миллиона человек. Однако эта маленькая страна землепашцев и скотоводов долго и упорно боролась за национальную независимость. Особенно мощным было восстание в Йемене против турецких захватчиков. Его возглавил в начале этого столетия выдающийся государственный деятель Йемена имам Яхья. Когда после долгих лет кровопролитной борьбы турки были изгнаны из Йемена, имам Яхья встретился с новым, еще более коварным и сильным врагом. Английские колониальные власти пытались отрезать Йемен от моря и превратить его в свою колонию. В 1928—1929 годах английская авиация систематически бомбардировала беззащитные города Йемена. Но мужественный народ выстоял в этой борьбе, и Англия оказалась вынужденной признать его полную независимость.

После второй мировой войны Йемен стал членом Организации Объединенных Наций. Йеменское правительство отказалось участвовать в агрессивных военных блоках и вместе с Египтом, Сирией и Саудовской Аравией выступает против участия арабских стран в военных пактах.

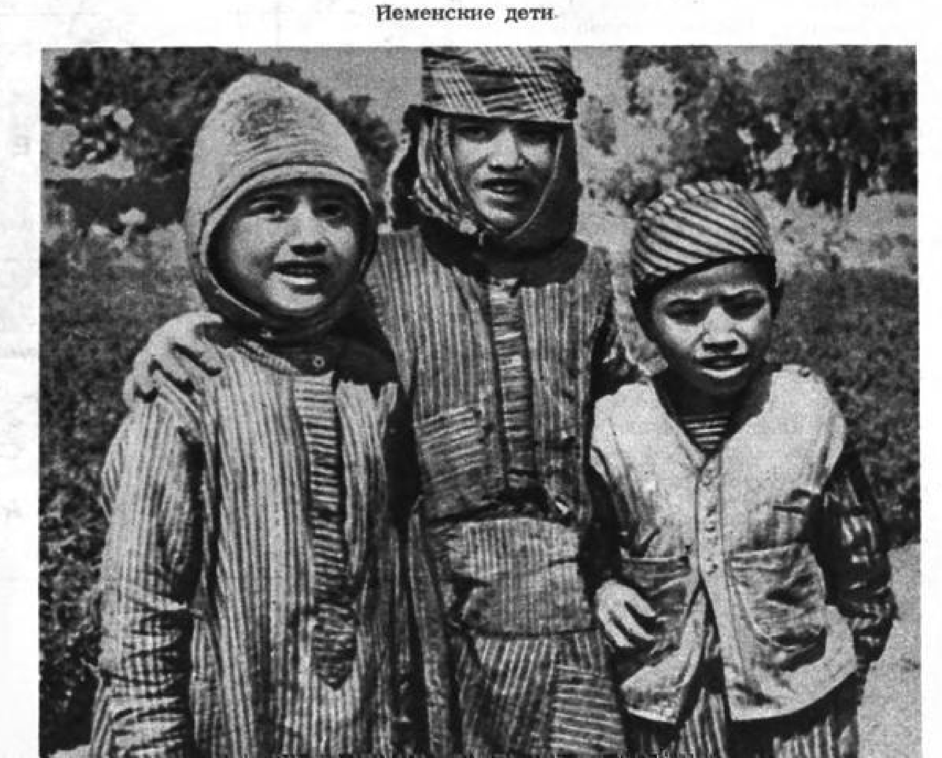
Иностранная агентура в Йемене дважды за последние восемь лет поднимала в этой стране кровавые мятежи. В феврале 1948 года иностранные наемники предательски убили престарелого короля Йемена имама Яхью, но им не удалось тогда удержаться у власти, и страну возглавил нынешний король, имам Ахмед. Весной прошлого года иностранная агентура попыталась свергнуть имама Ахмеда и подчинить Йемен влиянию империалистических монополий. Но и из этого испытания народ вышел победителем. Мятежники были разгромлены, законная власть восстановлена.

Советские люди с глубокой симпатией и чувством искренней дружбы относятся к народу Йемена. Советский Союз еще в 1928 году признал независимость Йемена. Тогда же был подписан советско-йеменский договор о дружбе и торговле. В Йемене работали советские врачи и велась оживленная торговля советскими товарами.

31 октября прошлого года в Каире был подписан советско-йеменский договор о дружбе, который продолжил действие договора, заключенного в 1928 году. Новый договор, провозглашающий дружбу между СССР и Йеменом,— ценный вклад в дело мира, укрепления безопасности и национальной независимости арабских государств.

К. СЕРЕЖИН

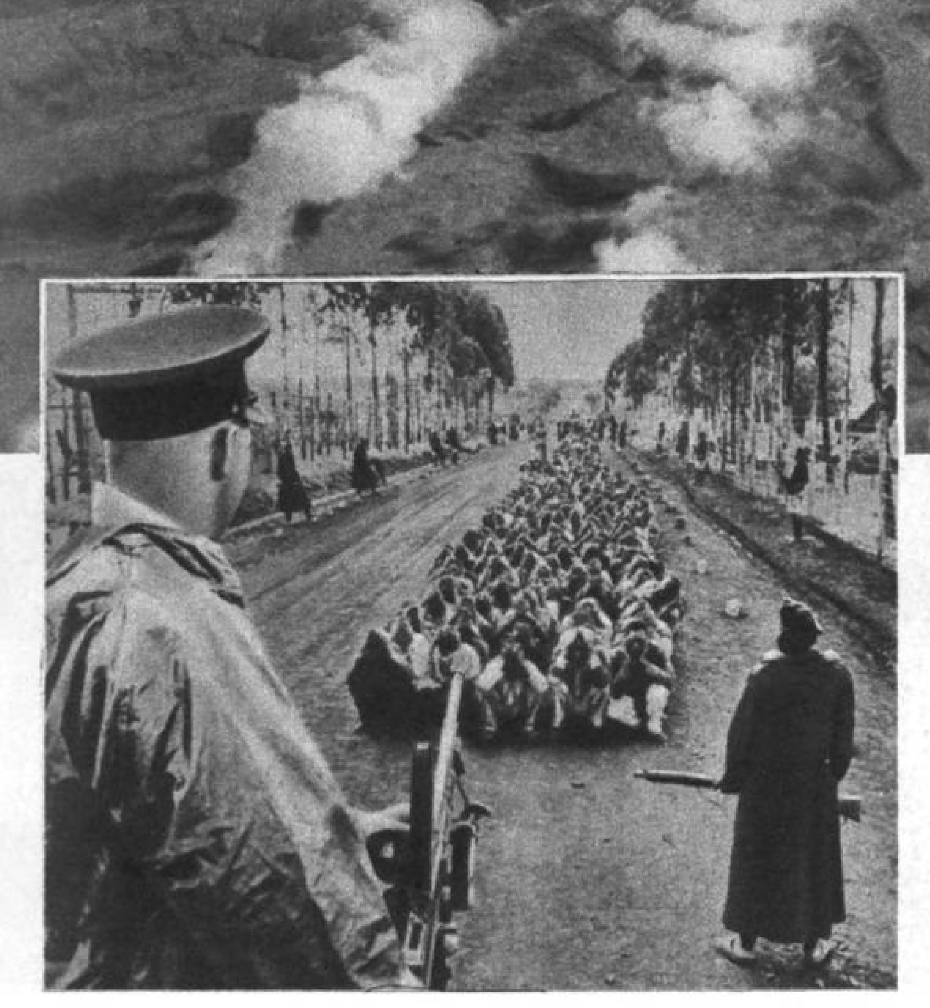
Йеменские дети

У ЗЕМЛИ КЕНИИ ЕСТЬ СВОЙ ХОЗЯИН!

Гора Кения подымается на 5 тысяч метров над уровнем моря.

Фото индийского корреспондента П. Н. Шарма.

Арестованные по первому подозрению негры племен кикуйю, эмбу и меру в концентрационном лагере Лангата на окраине города Найроби — столицы Кении.

Читательница «Огонька» Н. Г. Иванова из Москвы обратилась в редакцию с просьбой рассказать о борьбе народа Кении за свою независимость.

Слово «Кения» в переводе с языка одного из африканских племен означает «Белая гора».

Эта гора впервые предстала взору европейцев в 1849 году, хотя вершина ее была достигнута лишь через пятьдесят лет. Но окончательно покорить народ, населяющий страну Белой горы, колонизаторам так и не удалось.

Колонизаторы объявили земли африканцев «ничейными», силой согнали их оттуда и стали хозяйничать на этих землях. Получилась следующая картина: пять с лишним миллионов африканцев имеют 125 тысяч квадратных километров плохой земли, а три тысячи европейцев владеют 40 тысячами квадратных километров наилучшей земли.

Народ Кении никогда не мирился со своим подневольным положением. Борьба усиливалась, принимала все более организованные формы. После второй мировой войны в колонии создаются многочисленные африканские профсоюзы, организуется первая массовая африканская политическая организация — стотысячный «Союз африканцев Кении», проводятся крупные забастовки (1947, 1950 годы).

Антиимпериалистическое движение внушало колонизаторам все бо́льшие опасения. Кения нужна британскому империализму и как богатейший источник минерального и сельскохозяйственного сырья и как военная база. Вот почему колонизаторы решили одним махом задушить освободительное движение африканцев.

20 октября 1952 года губернатор Эвелин Баринг ввел в Кении чрезвычайное положение. Колониальные власти объявили на весь мир, что эта мера вызвана террористическими действиями некоего тайного африканского общества «Мау-Мау», которое-де поставило целью «изгнать всех европейцев из Кении». Страна была наводнена войсками. Судебный и полицейский террор, подавление демократических свобод, наконец, физическое истребление активных участников антиимпериалистической борьбы — все было пущено в ход. «Союз африканцев Кении» запретили. Видного африканского лидера, Джомо Кениата, возглавлявшего Союз, обвинили в руководстве «Мау-Мау». Его судили без присяжных заседателей и приговорили к семи годам каторги.

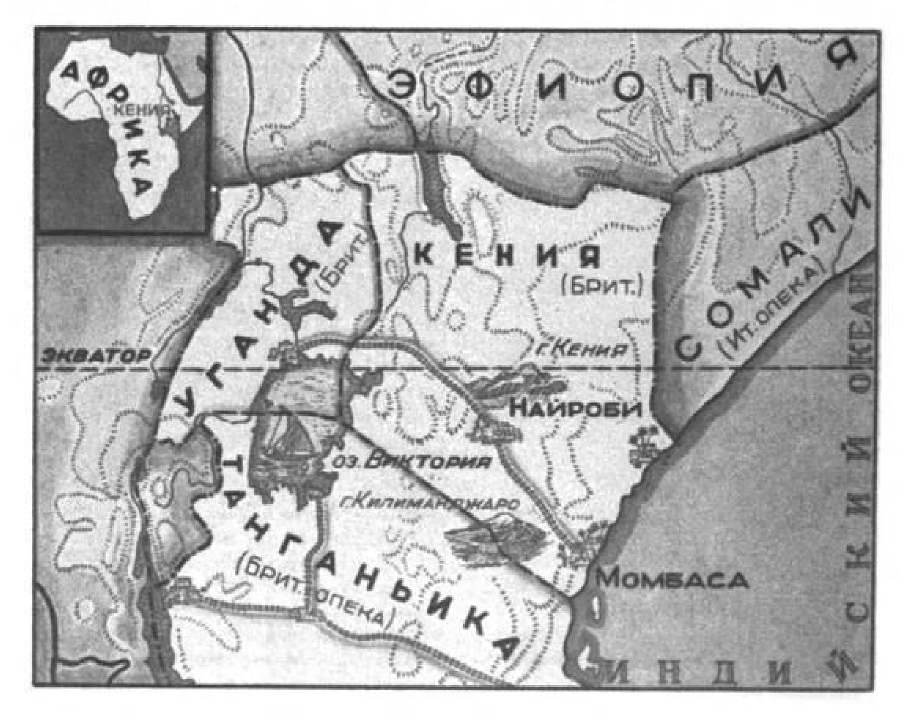
С тех пор прошло три года. Но методы «правосудия» в Кении не изменились. В 1946 году число заключенных в тюрьмах колонии составило 5 680 человек. В 1953 году оно подскочило до 20 250. А в прошлом году в тюрьмах и концентрационных лагерях томилось уже 87 тысяч человек.

Профсоюзное движение в колонии жестоко преследуется. Рабочего могут избить лишь за то, что обнаружат у него при обыске профсоюзный билет. Достаточно малейшего подозрения в причастности африканца к освободительному движению, чтобы полиция схватила его, избила, бросила в тюрьму или даже послала на эшафот. Тысячи и тысячи африканцев погибли в концлагерях, застенках или под пулями карателей.

В прошлом году колонизаторы попробовали было расколоть фронт освободительной борьбы сладкоречивыми обещаниями «амнистии» повстанцам. Однако народ не пошел на капитуляцию.

Повстанцы малочисленны, но они пользуются поддержкой большинства коренного населения. Они плохо вооружены, но это не мешает их летучим отрядам организовывать смелые нападения на регулярные войска и полицию, захватывать оружие и освобождать пленных.

Несмотря на цензуру, в печать изредка проникают сообщения о

забастовках трудящихся Кении. Так, в марте прошлого года в крупнейшем порту колонии — Момбасе, переоборудованном недавно в военно-морскую базу, вспыхнула забастовка, в которой приняли участие десять тысяч африканских докеров.

В освободительную борьбу включаются все новые слои населения. Раньше в ней участвовало главным образом лишь племя кикуйю, наиболее жестоко притесняемое колонизаторами. Ныне ряды борцов против колониального гнета расширились. В борьбе активно участвуют африканцы из других племен: эмбу, меру, мараголи, вакамба.

На стороне борющейся Кении симпатии всего прогрессивного человечества. О своей поддержке африканских патриотов заявили такие массовые организации трудящихся, как Всемирная федерация профсоюзов, Международная демократическая федерация женщин. Против кровопролития в Кении решительно выступают компартия Великобритании, многие английские профсоюзы, ряд членов парламента и некоторые газеты лейбористской партии.

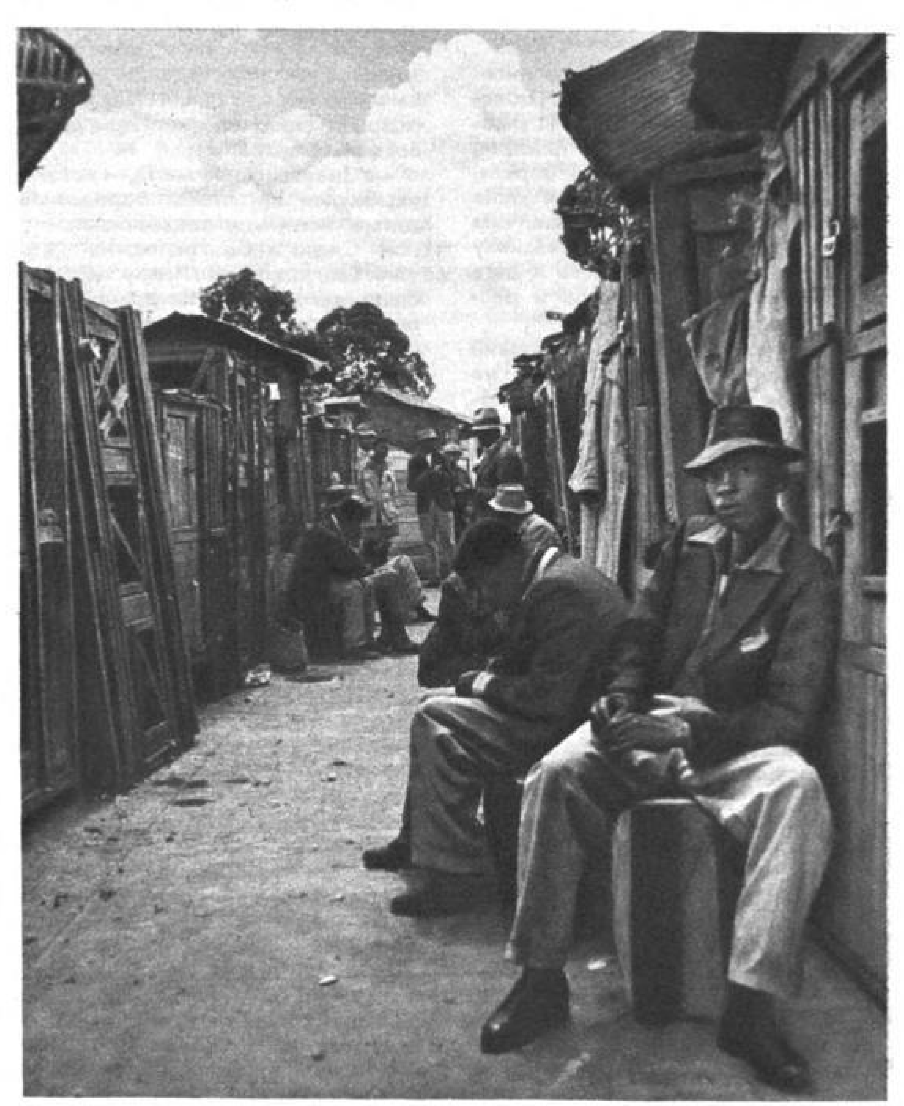
Наступил 1956 год, четвертый год кровопролитной колониальной войны, которая ведется в джунглях Восточной Африки. Колонизаторы решили вновь попытаться расколоть фронт освободительной борьбы реформистским путем. В середине января в Найроби и Лондоне было с помпой объявлено о введении «новой избирательной системы в колонии», которая якобы предоставляет право голоса коренному населению. По этой системе устанавливается высокий возрастной и огромный имущественный ценз. Примечательно, что новая система дает лишний голос африканцу, который в течение пяти лет... прослужил в полиции. Ну чем не «равные» и не «свободные» выборы!

Земля Кении горит под ногами английских плантаторов и чиновников. Да это и понятно: они пришли на нее как недруги, как оккупанты. Но у этой земли есть свой хозяин — народ Кении. Рано или поздно он вновь обретет свои горы, леса и земли, отнятые у него много лет назад.

А. ЛЕТНЕВ

Колонизаторы помещают в концентрационные лагери даже детей. Снимки из английского журнала «Иллюстрейтед».

На негритянском рынке.

ТРЕЩИНА НА НЕБЕ

Рассказ

Джек КОУП

Рисунки Г. ФИЛИППОВСКОГО.

Джек Коуп родился в семье фермера в Натале (Южная Африка). Свою карьеру журналиста он начал в Кейптауне. Много пишет о южноафриканских народах, жизнь которых ему хорошо известна. Недавно вышел его роман под названием «Справедливый дом».

Они шли мимо колодца с ветряком и смотрели вверх, на медленно вращающиеся железные лопасти. Небо над ветряком было цвета голубоватой стали, без облачка и такое твердое от жара, что казалось, вот-вот оно расколется, как тарелка.

«Интересно,— подумал мальчик,— а что, если небо треснет?» Эта мысль испугала и восхитила его: средь бела дня посыплются звезды, раскаленные докрасна, а не бледные и холодные, как всегда.

— Дядя Флип, ты видел когда-нибудь трещину на небе? — спросил он своего спутника.

— Ну, конечно,— ответил рассеянно старый негр и продолжал идти дальше, волоча ноги.

Белый мальчик с худеньким личиком, настороженным и внимательным, как у птицы, слегка прихрамывая, шагал рядом с ним. Старый Флип снова посмотрел на небо, на крылья ветряка, потом перевел взгляд на струйку, лившуюся из трубы в цистерну для водопоя. Теперь до него дошло, что сказал мальчик, и он уже знал, что тот сейчас засыплет его нетерпеливыми вопросами.

— Значит, ты видел трещину? А когда?

— Посмотри лучше на буревестника,— сказал Флип.— Слышишь, как он кричит? Это к дождю.

— К дождю,— вяло повторил мальчик.— Нет, дождя уж, наверно, никогда больше не будет.

Мальчик видел лихорадочное отчаяние родителей, знал, как мучается от жажды раскаленная земля, и часто повторяемое слово «дождь» раздражало его. Желание услышать чудесную историю от старого Флипа пропало, и он замолчал. Флип посмотрел через плечо на веранду. Нет, хозяина не видно, никто их не заметил. Сейчас они минуют гребень холма и начнут спускаться к реке Камкам. Старик сжал загрубевшей рукой влажные пальцы мальчика, и оба продолжали путь, думая каждый о своем.

Мальчику не позволяли брать за руку старого Флипа и играть с двумя его внучатами, у которых была темнокоричневая кожа и пыльные волосы, похожие на черные курчавые шапки. Он не знал, почему ему это запрещают, и никого об этом не расспрашивал. Запрет казался ему таким же непреодолимым, как долгое отсутствие дождя, разорявшее их семью. Мальчик не знал, что значит иметь товарища.

Отец разрешил ему ходить вместе со старым Оута Флипом только на овечье пастбище в долине Камкам: мальчику надо было учиться узнавать и считать овец. Теперь, когда овцы стали падать одна за другой, эти прогулки приносили одно огорчение. Каждый раз, возвращаясь домой, он сообщал отцу о потерях. С каждым днем все меньше овец брело по пыльным тропам и пило воду у колодца с ветряком.

Мальчика звали Крисп, а его отца — Нико Луббе. Нико пришел на ферму еще до появления мальчика на свет, так что Крисп со дня рождения принадлежал ферме и всему Карру[1], как старый Флип или горы Груберг, синевшие на горизонте, или же река Камкам. Отец же его был здесь не старожилом, а пришлым. Вырос он в бедной семье в Трансваале и бросил школу, не закончив ее. Он работал шофером на грузовике, потом подручным в гараже, наконец, продавцом в винной лавке. Нико всегда считал, что достоин лучшей работы, чем та, которая выпала ему на долю. Работая в винной лавке, Нико женился на Рине де Витт, и с того момента, повидимому, фортуна повернулась к нему лицом.

Она была беременна Криспом, когда, как гром с ясного неба, пришло известие, ошеломившее их обоих: Рине по наследству от дяди досталась ферма в Карру. Они продали мебель, погрузили кое-какие вещи в потрепанный «Гудзон», принадлежавший Нико, и отправились в путь, навсегда оставив позади Трансвааль и жизнь, полную долгов, забот и постоянной приниженности. По дороге оба толковали о том, кем будет их сын,— они почему-то были уверены, что у них родится мальчик. Нико с ликованием и в то же время с некоторой горечью вспоминал преследовавшие его неудачи и говорил:

— Сын крепко станет обеими ногами на собственной земле, и мир для него будет открыт. И он поедет учиться в университет в Стелленбосе. Какое будущее ожидает его! Он сможет стать членом парламента, а может быть, и премьер-министром.

Нико понимал, что все это несбыточно, но одно упоминание о

[1] Безводное глинистое плато в Южной Африке (прим. перев.).

такой высокой и недостижимой должности, как пост премьер-министра, поднимало его в собственных глазах.

— Да нет, Нико,— возражала Рина.— Пусть он лучше вырастет обыкновенным ребенком и любит своих родителей.

То были минуты наивысшего блаженства для обоих, минуты успеха и удачи. Когда они приехали в деревню Ресдриф, розовая пелена благополучия стала спадать с их глаз. Никто, оказывается, даже не слыхал о ферме под названием «Либерти», которую они унаследовали. В конце концов формальности были улажены с помощью адвоката Калька в городе Хамансдорп, и они вступили во владение фермой.

Там они узнали, что река Камкам высохла с незапамятных времен. Ни скота, ни изгородей им по наследству не досталось; дом был из глины, с крышей, крытой соломой, и тростниковым потолком. Единственным «движимым имуществом» был старый Флип, живший со своей дочерью Труитжи и ее двумя малышами в хижине, окруженной колючими зарослями. У него было несколько мохнатых коз, пара ослов и какое-то сооружение на двух колесах от плуга, которое он называл тележкой.

Ферма была уже заложена, но адвокат Кальк дал Нико денег в кредит с тем, чтобы тот смог поставить ветряк и купить овец. Будущий премьер-министр появился на свет в Хамансдорпской больнице — у Нико был еще цел тогда его «Гудзон». Крисп родился слабым ребенком и не скоро научился ходить, но едва стал бегать, как, оказалось, что наследство его исчезло. Адвокат Кальк так ловко повел дело, что ни Нико, ни Рина так и не узнали точно, кто их разорил. У них не было больше права ни на один морген[1] земли, однако Нико упрямо цеплялся за «Либерти», внося арендную плату через Калька, что позволяло ему смутно догадываться о стоимости фермы.

До исступления стал он ненавидеть тех, кто, по его мнению, ополчился против него: банкиров, англичан, римско-католическую церковь, даже масонов. Это были его враги, враги подобных ему простых людей, всей нации. Пусть его ограбили, отняли у него собственность, но он подождет уходить, он не уступит ни фута этой земли. Нико вставил стекла во все четыре окошка дома, настелил доски в двух комнатах, где раньше был утрамбованный глиняный пол. Но уже шесть лет прошло с тех пор, как в последний раз была окрашена передняя дверь; краска на стенах облезла и отваливалась клочьями. Сидя на этом тощем участке Карру, он ждал судного дня — тогда ему вернут его права и землю.

С той поры, как ему пришлось продать свой «Гудзон», он не мог больше участвовать в политической жизни округи: слишком уж было постыдно и унизительно приезжать на сельские собрания в тележке, запряженной ослом, а тем более приходить пешком,— и ему пришлось скрепя сердце отказаться от этого. Появлялся он в деревне не чаще, чем раз в несколько месяцев, да и то украдкой, покупал газету и бутылку брэнди, а затем ввязывался в разговор на какую-нибудь политическую тему. Эти беседы да рассказы о своем сыне Криспе были его единственным утешением. С деланной небрежностью Нико дрожащим голосом говорил о том, как растет Крисп:

— Вы просто не поверите. Этот мальчик меня удивляет. Он настоящий орел, хоть еще мал, и крылья у него выросли не по годам.

На Нико, когда он вмешивался в разговор, смотрели с презрением. Презирали его за нищету, непростительную среди окружающего благополучия. Все видели его безуспешные попытки привести себя в порядок, соскоблить колючую щетину на подбородке и подстричь свисавшие космами волосы. Его считали пропащим человеком, хотя он и был белым. Когда он говорил, губы его жалко дрожали, а кадык перекатывался под тощей кожей, словно загнанная мышь. Никто не обращал никакого внимания на его слова, хотя, правда, некоторые шутили и забавлялись на его счет.

Вконец измученный такой вылазкой в деревню, Нико тащился домой, в «Либерти», и по дороге разговаривал сам с собой. Иногда он останавливался, обращаясь к воображаемой аудитории, хотя перед ним была только сидевшая на придорожном столбе ворона или стадо овец, тяжело дышавших от жары и прятавших головы друг у друга под животами, чтобы спастись от палящих солнечных лучей.

Но у себя дома Нико установил «закон»: Крисп не должен общаться с «цветными». Никаких игр, никакой дружбы со старым Флипом, Труитжи и двумя ее сопляками. Для них его сын был маленьким баасом — хозяином. Они приветствовали его, касаясь пальцами лба, как слуги, которым полагается выказывать покорность. Рина, со своей стороны, следила за тем, чтобы «закон» соблюдался: она на своем опыте знала, к чему приводит общение с «цветными». Однажды в детстве она играла вместе со своими чернокожими и «цветными» сверстниками на окраине деревни, где они жили в то время, и тогда-то впервые услышала кличку «несчастный белый кафр». Она чуть не сгорела со стыда тогда. Нико и Рина не желали замечать, что Крисп слегка прихрамывает. Они любили следить за движениями ребенка, находя его прелестным с его большой головой, немного наклоненной набок...

Оута Флип и мальчик, прежде чем спуститься в отлогую долину реки Камкам, постояли минуту на гребне холма. Русло пересохшей реки было окаймлено низкорослыми, голыми кустами боярышника, видно, тоже погибшими от зноя. Выше шли заросли кустарника, такого же поблекшего и безжизненного. Среди горячих камней с опущенными головами стояли овцы, то и дело вздрагивая, чтобы отогнать мух.

Флип и Крисп шли медленно, словно стараясь понемногу запечатлеть всю эту картину. Мальчик крепче уцепился за руку Флипа, как бы ища у старика поддержки. Оба были босы, их заплатанная выгоревшая одежда говорила о крайней бедности. На голове у Криспа была старая отцовская шляпа; вытертая, разорванная, она свисала сзади ему на плечи. На старике была бурая шапка, сшитая им собственноручно из обезьяньей шкурки.

— Знаешь, Оута Флип,— произнес Крисп,— мне сегодня приснилось, что в реке полно воды.

— Да тебе это только приснилось!

— И вода текла к самому дому моего отца...

— Ну, а потом?

— Как ты думаешь, что было в этой чудной реке?

— Дохлые ослы? — предположил Флип.

— Нет. А живое?

Мальчик повернулся к Оута Флипу и уставился на него своими умными, внимательными глазами. Лицо Флипа, если рассматривать его вблизи, было так безобразно, что едва походило на человеческое. Нижняя губа, толстая и красная, отвисла, обнажая неровные почерневшие зубы, торчавшие, словно гнилые колья; плоский нос с раздутыми ноздрями был похож на дуло двустволки, вроде той, какая была у Нико; черные глаза, наполовину спрятанные в складках морщинистой кожи, и редкие седые волосы, торчащие на подбородке,— все это никак не вызывало восхищения. Но Крисп и не восхищался внешностью Оута Флипа — он просто любил его. За этим уродливым лицом скрывалась душа, ясная, как синее небо, душа доброго человека, с неистощимым запасом ума и веселья, умевшего рассказывать свои истории на десятки разных голосов и с такими гримасами, что Крисп катался по земле от смеха.

— В реке плавали тюлени,— продолжал серьезно мальчик.

— Тюлени? Ну, как же, правильно.

— А что там еще было, как ты думаешь?

— Утки?

— Нет, это все обыкновенное. Там плавали белые птицы, большие, как страусы. Лебеди. И рыбки, такие красивые!.. Они плавали, я видел их там, у самого берега, и заигрывали с овцами. А одна рыбка была вся-вся золотая, она блеснула и подпрыгнула к самому небу. Потом я проснулся. Я еще многое видел, я вспомню и расскажу тебе.

— Да, тебе приснился хороший сон, очень хороший. А ты не испугался, когда увидел реку, которая текла в самый дом?

— А чего мне было пугаться?

— Так-таки и не испугался?

— Да нет же, дядя Флип.

— Ты не знаешь, что значит бояться, маленький баас!

Они продолжали спускаться. Мальчик задумался.

— Нет, знаю,— произнес он через минуту.— Я боюсь, что моя мама умрет.

— Это не значит бояться,— отвечал старик,— это значит знать. Ты знаешь то, что печально, и то, что радостно. Я другое хотел сказать: страшно ли тебе ночью или когда ты один в зарослях, далеко от дома? Того своего «друга» ты, например, не боишься? — неожиданно спросил Флип и засмеялся, пристально глядя на мальчика.

Крисп обиделся и вырвал руку. Дальше он шел один, надув губы, с нахмуренным лбом. Так они и шли бы врозь, отчужденно, если бы старик вдруг не закричал хрипло «Д-а-ай-си!» и не бросился куда-то в сторону. Флип спугнул черного с золотом скорпиона, гревшегося на солнце. Старик раздразнил насекомое ручкой хлыста и, когда оно высунуло свое ядовитое жало, ловко схватил скорпиона и сунул к себе в карман.

— Мы найдем еще одного и посмотрим, как они дерутся,— засмеялся Флип.— Этот возьмет верх: он большой и черный, значит, ядовитый.

Он нашел другого скорпиона возле сожженных солнцем деревьев, росших у русла пересохшей реки. Присев на корточки, оба стали следить за дракой двух ядовитых пауков.

— Ты никогда не дотрагивайся до них,— произнес старик.

— А почему ты сам их трогаешь?

— Потому что я умею. И потом, мне все равно, если даже они меня укусят.

Скорпионы, сцепившись шупальцами, жалами выискивали уязвимое место противника.

— Почему они дерутся? — спросил Крисп.— Они ведь одинаковые?

— Дерутся потому, что глупые.

— Смотри, дядя Флип, твоего ужалили.

— Если прислушаться, будет слышно, как они пищат.

— Фу, как гадко! — Мальчик поднялся.— Я не хочу больше смотреть на них, Оута Флип. Уйдем отсюда! Пойдем к нашим овцам.

Они возвращались домой, когда солнце стояло почти в самом зените, отбрасывая короткую тень у самых ног. Крисп подошел к дому с задней стороны. Он знал, что отец, как всегда, угрюмо сидит в комнате и смотрит сквозь открытую дверь, уставившись в одну точку, а мать стряпает в задней пристройке. Мальчик тихонько проскользнул в кухню, полную чада, и уселся на ящик. Рина просветлела, увидев своего любимца.

— Ну, что ты видел, мое солнышко?

Крисп снял шляпу и пригладил лохматые вихры.

— Знаешь, мама,— весело улыбнулся он, чтобы порадовать мать,— все наши овцы живы...

— Слава тебе господи!

— Так что Оута Флипу не надо было сегодня нести домой овечьи шкурки.

— Отец, все идет к лучшему! — крикнула она в соседнюю комнату, одновременно заглядывая в горшок, в котором варилась маисовая похлебка.

— Мама, я давно не видался со своим другом...

Мать повернулась к нему с грустной улыбкой. Лицо у нее было круглое, но под глубоко запавшими глазами темнели круги, а кожа была бледная и вялая.

— Почему же, мой мальчик? Ты с ним поссорился?

Ей стало вдруг невыносимо больно. Ее изнывшее сердце вдруг остро почувствовало одиночество ребенка, и она поняла, что ее покорность судьбе достигла предела. Нет, она не в силах более выносить свою тяжкую долю.

«Друг» у Криспа появился совсем недавно. Иногда мальчик уносил из дома что-нибудь поесть. Он играл где-то среди алоэ и чахлых кустарников, росших на холме напротив их дома, и, когда возвращался, рассказывал, что друг его здоров. Иногда его приятель исчезал, и тогда они не могли вместе играть. Мать подшучивала над его весе-

[1] Морген=0,855 га (прим. перев.).

лыми и живыми детскими фантазиями.

— Нет, мама, мы не ссорились.

Но больше он не сказал ни слова. Криспу не хотелось признаться, что причиной всему был старый Флип. Старик часто поддразнивал мальчика его «другом», а Крисп любил старого Флипа и принимал близко к сердцу его слова.

Рина видела, что мальчику не по себе, он чем-то удручен. Она достала из жестянки сухарь, слегка намазала его салом и протянула Криспу. О, если бы только она была в силах осуществить его детскую мечту, помочь ему найти настоящего, не вымышленного друга! Мысли, высказываемые Криспом, часто изумляли и поражали ее. Мальчик и впрямь был орлом, как говорил Нико, но в какой печальный мир, должно быть, его уносили неокрепшие крылышки!

Крисп, задумавшись, сидел на ящике и вертел в руках аппетитный сухарь, потом принялся лениво грызть его. Он посмотрел на мать — в глазах его блеснул шаловливый огонек. Спрятав кусок сухаря за пазуху, он соскользнул с ящика и, подойдя к открытой двери, стал смотреть на курицу, копошившуюся в пыли двора. Потом вышел из дома, держа в руке старую отцовскую шляпу, и начал быстро подыматься к каменистой вершине холма, возвышавшегося перед домом. Раньше мальчик всегда говорил матери, что приберег немного еды для своего друга. Сегодня же он был скрытен и ушел играть, не сказав ни слова.

Рина смотрела, как он шел, немного склонив голову набок. Она, как всегда, не замечала, что Крисп слегка припадает на одну ногу, тем более, что каменистая, неровная тропинка скрадывала его хромоту. Мать увидела, как Крисп расправил смятую шляпу, надел ее и решительно зашагал дальше. Покачивающаяся голова его и узкие плечи виднелись уже высоко на холме. Рина сделала несколько шагов к двери, чтобы не упускать сына из виду. Но тут Крисп повернул влево и скоро исчез в зарослях. Рина сняла висевшую на гвозде широкополую шляпу, надела ее и рассеянно завязала под подбородком тесемки. Ей вдруг захотелось посмотреть, как играет Крисп со своим воображаемым другом. Только нужно сделать это осторожно: мальчик не должен знать, что за ним подсматривают.

Ремни самодельных сандалий больно врезались в ее опухшие ноги, когда она, тяжело ступая, поднималась по тропинке. Обернувшись, Рина увидела соломенную крышу своего дома, покрытую слоем красноватой пыли, и хижину Оута Флипа, стоявшую в кольце колючих зарослей, на краю ущелья. Труитжи, дочь Флипа, шла от ветряка, неся на голове жестяной бидон. В нем поблескивала вода. За ней шла ее девочка, веселое, бойкое существо; она старалась попасть в след матери. Рина еще не видела Криспа, но она не торопилась, не желая спугнуть ребенка.

Теперь она уже больше не оглядывалась, она напряженно всматривалась, ища своего мальчика. На нем была песочного цвета шляпа, она будет сливаться с серо-коричневым фоном скал и выгоревших кустарников. Солнце палило нещадно, и на лице Рины росою выступил пот. Нет, наверняка он заметит ее первым... Ведь на ней белая шляпа, а у мальчика, у ее Криспа, зоркие глаза. Не лучше ли вернуться домой и оставить его в покое? Рина сдвинула шляпу на затылок и вытерла рукавом лицо. Ну и зной! И ни малейшего дуновения ветерка...

Она поднялась уже очень высоко. Стоит ли теперь возвращаться? Рина перевела дыхание и пошла дальше, не предполагая, что увидит сына так скоро. Тропинка стала спускаться, затем круто пошла вниз, поворачивая к ущелью за хижиной Оута Флипа. «Крисп, должно быть, свернул сюда»,— подумала она и стала спускаться по крутому склону холма, ступая осторожно, стараясь не зацепиться длинными юбками за колючие, сухие кусты. На ее пути встал большой валун, она коснулась его пальцами. Камень настолько раскалился, что на нем впору было печь яйца. Взглянув поверх валуна, Рина вдруг увидела по другую сторону Криспа, в каких-нибудь пяти — шести шагах от нее! Мальчик стоял к ней спиной и, наклонившись, что-то внимательно рассматривал. Потом он выпрямился, тихонько смеясь. И тут Рина из своего убежища в камнях увидела его «друга».

Это была громадная желтая кобра. Извиваясь своим отвратительным телом, она подползала к мальчику, шея ее подымалась у самых его ног. Потом змея стала свертываться в клубок, все выше поднимая голову, теперь она покачивалась почти у самого пояса мальчика. Рина зажала рукой рот, чтобы не закричать. «Что было бы,— подумала она в ужасе,— если бы я крикнула. Ведь змея ужалила бы мальчика!.. Так вот какой у него друг! Вовсе не воображаемый, как она слепо верила до сих пор... Значит, Крисп каждую минуту подвергался смертельной опасности, когда играл с ней... Малейшее неверное движение — и ядовитые зубы этого омерзительного, злобного существа вопьются в щеку ее мальчика... Скорей бежать, бежать домой за Нико, пусть он возьмет ружье!»...

Рина бежала вниз в беспамятстве, шепча молитвы: «Господи, господи! Рука твоя хранила его все время, боже всемилостивый, спаситель наш, пощади его и на этот раз, сохрани, пока отец не уничтожит этого ужасного гада!» Она выбралась на тропинку и изо всех сил помчалась к дому.

— Нико! Нико! Ружье скорей! — принялась она кричать еще издали. Он не мог ее слышать, но Рина, вбирая в легкие воздух, задыхаясь, все повторяла: — Скорее, Нико! Ружье!

Она влетела в комнату... Муж медленно встал со скамьи и смотрел на нее, как на сумасшедшую. Ушло несколько драгоценных секунд, пока она смогла объяснить, в чем дело. Нико схватил двустволку и стал торопливо заряжать ее картечью. Он застонал от ужаса. Ему представилось, что Крисп уже мертв или, укушенный коброй, бьется в предсмертной агонии.

— Нико,— судорожно шептала ему Рина,— будь осторожен! Подойди незаметно... Иначе...

— Понимаю,— ответил он мрачно.

Он взвел оба курка ружья, чтобы щелчок не выдал его, когда он будет близко. Потом Нико схватил жену за руку, и оба выбежали из дома. Спасти их сокровище, их мальчика, единственное, что оставалось у них в жизни! Нико не успел надеть шляпу, седые волосы его растрепались, на щеках и подбородке торчала небритая щетина, в темных глазах горел свирепый огонь.

— Сюда! — шепнула мать, дойдя до места, где она свернула в прошлый раз.

Нико двинулся вперед, но отклонился в сторону. Инстинктивно оглянувшись, он увидел, что Рина показывает ему знаками, куда идти. Он дошел до валуна и осторожно, как охотник, подкарауливающий дичь, выглянул из-за него. Крисп сидел в пыли, голова кобры была теперь на одном уровне с его лицом. Протянув руку, мальчик гладил змею по маленькой темной головке и шее, а змея то распускала, то свертывала свой капюшон, словно наслаждаясь лаской. Мальчик с довольным видом что-то щебетал. Нико прислушался:

— Дождя уже больше не будет. Оута Флип говорит, что буревестник принесет дождь, но тучи почему-то не хотят его слушаться. Знаешь, Флип стравил двух скорпионов там, возле Камкам...

Нико осторожно поднял ствол ружья и стал ждать. Он чувствовал, как страшно стучит сердце, больно отдаваясь в ребрах. Теперь от него зависела жизнь мальчика. Голова кобры откачнулась на метр от лица ребенка и на мгновение замерла. Нико прицелился и стал медленно нажимать на спуск, но в этот миг голова кобры снова качнулась вперед. Он похолодел: если бы он выстрелил, то наверняка бы промахнулся... Мальчик что-то держал в руке, кобра покачивала головой из стороны в сторону. Нико видел много раз — вот точно так змеи гипнотизировали свою жертву...

Кобра разинула и снова закрыла пасть, схватив еду.

«Господь всемогущий!» — мысленно произнес Нико.

Он больше не видел змеи, и каждая секунда, пока он сидел тут, за камнем, казалась ему долгой, как год. Нико решил при-

влечь внимание мальчика. Сперва он тихонько свистнул, подражая птице; потом повторил свист громче и немного фальшиво, чтобы Крисп заметил это. И действительно, мальчик оглянулся, но не увидел отца. Нико свистнул еще раз, высунув из-за валуна голову.

— Пап! — произнес Крисп, заметив наконец отца, но тут же отвернулся.

— Иди сюда, малыш, только потихоньку,— шептал Нико.

Отцу показалось, что Крисп вдруг стал дрожать. Было ли то от страха или мальчик заплакал, Нико не мог понять. Но Крисп все еще сидел, опустив голову, между отцом и змеей.

— Ну, иди же сюда, сынок,— прошептал Нико громче.

В это мгновение кобра увидела его. С молниеносной быстротой она взвилась над мальчиком, расправив свой капюшон. Повеяло смертью. Мгновение, показавшееся ему вечностью, Нико ждал, что вот-вот змея ужалит мальчика, потом он разгадал смысл ее яростного движения: она хотела защитить ребенка! Вдруг кобра качнулась в сторону, чтобы обмануть человека, и тут же выпрямилась на земле, словно хлыст, собираясь броситься на него. Змея больше не была на одной линии с мальчиком, и, едва она снова подняла голову, Нико выстрелил.

Крисп вскочил, оглушенный грохотом и горячей волной пороховых газов. Сперва он ничего не мог понять, потом увидел у своих ног окровавленное, с оторванной головой тело кобры. Она металась в конвульсиях. Пятифутовый клубок ее золотых колец был весь обрызган холодной красной кровью. Мальчик закрыл лицо руками и судорожно зарыдал.

Нико перелез через камень и положил руку на плечо мальчика. Но Крисп опустился на колени и стал ловить руками извивающееся тело змеи. Он не смотрел на человека, стоявшего над ним с дымящимся ружьем в руках. Отец убил его друга!.. Крисп вскочил, поднял сжатые кулачки и бросился на Нико.

— Зачем ты застрелил ее? — закричал он.

Нико, пораженный, прислонил ружье к камню и попытался взять мальчика на руки. Но тот вырвался и упал навзничь в пыль, весь сотрясаясь от рыданий.

Прибежавшая Рина увидела мужа: опустившись на одно колено, он неуклюже гладил мальчика по голове, пытаясь успокоить его. Вконец измученная страшными минутами ожидания, она смотрела поверх камня то на мужа и сына, то на кольца убитой змеи, все еще подрагивавшие на солнце.

— Он жив! — произнес Нико.

Взяв Криспа за руки, они повели его вниз по холму. Мальчик прижимался к матери и старался отодвинуться подальше от отца. Рина вытерла подолом юбки лицо и руки Криспа, испачканные кровью кобры, но красные пятна остались у него на рубахе и волосах; вид его был ужасен. Шаркая ногами, на выстрел прибежал Оута Флип, а вслед за ним Труитжи с детьми. Запыхавшись от бега, они остановились на тропе, увидев белых. На каждом из четырех черных лиц застыло удивление и какой-то невысказанный вопрос. Но родители Криспа были слишком подавлены, чтобы отвечать кому бы то ни было. Четверо негров, всем своим видом давая понять, что они могут подождать, пока им объяснят, в чем дело, двинулись вслед за белыми.

Не прошли они и десятка шагов, как Крисп обернулся и произнес с рыданием:

— Оута Флип, папа убил моего друга.

Тогда заговорили все разом.

— О, какая жалость! — сказала Труитжи.

— Чего тебе жалко? — вырвалось у Рины.

— Жалко мальчика, госпожа. Ему нужно играть с кем-нибудь.

— Но ведь это была кобра!..

— Кобра была его другом...

— О боже! Значит, вам все было известно?

— Ага,— промолвила Труитжи.

Старый Флип тоже виновато закивал головой, а вслед за ним и его внучата.

— Они тоже знали,— подтвердил Крисп, с тоской глядя на ребят.

— Вы все знали? Все?! — крикнул Нико в ярости.

— Змея была не опасна, хозяин,— смиренно ответил старый Флип.— На всякий случай я вырвал у нее зубы, хозяин.

Крисп больше ничего не слышал. Он, не отводя глаз, смотрел на внучат Флипа. Наступило молчание. Нико и Рина стояли, пораженные тем, что услышали. Черные чувствовали, что в белых что-то напряглось, словно струна туземной гитары, которая вот-вот оборвется. Потом обе одинокие семьи медленно двинулись к дому.

Бывает так, что во время каких-нибудь исключительных событий — чьего-либо рождения, похорон или крестин — преграды между людьми падают. Краешком глаза Крисп внимательно оглядывал детей, шедших рядом. Обернувшись назад, он увидел на фоне неба ружье, покачивающееся у отца на плече. Небо было все такое же твердое, без единой трещины, и на нем все так же не было ни облачка.

Перевел с английского
В. КУЗНЕЦОВ.

ЖИВАЯ ЖИЗНЬ ВЕЛИКОГО НАРОДА

Товарищи из одного нашего южного колхоза, где принимали китайскую делегацию, рассказывали, как приготовились они встретить гостей честь честью, с цветами, речами, парадным обедом. А гости прямо со станции пошли на чайные плантации.

Гости учились.

Этот случай невольно приходит на память, когда читаешь книгу китайских очерков Вадима Кожевникова «Тысяча цзиней». Основной пафос ее — народ на учебе. Юноши, девушки и старики, крестьяне, рабочие, художники, инженеры — все учатся: учатся отлично работать, читать и писать, чувствовать себя хозяевами жизни, бороться за эту жизнь в сражениях, в быту, в искусстве, на производстве.

Учится народный солдат Фу Чу-шань искусству организации новой жизни, учится прозванный «Железным столбом» шахтер Сяо Цянь работать на сложных механизмах, учится он и находить достойные пути к сердцу любимой девушки, студентки горного техникума. В борьбе за свободу родины, в труде учится осознавать свое человеческое достоинство работница Гу Сюй-юй, а к ней еще недавно даже дома относились, «как к дряхлому животному, которое не стоит своего корма».

Великая, терпеливая и мужественная душа великого народа-труженика, упорного и храброго в труде и в бою, верного и нежного в любви, скромного и сурового в быту, прямого и честного во всем, встает со страниц этой книги.

Стиль писателя непритязательно суров и прост, как просты характеры, о которых он повествует.

Вот картина свайной деревни в рассказе «Тысяча цзиней»: «Наступило время отлива, и вся свайная деревня стала медленно подниматься над бурой поверхностью убывающей воды.

Серые чайки с визгом носились между заплесневевшими бамбуковыми стойками, на которых возвышались соломенные хижины...

Деревня стояла на деревянных ногах в воде: курятники, свинарники, тока для обмолота риса, склады зерна — все это было поставлено на сваи».

Рассказы и очерки В. Кожевникова отличает новеллистическая сжатость, благодаря которой буквально на нескольких страничках раскрывается потрясающая своим драматизмом история жизни человека, целой группы людей.

Простые, строгие слова воспроизводят перед нами живую жизнь великого дружественного нам народа.

З. КЕДРИНА

Вадим Кожевников. Тысяча цзиней. Рассказы и очерки. Изд-во «Советский писатель». Москва. 1955. 363 стр.

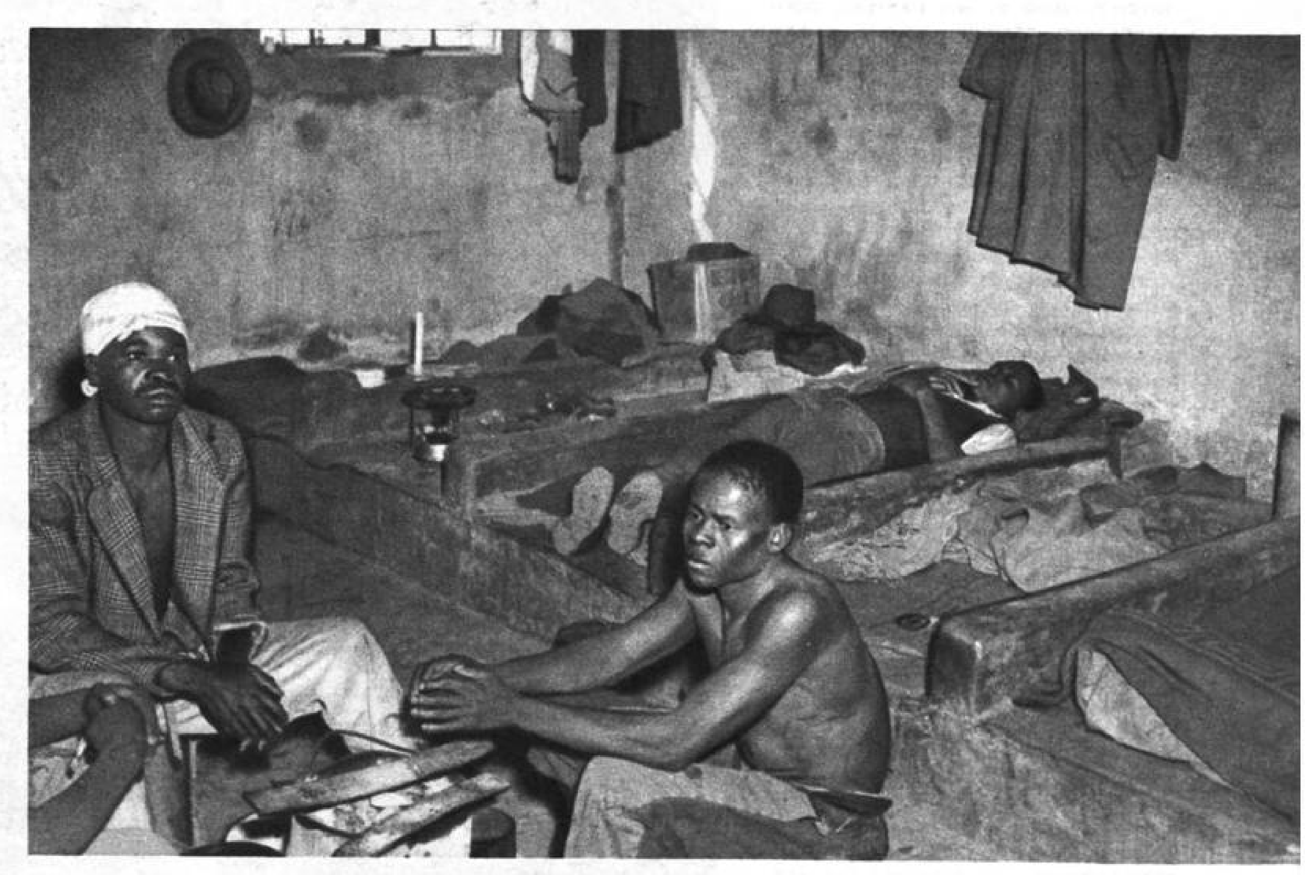

Оба эти снимка сделаны в богатейшем городе Южно-Африканского Союза — Иоганнесбурге. Здания в центре города — это банки, конторы, особняки. А многие и многие негритянские семьи ютятся в соломенных хижинах.

Фотографии говорят правду

Эти снимки, присланные в редакцию из Южно-Африканского Союза, не нуждаются в обширных комментариях. Они рассказывают суровую правду о жизни подавляющего большинства населения этой страны — негров. Снимки относятся к лету прошлого года.

Так живут негры-шахтеры.

«Только для европейцев» — гласит надпись, аккуратно выписанная на скамейке около автобусной остановки.

→

За что борется негритянский народ? Об этом говорят лозунги, которые несут демонстранты — делегаты народного конгресса Южно-Африканского Союза, состоявшегося в июле прошлого года. «Право голоса для всех», «Мы хотим лучших жилищ», «Равную плату за равный труд», «Свободу слова», «Свободу для всех» — требуют трудящиеся негры.

ВЫДАЮЩИЙСЯ НЕМЕЦКИЙ ПОЭТ

Сто лет назад умер Генрих Гейне.

В историю мировой литературы он вошел как один из выдающихся поэтов и мыслителей XIX века. В его многогранном творчестве самым причудливым образом сочетались проникновенный лиризм, разящая сатира и необычайно трезвая, реалистически смелая оценка идей и событий.

И в этом он был сыном своего времени.

«Великая мировая трещина прошла по моему сердцу, и именно потому знаю я, что великие боги милостиво отличили меня среди многих других и признали меня достойным мученического чина поэта»,— писал о себе Гейне. В этих словах выражена мысль о высоком и ответственном призвании поэта: отражать весь мир, человеческие судьбы, исторические перемены, свидетелем и современником которых был Гейне.

Это были годы кризиса всей политической системы Германии, раздробленной на десятки феодальных государств, годы, когда не только на родине поэта, но и в других странах Европы обострялись социальные противоречия и конфликты. На историческую арену выходил новый революционный класс — пролетариат. В сороковые годы XIX века Германия стала родиной марксизма.

Творчество Генриха Гейне явилось отражением этого богатого событиями и полного противоречий периода истории.

В обедневшей купеческой семье, в Дюссельдорфе прошли первые годы жизни поэта. В 1816 году девятнадцатилетний Гейне отправляется в Гамбург, к дяде-миллионеру, у которого должен обучиться купеческой профессии. Не сделав из Генриха Гейне купца, родственники послали его учиться. Молодой поэт слушает лекции в Боннском, а затем в Геттингенском и Берлинском университетах. В 1821 году поэт издает первый томик стихов. Гейне заканчивает юридическое образование, получает звание доктора прав и мечтает о карьере адвоката. Из этих намерений ничего не вышло. Поэт целиком посвящает себя литературе.

Когда Гейне начинал свой творческий путь, в немецкой литературе господствовали романтики. Многие из них воспевали средневековье, пропагандировали религиозную мистику.

И вот словно свежий ветер ворвался в заколдованный мир романтики — раздался голос поэта, который потребовал, чтобы немецкая муза стала «свободной, цветущей, неаффектированной, честной немецкой девушкой, а не... томной монашенкой или кичащейся предками рыцарской девой».

В 1826 году выходит первый том «Путевых картин», в которых поэт остроумно, как бы шутя, наносит удар за ударом по ненавистному старому миру. Через год появляется знаменитая «Книга песен».

Генрих ГЕЙНЕ.
С литографии работы М. Оппенгейма.

Взволнованные строфы «Книги песен» поэта сразу нашли дорогу к сердцам миллионов. Передовых людей XIX века неизменно привлекал лирический герой молодого Гейне, трагически ощущавший свое одиночество среди окружающей пошлости и напряженно искавший пути, чтобы вырваться из гнетущей атмосферы феодально-филистерской Германии. Н. А. Добролюбов записал в своем дневнике о Гейне: «Ни один поэт еще никогда не производил на меня такого полного, глубокого, сердечного впечатления».

Гейне понимал, какое значение для тогдашней Германии имел опыт французской революции. Именно поэтому героем «Путевых картин» стал Ле Гран, солдат наполеоновской армии, который выразительно объяснял, что такое «свобода» и «равенство», исполняя на своем барабане «красный марш гильотины».

Не было в то время другого поэта, который с такой сокрушительной силой бичевал бы прогнившую систему феодально-княжеской Германии.

После Июльской революции 1830 года во Франции Гейне едет в Париж, где живет до конца своей жизни. Здесь поэт попадает в обстановку ожесточенной политической борьбы между финансовой олигархией Луи-Филиппа и рабочим движением. Свои французские впечатления Гейне излагает в блестящих политических памфлетах, публиковавшихся в «Аугсбургской всеобщей газете».

Революционная публицистика Гейне встревожила власти. В 1835 году германский союзный сейм запретил распространение произведений поэта.

В отличие от немецких либералов, мечтавших о конституции, Гейне видел антинародный характер буржуазного общества.

Когда восстание силезских ткачей потрясло всю Германию и многочисленные немецкие поэты выражали лишь сентиментальное сочувствие голодным и нищим, Гейне написал суровые и грозные строфы, в которых впервые с такой силой и убедительностью утверждалась вера в несокрушимую силу нового класса:

Германия старая, саван мы ткем,
Вовеки проклятье тройное на нем,
Мы ткем тебе саван!

Гейне был одним из самых прозорливых поэтов своего времени.

Замечательная поэма «Германия. Зимняя сказка» знаменовала вершину творчества Гейне не только потому, что поэт произносил обвинительный приговор старой Германии, но и потому, что здесь была выражена его мечта о социалистическом будущем. Гордо и уверенно он пропел здесь свою «новую лучшую песнь»:

При жизни счастье нам подавай!
Довольно слез и муки!
Отныне ленивое брюхо кормить
Не будут прилежные руки.

Эти строки были написаны в год встречи Гейне с Марксом. Всем предшествующим ходом своего идейного развития революционный демократ Гейне был подготовлен к этой встрече. Как известно, молодой Маркс произвел большое впечатление на поэта, который в эти годы находился на вершине славы и не очень охотно сходился с людьми.

Противоречивое мировоззрение поэта не свободно от устарелых представлений, традиций и предрассудков. Но важнее другое. Как поэт он находил верные слова и образы, которые в те годы служили великому делу пролетарского революционного движения.

Во время революции 1848 г., когда поэт был прикован к постели тяжелой, неизлечимой болезнью, его страстные и гневные строки неизменно звучали со страниц «Новой Рейнской газеты». Маркс использовал их как меткое оружие в борьбе против врагов революции.

Боевая слава поэта не померкла на протяжении столетия, которое отделяет нас от дня его смерти. Фашисты сжигали его книги и разрушали памятники. Но разве можно истребить бессмертное слово поэта? Оно продолжает жить в сердцах миллионов, оно насмерть разит врагов прогресса и вдохновенно призывает к борьбе. Имя Генриха Гейне любимо и дорого всем народам мира.

С. ТУРАЕВ,
кандидат филологических наук

И. В. Евстигнеев. ПОД СТАЛИНГРАДОМ.

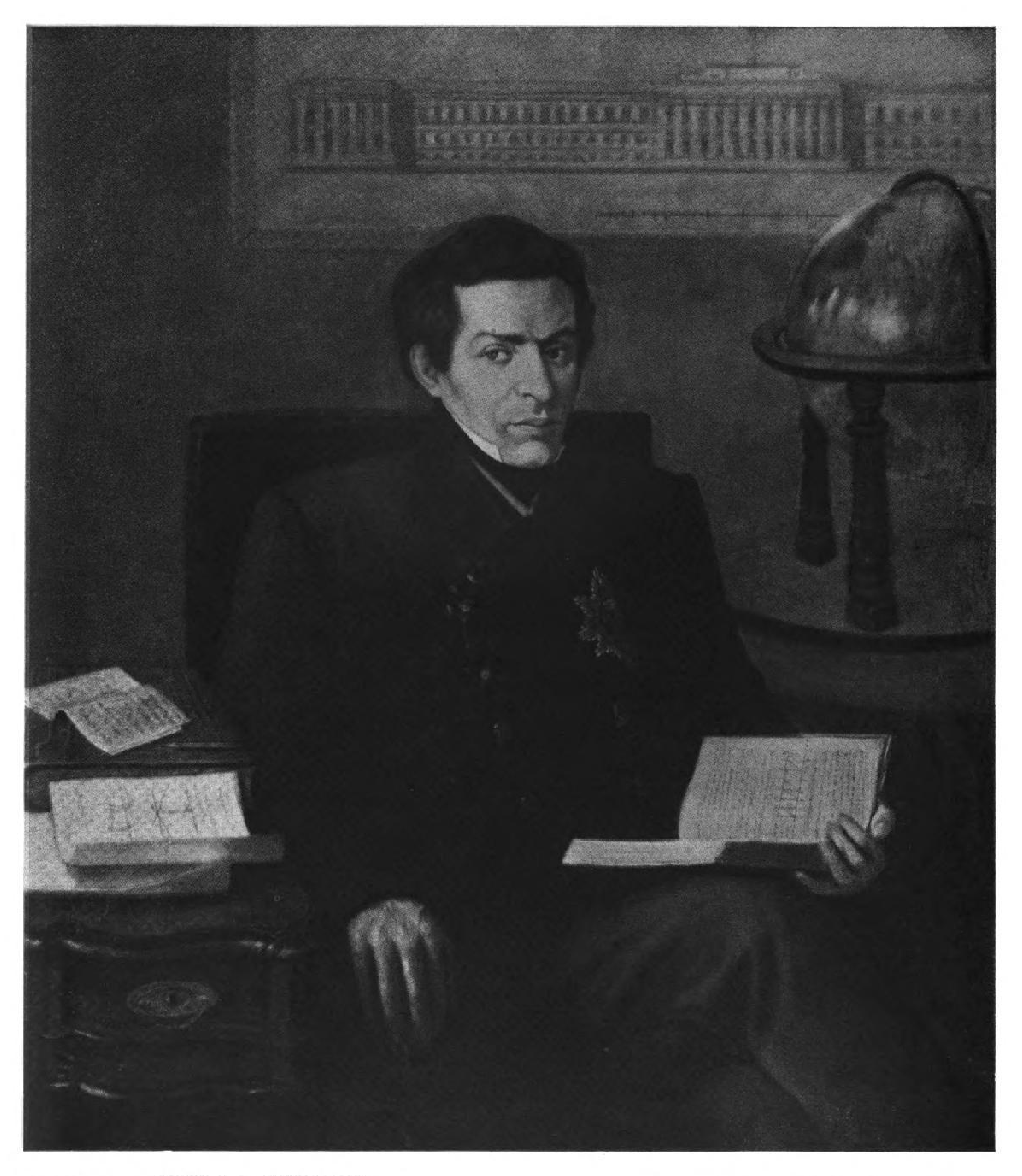
«Огонек». 1956.

М. И. Самсонов. САША ЧЕКАЛИН.

А. А. Горпенко. СПОРТСМЕНЫ СОВЕТСКОЙ АРМИИ.

В. Н. Перельман. ПОРТРЕТ Н. И. ЛОБАЧЕВСКОГО. **Московский государственный университет.**

ВЕЛИКИЙ МАТЕМАТИК

Советский народ отмечает столетие со дня смерти гениального русского новатора-математика и патриота своей Родины Николая Ивановича Лобачевского, создателя неэвклидовой геометрии, поднявшей к вершинам мировой славы нашу национальную науку.

Величайший вклад Лобачевского в науку признан всем миром. Недаром видные английские математики Клиффорд и Сильвестр называли профессора Казанского университета «Коперником геометрии», а французский ученый Таннери говорил о Николае Ивановиче как о Колумбе, «открывшем новый мир и не испугавшемся его причудливых очертаний».

Действительно, свыше двух тысячелетий мыслители, начиная с древней Греции и многих других стран, не могли доказать одно из основных положений геометрии, созданной за три века до начала нашей эры греческим математиком Эвклидом, а именно теории параллельных линий.

Эвклидова геометрия в элементарном виде знакома каждому с ученической скамьи и изучается в наши дни во всех школах земного шара. Но наряду с этим в ней есть сложнейшие проблемы, разрешить которые сумел только гениальный Лобачевский. Для этого он многие годы критически анализировал V постулат Эвклида, проверял его методами астрономии и пришел к изумительным открытиям, которых не могли сделать выдающиеся творцы точных наук за истекшие двадцать веков.

Лобачевский родился в 1792 году в бедной семье рано умершего нижегородского чиновника. Пятилетним мальчиком мать привезла Николая в Казань. Там он был принят на казенный счет в гимназию. Вся дальнейшая жизнь Лобачевского прошла в Казани. Здесь он кончил университет, хотя талантливому юноше грозили исключением, потому что начальство характеризовало его как «упрямого, нераскаянного... весьма много мечтательного о самом себе» и, что хуже всего, проявлявшего даже «признаки безбожия». Однако непреклонное стремление к научным знаниям, самозабвенный труд и блестящие способности привели к тому, что в двадцать четыре года Лобачевский был утвержден профессором университета.

Всю свою кипучую деятельность Лобачевский посвятил математической науке, развитию народного образования в России. Истинный патриот, он хотел, чтобы каждый студент стал достойным гражданином, который «высокими познаниями составляет честь и славу своего отечества». Почти двадцать лет Лобачевский был ректором Казанского университета. Он создал здесь астрономическую обсерваторию, прекрасный физический кабинет, начал издавать «Ученые записки Казанского университета». Николай Иванович читал лекции по математике, физике, астрономии.

Против гениального ученого, прогрессивного общественного деятеля ополчились многочисленные враги. Когда Лобачевский написал курс геометрии, академик Н. И. Фусс не пропустил его в печать. Среди других мотивов был и такой: ученый вместо привычных в России футов, дюймов и вершков применил метрическую систему измерения. Академик-ретроград усмотрел в этом новаторстве влияние французской революции!

Одиннадцатое февраля 1826 года можно считать днем рождения гениальной неэвклидовой геометрии. В этот день Лобачевский сообщил коллегам о своем сочинении «Сжатое изложение основ геометрии со строгим доказательством теоремы о параллельных».

Царские чиновники, реакционные ученые в конце концов добились своего: в 1846 году Лобачевского отстранили от руководства. Николай Иванович очень тяжело переживал разлуку с университетом. Здоровье его начало сдавать. Слабело зрение. И свою последнюю работу, «Пангеометрию», он уже был вынужден диктовать. Это было за год до его смерти.

Великие открытия Лобачевского еще при его жизни были высоко оценены некоторыми учеными Европы. В частности, виднейший немецкий математик К. Ф. Гаусс, близкий по идеям к Лобачевскому, рекомендовал Николая Ивановича в члены-корреспонденты Геттингенского ученого общества. К столетию со дня рождения творца неэвклидовой геометрии, открывшей пути для создания теории относительности Эйнштейна и для всех современных исследований и достижений в области ядерной физики и атомной энергии, Казанский университет получил следующую телеграмму Д. И. Менделеева: «Геометрические знания составили основу всей точной науки, а самобытность геометрии Лобачевского — зарю самостоятельного развития наук в России. Посев научный взойдет для жатвы народной».

Сейчас советский народ снимает эту жатву в развитии многих отраслей науки и техники, связанных с великими открытиями Лобачевского.

Н. СЕРГЕЕВ

ПО ПУТИ ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА

Президент Академии наук Украинской ССР
А. В. ПАЛЛАДИН

А. В. Палладин.
Фото Н. Козловского.

К XX съезду КПСС и XIX съезду КП Украины Академия наук УССР подготовила выставку работ, выполненных коллективами ее научно-исследовательских институтов. Эта выставка рассказывает не только о том, над чем трудились ученые Украины, но и показывает пути дальнейших научных исследований в шестой пятилетке.

Хочу отметить такой факт: почти половина законченных научных работ тесно связана с нуждами промышленности. Ученые участвуют в создании новых машин и механизмов, развитии автоматики производства, усовершенствовании технологических процессов, выполняют исследования, связанные с металлургией, машиностроением, угольной промышленностью.

Взять хотя бы такие вопросы, как долговечность, надежность машин и деталей к ним, машин, работающих при больших скоростях, высоких или низких температурах...

Ученые Академии наук УССР нашли способ термической обработки локомотивных колес токами промышленной частоты. Это позволяет увеличить срок службы колес в два раза. Изучая вопрос износа поршневых колец и цилиндров в двигателях внутреннего сгорания, машиноведы предложили производить хромирование и ожелезнение поршневых колец. Трактор с мотором, снабженным такими поршневыми кольцами, поднимает без ремонта две тысячи гектаров пахоты, а с обычными — всего четыре ста!

В тяжелом машиностроении найдет широкое применение новый метод автоматической электрошлаковой сварки, предложенный коллективом Института электросварки имени Е. О. Патона. Этот способ позволяет тяжелые станины и другие трудоемкие дорогостоящие детали делать сварнолитыми и прокатно-сварными, а не цельнолитыми. Вес самих станин при этом будет значительно уменьшен.

Создание машин и механизмов, работающих под большими нагрузками, требует их динамического исследования. До последнего времени возникали затруднения с исследованием вибраций и так называемых связных колебаний, которые нередко приводят к авариям и катастрофам. В этой связи значительный интерес представляет новая испытательная установка «Р-50», созданная коллективом Института строительной механики. Она относится к типу универсальных испытательных вибрационных машин и позволяет подвергать образцы и отдельные конструкции различным нагрузкам.

Что представляет собой новая установка? На четырехметровой плите шириной в два с половиной метра — комплект механического оборудования. Рядом смонтирована электроаппаратура. Деталь или механическая конструкция устанавливается на станине или закладывается в специальные держатели, и ей придается нужное движение. Электроприборы измеряют частоту и количество колебаний. Впервые получена возможность одновременно возбуждать и автоматически регулировать колебания двух разных видов, например, поперечные и крутильные. Управлять установкой можно на расстоянии, с пульта, удаленного за сотни метров от стенда.

Работники промышленности уже пользуются новой установкой. В частности, проверялись под вибрационной нагрузкой различные детали мотоциклов, выпускаемых Киевским мотоциклетным заводом. Установка «Р-50» недавно смонтирована и в одной из лабораторий Московского государственного университета.

Металлокерамика — молодая отрасль техники. Из порошков металлов штамповкой, а затем термической обработкой при высоких температурах можно получить самые различные материалы с разнообразными качествами. Это антифрикционные сплавы для подшипников, пористый металл для фильтров двигателей, сверхкрепкие магнитные сплавы и т. д. Научные сотрудники Института металлокерамики и специальных сплавов разработали дешевый способ получения железного порошка из прокатной окалины. Расширяется область применения железных порошков. На штангах киевских троллейбусов медно-графитные токосъемные вкладки сейчас заменяются железографитными. Это сэкономит ежегодно тонны меди. Металлокерамические железографитные втулки и подобные им детали внедряются и в другие машины.

Для электроприборов изготовляют металлокерамические контакты, отличающиеся высокой электро- и теплопроводностью, тугоплавкостью и химической стойкостью. Эти контакты служат в восемь — десять раз дольше, чем чисто серебряные. В институте изготовляют такие контакты для Московского завода низковольтной аппаратуры.

Коллектив института продолжает работу по применению железных порошков в промышленности.

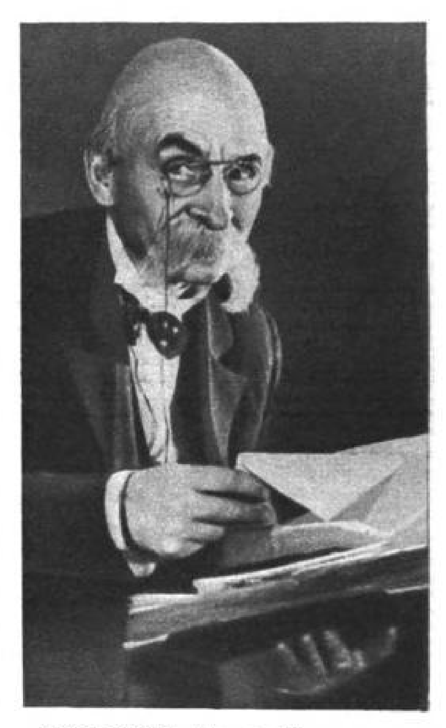
Интересные исследования, связанные с полупроводниками, ведет Институт физики. Здесь изготовлены полупроводниковые приборы — германиевые диоды и триоды размером в 2—3 миллиметра, заменяющие хрупкие и большие электронные лампы. Эти приборы отличаются долговечностью. Проблема полупроводников занимает одно из центральных мест в плане института на шестую пятилетку.

Многие институты Академии наук УССР с успехом работают над применением атомной энергии в мирных целях — в технике, сельском хозяйстве, биохимии, медицине.

Новые встречи

На сценах московских театров все чаще появляются пьесы, принадлежащие перу драматургов Китайской Народной Республики и других стран народной демократии. Наш зритель полюбил и запомнил острую комедию румынского классика Караджале «Потерянное письмо», поставленную Театром сатиры; психологическую драму болгарского писателя Орлина Василева «Искатели счастья», показанную Театром имени Пушкина; пьесу того же автора «Земной рай» — на сцене Театра драмы и комедии; пьесу польского писателя Жеромского «Грех» в Театре драмы и комедии; историческую трагедию «Цюй Юань» китайского писателя Го Мо-жо в Театре имени Ермоловой; народную легенду «Пролитая чаша» китайского драматурга Ван Ши-фу и «Последнюю сенсацию» М. Себастьяна, не сходящие со сцены Театра сатиры.

Совсем недавно были поставлены в московских театрах: «Такие времена» Ежи Юрандота, «Дармоеды» Гергея Чики, «В доме господина Драгомиреску» Х. Лавинеску.

«ДАРМОЕДЫ» **Гергея Чики** на сцене Московского театра драмы и комедии. Мошойго — Л. С. Вейцлер.

...Светлый, уютный кабинет директора одного из небольших заводов в Польше. Завод выполнил план в срок и без всяких срывов, довольны и директор и бухгалтер: все, что было предусмотрено и запланировано, сделано, не надо менять ни одной цифры в отчетах. Теперь можно и отдохнуть. Правда, там, в приемной, дожидается много дней подряд Петрика, надоедливый изобретатель каких-то новых приспособлений, да зачем это, когда план выполнен? Но вот в маленький, тихий городок Дембовец на скромный завод, где делают гвозди, приехал писатель в поисках героев новой пьесы, в поисках больших тем. Его приезд заставил даже самых спокойных задуматься: действительно ли все здесь у нас так уж хорошо? Нельзя ли работать лучше?

«ТАКИЕ ВРЕМЕНА» **Ежи Юрандота** на сцене Малого театра. Писатель Скупень — народный артист РСФСР И. А. Любезнов и директор завода Зелинский — народный артист РСФСР Н. А. Светловидов.

Фото А. Горнштейна.

Так начинается комедия польского писателя Ежи Юрандота. Не прибегая к средствам злой и гневной сатиры, автор никого не обличает, не клеймит. Он только говорит: строители новой жизни, всмотритесь в себя и друг в друга — всё ли вы сделали для того, чтобы еще ярче цвела новая Польша?

Поставив комедию «Такие времена», Малый театр сумел разглядеть в ней важное и интересное не только для польского зрителя. И пусть убежден в правоте глубоко преданный своему делу директор завода Зелинский, которого с увлечением играет народный артист РСФСР Н. А. Светловидов, обстоятельства жизни и его заставят быть активнее, показав при этом лучшие стороны души, характера.

Роль Дороты, жены Зелинского, с подлинным комедийным мастерством играет Д. В. Зеркалова. Сколько иронии вкладывает актриса в свое отношение к «светской львице» провинциального города, сколько найдено деталей для обрисовки пани, мечтающей о столичных кафе и модных магазинах!

Зато писатель Юлиан Скупень в исполнении артиста И. А. Любезнова очень уж равнодушен на сцене. А ведь само его присутствие на маленьком заводе перевернуло всю жизнь предприятия. Почему же как-то со стороны, незаинтересованно смотрит он на происходящее? Вряд ли стоило трактовать сценический образ Скупеня как скучающего наблюдателя. Несколько однообразен в роли изобретателя Петрики и П. А. Оленев. Он показывает грубоватого в своей непосредственности, наивно-прямолинейного человека, и только.

Хороша в спектакле молодежь — рабочий Чижик (В. Коршунов) и секретарша Эля (В. Архангельская). В созданных ими образах мы видим представителей новой трудовой молодежи Польши.

Постановка в Москве остроумной и поучительной пьесы Ежи Юрандота, известного польского драматурга и руководителя театра «Сирена»,— еще одно свидетельство творческой дружбы деятелей искусства братских народов.

Советские театры обращаются не только к современной драматургии стран народной демократии, но и к классике. В «Дармоедах» венгерского писателя XIX века Гергея Чики, творчеством которого заинтересовался Театр драмы и комедии, явственно противопоставлены два мира: с одной стороны — борющиеся за свое право на счастье простые люди, а с другой — владеющие капиталом хозяева и те, кто пресмыкается перед богачами, чтобы урвать кусок в свою пользу.

...Ирен, которая считается дочерью Камиллы Седервари, на самом деле родилась в семье мусорщика. Мать и отец ее умерли в бедности. Ребенка вырастила жадная спекулянтка, вымогающая деньги тем, что выдает себя за вдову погибшего на войне полковника. Камилла в исполнении Г. Власовой — человек одной страсти: любви к деньгам. Постоянная настороженность, жестокое отношение к слабым, раболепие перед сильными, готовность идти на все ради достижения своей цели — так рисует актриса свою героиню. Камилла хочет отдать Ирен замуж за богача-скотопромышленника Тимота. Но ее приятель, авантюрист Бенце, решает сам жениться на Ирен, чтобы затем за большой денежный куш переуступить ее влюбленному Тимоту. Чистая и прекрасная девушка должна стать жертвой гнусных замыслов.

Борча — М. Н. Докторова, Ирен — Л. Г. Бухарцева.

Внешне Бенце обаятелен: всегда улыбающийся, корректный. Но о чем бы он ни говорил, он занят только своими интригами. Артист А. Полинский сумел создать образ цельный, художественно обобщенный.

Наиболее ярким, живым и правдивым получился в спектакле образ Борчи (М. Докторова) — служанки в доме Камиллы, воодушевляемой желанием помочь Ирен. Большое впечатление оставляют сцены, в которых Борча, никого и ничего не боясь, отстаивает правду. И перед этим протестом маленького человека невольно отступают люди «общества». Обаятелен в спектакле и образ Ирен (Л. Бухарцева) — характер цельный и неиспорченный, несмотря на растлевающее влияние неродной матери.

На сторону Ирен и Борчи неожиданно становится адвокат Мошойго. Много раз совершал он нечестные поступки, но богатства все же не нажил. И теперь, на старости лет, вынужден работать за гроши, служить мерзким планам Камиллы. Старый Мошойго вступает в борьбу против своих бывших хозяев, чтобы вырвать Ирен из рук Бенце. Актер Л. Вейцлер нашел правильный путь к решению этого образа. Его Мошойго хорошо знает, что значит сила денег. Но он понял и другое. Впервые в жизни адвокат испытал радость, делая добро людям, и теперь для него это — самое дорогое.

Рассказ о тружениках новой Польши в Малом театре и обличение порядков старой Венгрии в Театре драмы и комедии обогащают наши представления о драматургии стран народной демократии. Несомненно, что эти пьесы по праву займут достойное место в репертуаре наших театров.

Вл. ПИМЕНОВ

Скупень — народный артист РСФСР И. А. Любезнов и Дорота, жена Зелинского,— народная артистка РСФСР Д. В. Зеркалова.

Возрождение „ОПТИМИСТИЧЕСКОЙ ТРАГЕДИИ"

Вс. Вишневский.
Рисунок Г. Верейского.

Ленинградский академический театр драмы имени А. С. Пушкина поставил «Оптимистическую трагедию» Всеволода Вишневского. Зрителям старших поколений, когда они читали афишу премьеры, вспомнился 1930 год. Ленинград. На сцене Драматического театра Народного дома идет «Первая Конная», пьеса тогда совсем никому не известного автора. В литературе появилось новое имя — Вишневский. Семен Михайлович Буденный в предисловии к первому изданию пьесы пишет: «Только пулеметчик Вишневский, боец Первой Конной, один из могучего коллектива ее героев, смог создать эту вещь — нашу вещь — конармейскую».

Но не только бойцом Первой Конной был Вишневский — он был и моряком Балтфлота и оттого принес в театр, говоря его словами, «марку военного флота». Этой «маркой» отмечена и его замечательная пьеса «Оптимистическая трагедия», которая впервые увидела свет рампы в 1933 году на сцене Московского Камерного театра.

В «Оптимистической трагедии» — все характерные черты Вишневского-драматурга: бурный темперамент, взволнованная ораторская речь, стремление к широким и крупным обобщениям, страстная патетика первых лет революции, напряженное развитие действия. Поэт эпохи становления Великого Октября, бурных лет гражданской войны, Всеволод Вишневский почти во всех своих пьесах говорит о рождении Советской власти, о легендарных днях Первой Конной. И в «Оптимистической трагедии» он в ярких сценических образах показывает, как рождалась Советская Армия. Героями «Оптимистической трагедии» являются моряки-балтийцы. Отправившись на южный фронт гражданской войны, эта неорганизованная группа бойцов становится в огне сражений боевым регулярным полком, руководимым волей партии. Пьеса Вс. Вишневского — поистине сценическая поэма о том, «как закалялась сталь» Красной Армии.

Не только события, но и отдельных действующих лиц Вишневский рисует широкими мазками. Порой кажется, что автору даже некогда дать имена своим героям, и он пишет просто — Комиссар, Командир корабля, Вожак группы анархистов и т. д. Даже названием своей пьесы Вишневский указал жанр произведения, а не тему. Но слово «оптимистическая» говорит о том, что автор хочет передать читателям и зрителям свое отношение к изображенной им гибели комиссара и полка. Да, это трагедия, но гибель героев привела к победе, не напрасно пролита кровь бойцов за правое дело.

Вишневский как автор не любит скрываться за занавесом театра. Он сохраняет себя в образе ведущих, в уста которых вкладывает свои авторские комментарии к событиям трагедии. Он торжественно говорит зрителям: «Отложите свои вечерние дела. Матросский полк, прошедший свой путь до конца, обращается к вам, к потомству».

Вожак группы анархистов — народный артист РСФСР Ю. В. Толубеев.

«Оптимистическая трагедия» Вс. Вишневского. Сцена из 1-го действия.

Сейчас в стенах великолепного здания старинного Александринского театра вновь зазвучала, подобно героической симфонии, революционная пьеса советского драматурга.

Для того, чтобы осуществить постановку «Оптимистической трагедии», театр имени Пушкина пригласил режиссера Г. А. Товстоногова, художника А. Ф. Босулаева. Музыку писал композитор Кара-Караев. Выбор каждого из этих мастеров оказался на редкость удачным.

Товстоногов как режиссер обладает изобретательностью, смелым воображением, у него есть нужная для драматургии Вишневского масштабность и монументальность. Совместно с Караевым и Босулаевым режиссер не только почувствовал, но и воплотил весь динамизм «Оптимистической трагедии». Не загромождая спектакль бытовыми подробностями, Товстоногов, кажется, привел в движение само время и пространство. Так возникли стремительно вертящиеся декорации с подвижными тротуарами, дорогами и улицами, широкие горизонты с наплывающими и исчезающими очертаниями зданий Петрограда. Эмоционально насыщенная музыка определяла ритм действия. Все это точно и сильно аккомпанирует движению массовых групп, столкновениям революционной дисциплины и злобствующей, разнузданной анархии. Невольно вспоминаются строки Блока: «Революцьонный держите шаг! Неугомонный не дремлет враг!»

Артисты театра имени Пушкина создали крепкий ансамбль спектакля. Мы особо отмечаем страшную фигуру Вожака, поистине скульптурно выполненную Ю. В. Толубеевым, глубокую характеристику гадины Сиплого, данную артистом А. В. Соколовым. Мы не забудем и лирически-тонкую трактовку роли женщины-комиссара (О. Я. Лебзак), верного сына революции Вайнонена (А. Ян). Верны жизненной правде и образы командира корабля (В. Эренберг), боцмана (Г. Колосов) и Алексея (И. Горбачев), хотя в облике последнего, пожалуй, недостает того нарастания мужественности и революционной сознательности, которое так ярко показал драматург. Не забудем мы и всех остальных участников спектакля.

Есть, конечно, в спектакле спорные места, есть еще недоделанные сцены (особенно в III акте). Хотелось бы, чтобы текст ведущих произносили молодые и звонкие голоса. Но все это уже кажется второстепенным по сравнению с главным итогом спектакля — с тем, что в наши дни «Оптимистическая трагедия» звучит «во весь голос».

Отрадно, что этот голос услышали и оценили зрители. Театр имени Пушкина в дни представлений «Оптимистической трагедии» переполнен. И вновь «держит марку» не только советского военного флота, но и советского революционного театра драматург героической души Всеволод Вишневский в новом рождении своей «Оптимистической трагедии».

Н. ВОЛКОВ

Фото Н. Ананьева.

Комиссар — заслуженная артистка РСФСР О. Я. Лебзак.

НИТКА ЖЕМЧУГА

Рассказ

Леонид ПАСЕНЮК

Рисунки О. ВЕРЕЙСКОГО.

1

С китобойной флотилией Пете Чижикову не повезло. Это было, как гром среди ясного неба. Рушились все надежды.

Пусть у него нет специальности, пусть! Но в управлении, ведающем набором людей на флотилию «Слава», к Пете отнеслись насмешливо вовсе не по этой причине. Оказывается, силенок у него маловато! Вида нет! Наверное, Петр Чижиков думает, что Антарктика — это нечто вроде Приморского бульвара или Большого фонтана.

Так ему, почти слово в слово, сказали.

«Силенок маловато!» Вот что Петю обидело больше всего. Как будто он не сдал нормы на значок «ГТО»!

Он сидел в Хлебной гавани на песке и бросал в воду камешки. Вода была грязнобурой. В желтой извилистой каемочке пены, рассерженно шипевшей на берегу после каждого всплеска волны, лежали водоросли, куски поплавков из пенопласта и коры, посверкивающие осколки бутылочного стекла. В гавани пахло так, как пахнет на кухне. В нос шибал сыроватый рыбный дух. Непонятно было, почему гавань называют Хлебной: здесь все было пропитано рыбой.

Изредка Петя поглядывал на стройное судно «Вега», которое неподвижно стояло у причала.

Оттуда, с «Веги», за Петей наблюдал загорелый паренек с удивительно белыми, льняными волосами. Петя тоже нет-нет, да и поглядывал на него исподлобья.

Наконец паренек подошел ближе к носу и, навалившись животом на борт, глуховато спросил:

— Ты откуда? Чей?

— А оттуда! Тебе-то какое дело? — огрызнулся Петя.

— Не злись, чудик,— миролюбиво продолжал паренек.— Я вижу, ты с утра сидишь здесь, на тральщик наш уставился. Поступать на работу не думаешь? А то у нас матроса не хватает до полного штата. Тебе сколько лет? Паспорт есть?

Петя презрительно хмыкнул и не сразу ответил:

— Это к вам-то поступать?

— К нам-то. А что, не подходим? Ты посмотри, какое судно...

— Судно ничего. А только я на «Славу» поступаю.

Петя и сам удивился, зачем ему понадобилось соврать.

— На «Славу»? Что-то ты, брат, загнул!

Видно, паренек был такого же мнения о Пете, как и те в управлении. Но Петя почему-то не обиделся и не отчитал как следует этого белоголового. Он помолчал для порядка, а потом уже поинтересовался:

— Что же вы тралите? Мины?

(«Это было бы здорово!»)

— Какие мины? У нас гражданское судно,— усмехнулся паренек.— Рыбу мы тралим. Рыбразведка. Поисковики.

Петя не понял, что это за рыбразведка, но переспрашивать не стал. Вообще, если этот хлопец говорит правду, то Пете не остается делать ничего иного, как поступить на тральщик.

Хотя бы матросом! Пусть он не увидит Антарктиды, Полинезийских или Филиппинских островов, но все же он будет плавать. И ему не будет так стыдно перед Зиной.

И чего он ей только не наговорил перед отъездом! Какие нарисовал картины! В какие увел края! Девушка слушала, приоткрыв рот.

Теперь Зина готовится к поступлению в университет. А он?

— Ну, как? — прервал петины размышления знакомый голос.

— Чего тебе?

— Пойдешь к нам?

Петя нехотя встал, отряхнул с одежды песок и, взобравшись на причал, потихоньку, с опаской подошел к «Веге». Палуба на судне отливала такой смолистой желтизной, что Петя ладонью вытер подошвы ботинок. И только потом, впервые в жизни, он ступил на судно.

Конечно, это было не то судно, о каком он мечтал.

Петя в душе был романтиком. Он любил книги о знаменитых путешественниках. Вместе с капитаном Джемсом Куком он наскочил на подводный риф. «Индевор» — корабль Кука — получил пробоину. Положение создалось отчаянное. Это произошло в июне 1770 года.

Он выходил бить китов на утлых парусных челнах. Это было тоже давно. Но живому воображению даты не помеха.

Вот каким был Петя Чижиков! И не нужно удивляться, что он не так-то уж обрадовался возможности устроиться матросом на тральщик. Что оставалось делать? Не возвращаться же в родной городок ни с чем!

Белоголовый паренек — его звали Сашей Клименко — провел Петю в каюту капитана.

2

Трал, о котором Пете приходилось слышать и раньше, оказался вещью громоздкой и тяжелой. Когда его начали вытаскивать из трюма, каждой ячеей он цеплялся за углы комингсов, за баранки световых люков, то и дело застревал на палубе. Все палубные матросы (а Петя тоже был палубным) возились с этим тралом.

Петя вместе со своими товарищами подтягивал грунтроп — толстенный трос, который едва можно было обхватить руками. Когда Петя дергал трос на себя, тот слегка подавался, а потом рывком тянул паренька назад. Петя едва не падал.

Боцман, широкоплечий и приземистый, шел впереди. Иногда он раздосадованно оборачивался и косил на Петю выпуклым голубым глазом.

— Э-эй, Петр-ро! Ты сам не шебуршись, команду слушай. И-и-и... раз! И-и-и... два!

Жилистые загорелые матросы тянули грунтроп рывками, согласно, с хеканием и придыханием повторяя за боцманом:

— И-и-и... раз! И-и-и... два!

Трал послушно извивался по палубе. Наконец его вытащили из трюма полностью, бесформенный, спутанный мешок с цепочкой стеклянных поплавков — «кухтылей».

Петя присел на кухтыль и посмотрел на свои руки. Они были черны от грязи, мозоли кое-где вздулись волдырями. Петя покачал головой.

Он уже дней десять находился на «Веге». Вначале было чудесно. Стояли такие жаркие дни, что синее небо еще с утра выцветало, блекло и дышало зноем. «Вега» часто ложилась в дрейф. Какой шум поднимали матросы в воде! Если на палубе не было капитана, прыгали в воду со спардека, с талей. Играли

на воде в мяч. Толстый радист Ваня Булкин поминутно щелкал на борту фотоаппаратом.

Вечерами тральщик возвращался на базу, в Одессу, и Петя с новыми своими друзьями бродил по шумной, залитой огнями Дерибасовской, храбро пил из высоких стеклянных бокалов холодное терпкое пиво. Он чувствовал себя мужчиной.

А потом «Вега» надолго осталась в море, пошла через «перевал». На море ведь тоже переваливаешь через этакий незримый купол воды! Не видно берегов, и море, куда ни посмотри, обведено чертой горизонта.

Петя очень хотел увидеть остров Змеиный, о котором много говорили на «Веге», но туман скрыл его берега. Туман обволакивал море уже второй день. Было сыро и скучно.

Из машинного отделения изредка выглядывал второй механик, озорной Жора Ковалев. Он носил тоненькие усики, и глаза у него слегка косили. Может, поэтому лицо у Жоры иногда казалось свирепым.

Механик звучно сморкался за борт и горестно заводил одну и ту же, перекроенную на свой лад песню:

> Ой, туманы мои, растуманы,
> Ой, не видно нигде берегов...—

после чего опять скрывался в машине.

Петя загрустил. Ему не так уж и нравилось Черное море. То ли дело какие-нибудь Саргассы, где водоросли, плавающие на воде, можно принять и за мель и за признак близких коралловых рифов!

А какое увлекательное занятие лов трепангов или экзотического червяка палоло на островах Полинезии! Этот червяк поднимается на поверхность океана раз в год, в пору икрометания, и туземцы ловят его с лодок-каноэ при свете факелов.

Впрочем, Петя даже себе не хотел признаться, что дело не в Саргассах и не в червяках... Обо всем этом он вычитал в книгах, а жизнь все-таки сложнее. Петя гордился значком «ГТО». А в жизни подчас нужна просто грубая сила, чтобы ворочать мешки, носить бревна, копать землю... Вот такой-то силы у Пети не было. Правда, был он ловок, быстр и... самонадеян. И было ему шестнадцать лет — не так уж много для того, чтобы обладать большой силой и не быть самонадеянным.

— Иди отдыхай, Чижиков,— сказал вдруг боцман над самым ухом и положил на петино плечо тяжелую руку.— В ночь, с двенадцати, заступишь на вахту.

Петя нехотя поднялся с кухтыля.

Боцмана он недолюбливал. Франт!.. У него было сытое, выхоленное лицо и завитая шевелюра. Флотские брюки топорщились такими острыми складками, что казалось, о них можно порезаться. На тончайшей (в синюю полоску) тенниске перекатывался позолоченный шарик от замка-молнии.

Как-то вечером — тральщик тогда стоял еще в Одессе — разодетый и благоухающий боцман небрежно сказал Пете:

— Возьми-ка вон камни на корме да бей по якорной цепи, а то крабы, чего доброго, перегрызут.

Упитанное лицо боцмана было совершенно серьезно, а глаза даже посуровели: такая беда с проклятыми крабами!

Петя молча проглотил комок, вставший в горле, и, почувствовав явный подвох, все-таки пошел на нос. Он с ожесточением принялся бить якорную цепь увесистыми камнями. Если боцману доставляет удовольствие насмехаться над ним, пусть радуется.

А боцман с самым невозмутимым видом сошел на берег. Потом матросы вволю потешались над новичком-растяпой.

3

Ночью Петя стал на первую вахту.

Тральщик лежал в дрейфе. Его слегка покачивало с борта на борт, и в шпигатах сонно урчала вода. Иногда она выплескивалась на палубу и, тоненько напевая, бежала вдоль бортов. Эта нехитрая музыка клонила Петю в неодолимый сон. Он пошел в умывальник, накачал воды, сполоснул лицо и почувствовал себя увереннее, бодрей.

Потом он заглянул в рубку и при свете плафона прочитал приколотую к стенке радиограмму-прогноз. Надвигался шторм.

«То-то покачивать начинает»,— подумал Петя. Он нисколько не опасался шторма, потому что ни разу не пережил его. «Какой тут, на Черном море, может быть шторм?»

Он присел на бухте троса и подумал, что хорошо бы совершить сейчас что-нибудь необычайное. Вот, например, в тропических морях есть змеи, взбирающиеся ночью по якорной цепи или по трапу на судно. Змею привлекает огонь, и за огнем она готова взобраться даже на мачту. Пете представилось, как он сражается со змеей.

А то неплохо было бы, стоя на вахте, различить в непроглядной, беззвездной ночи подозрительную шлюпку. А в шлюпке, конечно, нарушители границы.

Что сказал бы тогда боцман? Наверное, пожалел бы, что заставлял Петю крабов от цепи отпугивать.

Петя вздрогнул. Кажется, он задремал... Вот уж за это боцман ничего хорошего о нем не скажет.

Как все-таки хочется спать! Свинцовая тяжесть навалилась на голову, на грудь, а глаза будто песком засыпало. Никогда бы Петя не поверил, что так трудно простоять каких-нибудь четыре часа вахты. Главное, не с кем словом перемолвиться. На «Веге» тихо. Море. Ночь.

На рассвете стало прохладнее, дохнул ветер, вздыбились волны.

Сдав вахту, Петя осторожно, придерживаясь за поручни, сошел в кубрик. В рундуках хлопали дверцы. Петя закрыл их, разделся и полез на койку. Спал он крепко, без сновидений, а когда проснулся, в зарешеченные иллюминаторы лился тусклый дневной свет.

Тральщик шел против волны. Петя почувствовал это по килевой качке: когда нос подбрасывало, петино тело взлетало вверх, а затем стремительно падало вниз. Внутри у Пети все как бы обрывалось и сладко ныло.

Петя глотнул слюну и посмотрел вниз. По линолеуму, которым был устлан пол кубрика, хлюпала и переливалась вода. В воде плавала большая фотография — скульптурный торс Аполлона. Когда Петя ложился спать, Аполлон стоял на столе, и никакой воды в кубрике не было.

Петя лег на живот и закрыл глаза. Болела голова, болели руки после работы с тралом. Не хотелось ни о чем думать, все стало безразличным.

Внезапно он вспомнил, что Саша Клименко еще с вечера засунул свой чемодан под койку, в рундук.

Чижиков подружился с Сашей Клименко в первый же день. На всем судне, пожалуй, не было более знающего матроса, чем он.

Петя спрыгнул с койки и вытащил из рундука сашин чемодан. Заодно подобрал Аполлона.

Дверь дернулась в сторону, и в кубрик, грохоча сапогами, вошел сам Клименко.

— Стоп! Откуда вода? Неужели вырвало пробки из бункеров?

С минуту он недоуменно смотрел на бледного Петю и потянулся к чемодану.

— Ну-ка, сбегай наверх, сообщи, а я займусь своим барахлом. Тут, видно, кисель получился.

Голова у Пети закружилась, он присел на койку.

— Что? Плохо тебе? На, вытряхни отсюда все, а я мигом вернусь.

Саша вышел из кубрика вразвалочку. А Петя через силу встал, открыл чемодан и начал раскладывать на койке его содержимое: подмокшие вискозные рубашки в целлофановых пакетах, фотографии, конспекты с расплывшимися строчками, разные мелочи туалета...

Опять дернулась дверь. Саша схватил Чижикова за рукав и с силой потянул наверх.

— Брось,— сказал Петя обиженно.— Плохо мне.

— Это я вижу. Сейчас глотнешь соленого воздуха, легче станет. Лучшее лекарство — морской воздух.

Но едва они выглянули из кубрика, как огромная волна, поднявшаяся вровень со спардеком, рухнула на палубу. Тральщик грузно осел. Петю сбило с ног, и он взлетел куда-то вверх.

— А-а-а!..— закричал он и захлебнулся горько-соленой водой.

Его с силой ударило обо что-то, кажется, это была оттяжка траловой дуги. Петя успел схватиться за нее и, когда вода схлынула, свалился на палубу.

— Ну как, цел? — подбежал к нему обрадованный Клименко.— Не смыло? Вот ведь подлая волна!

— Цел,— буркнул Петя, стуча зубами от холода.

С него ручьями бежала вода. Тошнота прошла, но чувствовал он себя неважно.

— Меня тоже здорово трахнуло об какую-то железяку,— пожаловался Клименко и предложил: — Пойдем переоденемся да поработаем, что ли... Согреться надо...

Около светового люка матросы в мокрых зеленых плащах устанавливали помпу. В кубрик уже опустили широченную гофрированную кишку.

Петя качал в паре с Клименко. Воды в кубрике оказалось много. Нет ничего скучнее, чем откачивать ее помпой. Сгибаешься и разгибаешься до одурения: вверх-вниз, вверх-вниз... И всегда что-нибудь в помпе не так: либо сосет плохо, либо прокладки неплотно пригнаны,— и вода выливается прямо под ноги.

— Уйду с моря,— глухо сказал Петя, и губы у него дрогнули.— Нич-чего тут хорошего нет.

Он со злостью нажал на ручку помпы.

Но Клименко придержал свою ручку, и, хотя Петя не поднимал головы, он почти физически ощутил пристальный, немигающий взгляд светлых сашиных глаз.

— Я думал, ты покрепче... А ты... раскис!

У Пети опустились плечи. Ему стало так скверно.

«Зачем я это сказал? Теперь он вправе меня презирать».

4

Петя не на шутку затосковал по берегу. Ведь мог бы он, скажем, пойти на завод токарем, слесарем, фрезеровщиком... Поработаешь, устанешь, да потом свободен, как ветер. Можно пойти в кино, в читальный зал, на стадион.

Не то, конечно, здесь, на судне. Никакого личного времени у тебя быть не может. Правда, формально такое время есть, но в любую минуту могут поднять тебя с койки по авралу, и никуда от этого аврала не уйти, потому что судно для матроса — дом родной... Даже в порту не всякий раз удается сойти на берег, побродить по улицам незнакомого города: то поставят вахтенным, то подвахтенным, а то еще что-нибудь прикажут делать.

Романтический ореол, которым окружил профессию моряка Петя Чижиков, улетучивался, таял у него на глазах. Никакой, оказывается, романтики. Тяжелый труд, бессонные ночи на вахте...

Но Петя не решался расстаться с «Вегой». Тральщик приближался к берегам Кавказа. Здесь, в районе Очамчире, ему предстояло вести траловую разведку камбалы.

После всего, что Чижикову пришлось пережить на «Веге», он ничего хорошего не ожидал и от траления. Но прежде, чем довелось увидеть камбалу, много труда было затрачено, чтобы вытащить ее. Когда вся команда была занята спуском трала за борт, Петя чувствовал себя в высшей степени беспомощно. Он всем мешал, хватался не за то, за что нужно было хвататься. Грохот траловых досок, упавших в воду, визг стальных тросов-ваеров, уходивших в море вслед за тралом, множество стропов и «веревок» непонятного назначения — все это привело Петю в смятение.

Растерялся Петя и при подъеме трала. Его товарищи бегали возбужденные, мгновенно набрасывали тросы и шкерты на вращающиеся блоки, куда-то их оттягивали. Верхний край трала с цепочкой кухтылей медленно подходил к борту. Наконец трал застропили и с помощью лебедки вздернули под самую вершину мачты. Теперь предстояло заломить его через борт, чтобы, освобожденный от стропа, он опять не упал в воду. Вот уже и Петя сообразил, что ему делать. Он так рьяно навалился на мокрый, забитый водорослями, корягами и медузной слизью трал, что тот, опускаясь с мачты, накрыл Петю с головой. Минуты две Петя ворочался под влажной тяжелой сетью. Петины лицо и руки облепили водоросли, потом он наткнулся на что-то гладкое, противное и опомнился лишь тогда, когда Саша резко выдернул его из-под трала.

— Ты что, одурел? — крикнул Клименко сердито.— Не видишь кота?!

Петя испуганно оглянулся и увидел перед самым носом какую-то гадкую тварь, сжатую тралом. Тварь судорожно помахивала хвостом, под которым торчала кость не кость, игла не игла.

— Это кот?

— Да. Морской кот. Хватил бы он тебя этой вот пилочкой по лицу и рассек до мозгов. Ты, друг, с жителями моря не шути!

Петя поежился и начал счищать с одежды водоросли.

Впрочем, он вскоре позабыл опасное приключение. Нового было так много и представляло оно для Пети такой неожиданный интерес, что он, раз открыв от изумления рот, так уж и не закрывал его. Любопытнее всего оказались крабы, не очень большие, но очень воинственные. Завидя угрожавший им сапог рыбака, они смешно приподнимались и, выставив клешни, боком-боком отползали в сторону.

Камбала не слишком поразила Петю расплющенным телом и странными, смещенными на одну сторону глазами, потому что он познакомился перед этим с котами и лисицами. Вот уж кого бог не обидел безобразием! Подумать только, лисица вся утыкана ядовитыми колючками, к ней даже прикоснуться нельзя!

Не успел Петя отойти от камбалы, как увидел новое диво. Механик Жора Ковалев, растянув в блаженной улыбке тонкие губы, причмокивая, поедал слизистые тельца ракушек — мидий.

— Что вы делаете, Жора? — в страхе попятился от механика Петя.

А Ковалев раскрыл ножом створки очередной жертвы, посыпал на нее щепотку соли и с шумом втянул в рот.

— Лучше сырых яиц! — убежденно заявил он.— Тот не моряк, кто мидий не едал. На, попробуй!

Лицо Пети искривила гримаса отвращения.

Чего-чего, а уж этих мидий в трале оказалась тьма-тьмущая! А когда Петя через два часа зашел в салон пообедать, там царило странное оживление. Над столом возвышалась коренастая фигура боцмана. Он радостно потирал руки, и глаза его плотоядно блестели.

— Ну и пилав! Вот так пилав! Царская еда...

Петя перевел взгляд на стол и — о, ужас! В рассыпчатой, соблазнительно жирной пшенной каше торчали черные, шершавые панцыри мидий, омытые всеми черноморскими течениями. Из отверстых перламутровых зевов выглядывали сморщенные желтовато-розовые тельца мидий. Это и был знаменитый пилав, в предвкушении которого уже несколько дней облизывалась вся команда на «Веге».

Петю чуть не стошнило, но он не подал виду и присел на краю стола. Боцман услужливо (чего не замечалось никогда ранее) подвинул ему миску с пилавом. Петя отвернулся.

— Спасибо. Я не хочу.

— Ешь! Сухое спасибо в горло не лезет.

Но Петя не захотел попробовать пилава. Обедал он без настроения.

Вдруг что-то хрустнуло на зубах у Жоры Ковалева.

— Будь ты проклят! — выругался он.— Кажется, я на этом жемчуге обломаю себе зубы.

— На каком жемчуге? — встрепенулся Петя.

— А ты не знаешь? — повернулся к нему Ковалев.— У мидий, не у каждой, правда, бывает жемчуг. Маленький, но все-таки жемчуг.

«Смеется»,— подумал Петя, до сих пор пребывавший в уверенности, что жемчуг находят в раковинах «настоящих жемчужниц» и раздобыть его можно разве только на каком-либо атолле. Но на всякий случай он решил проверить слова Жоры.

После обеда продолжали тралить, и Пете после одного постного борща пришлось трудновато. Намаялся Петя за день, и часам к двенадцати ночи, когда он, едва передвигая ноги, сошел в кубрик, ему уже не думалось ни о морских страшилищах, ни о жемчуге мидий.

«К черту! Вот придем на базу, возьму расчет. И зачем нужны мне эти мидии?» — уже засыпая, подумал Петя.

Снились ему картины удачного лова: груды камбалы, котов, лисиц... И снился жемчуг, которым сплошь, как снежной крупой, была засыпана палуба тральщика.

А утром, едва лишь выпал свободный час, Петя вооружился ножом и присел около кучи мидий. Пустые раковины одна за одной летели за борт. Никакого жемчуга не было. Ну, ясно: Жора Ковалев подшутил над ним. Неохотно Петя расковырял еще одну раковину. И вдруг в желтоватой плеве мидии блеснула белая крупинка жемчуга!

Вскоре на ладони у Пети лежали три жемчужины, самая крупная из них была немногим больше просяного зерна.

Неслышно подошел Жора Ковалев.

— Эта ничего,— потрогал Жора длинным ногтем самую красивую жемчужину.— А зачем они тебе?

— Не знаю. Я просто так,— ответил Петя.

— Н-да,— сказал Жора и почесал пальцем усики.— А ведь можно нитку бус собрать. То есть нитку жемчуга. Вот из таких, которые побольше.

— Ну-у? Неужели можно? — недоверчиво спросил Петя и удивился дрогнувшему своему голосу.

Впрочем, механику нельзя было особенно доверять. Он смеха ради и соврать мог. Но Ковалев говорил как будто совершенно серьезно.

— А почему же нельзя?

По палубе, истошно мяукая, пробежал кот, любимец поварихи. Он отчаянно бил себя лапой по уху, стараясь оторвать уцепившегося маленького краба.

— Кот так перепугался, что теперь заикаться будет,— невозмутимо заметил Жора.

Петя не удержался и прыснул от смеха. И уже весь день его не покидало веселое настроение. Он ходил по судну, как хмельной.

Нитка жемчуга! А что, если собрать такую нитку для Зины? То-то было бы здорово! С таким подарком не стыдно уйти с моря... Нитка настоящего жемчуга!

Спросят подруги Зину: «Откуда у тебя такая ценная вещь?» И Зина ответит: «Мне подарил моряк, близкий мой друг. Он сам собрал этот жемчуг». «А что,— скажут девушки,— не сможет ли он...» И Зина, предугадывая их просьбу, ответит: «Нет, девушки, не сможет: он уже не плавает. Он работает здесь же, в Киеве, на заводе и учится заочно...»

С этого дня Петя стал охотиться за жемчугом.

5

Петю часто удивляли простые вещи.

Велел боцман Пете, Саше Клименко и палубному матросу Ивану Правоторову опустить в трюм тяжеленную бочку с солью. Матросы еле сдвинули ее с места и кое-как, слегка наклоняя из стороны в сторону, подкатили к трюму.

Петя с сомнением покачал головой. Трюм был глубокий, бочка — как глыба камня. По мнению Пети, три человека никак не могли опустить ее вниз.

— Ничего. Смайнаем,— беспечно сказал Клименко и потер облупленный нос.— Ну-ка, Ваня, принеси шкерт попрочней.

Правоторов принес шкерт, вытянул его на палубе. Бочку вкатили днищем на шкерт и както неуловимо просто, двумя «зашморгами», опоясали ее. Теперь она оказалась, как кухтыль в сети, и Петя с Правоторовым, даже без помощи Клименко, постепенно потравливая концы шкерта, благополучно опустили бочку в трюм.

— Узел называется бочковым,— сказал Клименко.— Проще узла не придумаешь.

Петя упоенно взялся изучать узлы, начиная от простого, «бабского», и кончая хитроумными красивыми кнопами.

Однажды «Вегу» задержал в Новороссийске шторм. Капитан приказал завести на берег «дублины» — тросы, сложенные вдвое. Петя схватил в трюме первый попавшийся, на ощупь, по волокнам, определив, что это манильский. Впопыхах завели его на берег и, круто изогнув, просунули в кормовой клюз. «Набили».

Через час или два, когда волнение усилилось, манильский трос лопнул. Корму «Веги» развернуло.

— Это ты притащил манильский трос?! — прошипел Пете в лицо Саша Клименко.

— Я. А что? — удивился Чижиков, глядя на рассерженного друга.— Прочный трос. Его все хвалят.

Клименко покрутил пальцем вокруг петиного лба.

— Садовая твоя голова! Прочный трос! Но как вы его закрепили? Вы же его в клюзе перегнули вдвое, а он на изгибах и узлах резко теряет прочность. Моряки!..

Петя покраснел и ничего не ответил. Пришлось притащить другой трос.

— В таких случаях лучше пеньковый,— поучал молодого матроса Клименко.— Но нет, пожалуй, троса прочнее, чем трос из рами. Есть такая китайская крапива.

И откуда Клименко все знал?

А время между тем шло. Петя изучил свойства тросов — каждый из них имел свою историю.

Но более всего Пете нравилось стоять на руле. У него обнаружилось то редкое «чувство руля», которое помогало ему, как шутили матросы, «влево не ходить, вправо не рыскать». Он всегда одерживал руль во-время, и нос тральщика, едва было не отвернувший в сторону, неизменно рассекал волну точно по курсу.

Особенно трудно было стоять на руле, когда трал опускали за борт. Судно приходилось вести под некоторым углом к тралу, как бы по дуге, и тут уж Петя не зевал, слушал команду капитана или вахтенного помощника.

— Пять градусов вправо! Еще пять! Так держать!

— Есть так держать! — бодро отвечал Петя.

Боковая волна подбивала нос, и Петя держал руль так, что пот прошибал. За час или полтора — до подъема трала — он изрядно выматывался, но был доволен: судно «слушалось» рук, подчинялось петиному умению.

Петя любил наблюдать, как трал вздерги-

вали на мачту и он повисал над палубой косым зеленым парусом. Предзакатное солнце обливало его багрянцем, и сумеречно-пурпурное сияние пробивалось кое-где сквозь спутанную кисею травы. А небо простиралось чистое и спокойное, чуть подернутое желтинкой. Одинокое облачко, застрявшее над мачтой, походило на пепельный мазок кисти. Так и думалось, что вот-вот покатится по стекловидному небу оброненная облачком густая, сочная капля...

Петя не выдерживал:

— Товарищ капитан, разрешите помочь!

— Давай!

Судно стопорило ход, и на выборку трала сбегалась вся команда.

Петя возмужал и хорошо переносил штормы. Лицо его округлилось, пополнело. Крепкий загар, губы в трещинах, цепкий взгляд карих, посуровевших глаз придавали его лицу выражение пытливое и упрямое.

Теперь ему даже нравилось на судне. Ничего, можно жить! Почаще бы только заходить в порты.

Надо сказать, что Саша ни словом, ни полсловом не напоминал о решении Пети списаться на берег. И отношения у друзей были ровные, как будто Саша никогда не говорил Чижикову резких, презрительных слов.

Конечно, Петя не думал задерживаться на «Веге». Нет. Вот соберет жемчуг... Но подходящие жемчужины попадались очень и очень редко.

Любоваться петиным жемчугом приходили многие. Даже капитан восхищенно цокал языком.

Жора Ковалев взял на себя «техническую» сторону дела. Он предложил просверлить каждую жемчужину специальным тонким сверлом, приобретенным где-то ради такого случая.

— И сразу же нанижем,— сказал он.— А то и растерять недолго. Ожерелье получится хоть королеве на шею!

Петя смущенно улыбнулся и не без внутреннего трепета отдал механику драгоценные жемчужины.

А потом пошла штормовая погода. Несколько дней над морем бесновался ветер, гребни волн завивались в пенные жгуты, по палубе гуляла вода. «Вега» зарывалась носом.

Как-то поздним вечером на мачте погас топовый огонь. Топовый огонь — это, можно сказать, световой флаг корабля. Он означает: судно идет вперед, на судне работает машина. Судно без топового огня могут таранить, если не заметят других отличительных огней.

— Кто из матросов у нас половчей? — спросил капитан у боцмана.

Боцман наморщил лоб.

— Пожалуй, Чижиков. Это такой... везде пролезет!

Капитану нравился гибкий и «башковитый», как он определил, паренек. На всем судне один только Петя мог работать в узкой угольной яме, где матрос более крепкого сложения просто не смог бы повернуться. Только Петя мог пролезть в самые недра канатного ящика и вычерпать оттуда ил. Только он знал наизусть рассказы Джека Лондона и отрывки из захватывающих приключенческих романов.

До капитана, конечно, доходили слухи о его плачевном состоянии в первые недели плавания. С кем, однако, не бывает?!

Он вызвал Чижикова.

— Полезай на мачту и проверь, что с топовым. Если надо заменить лампу, замени. Будешь работать, привяжись шкертом.

Петя понимающе кивнул. Но едва он сделал два шага к вантам, как его опять окликнул капитан.

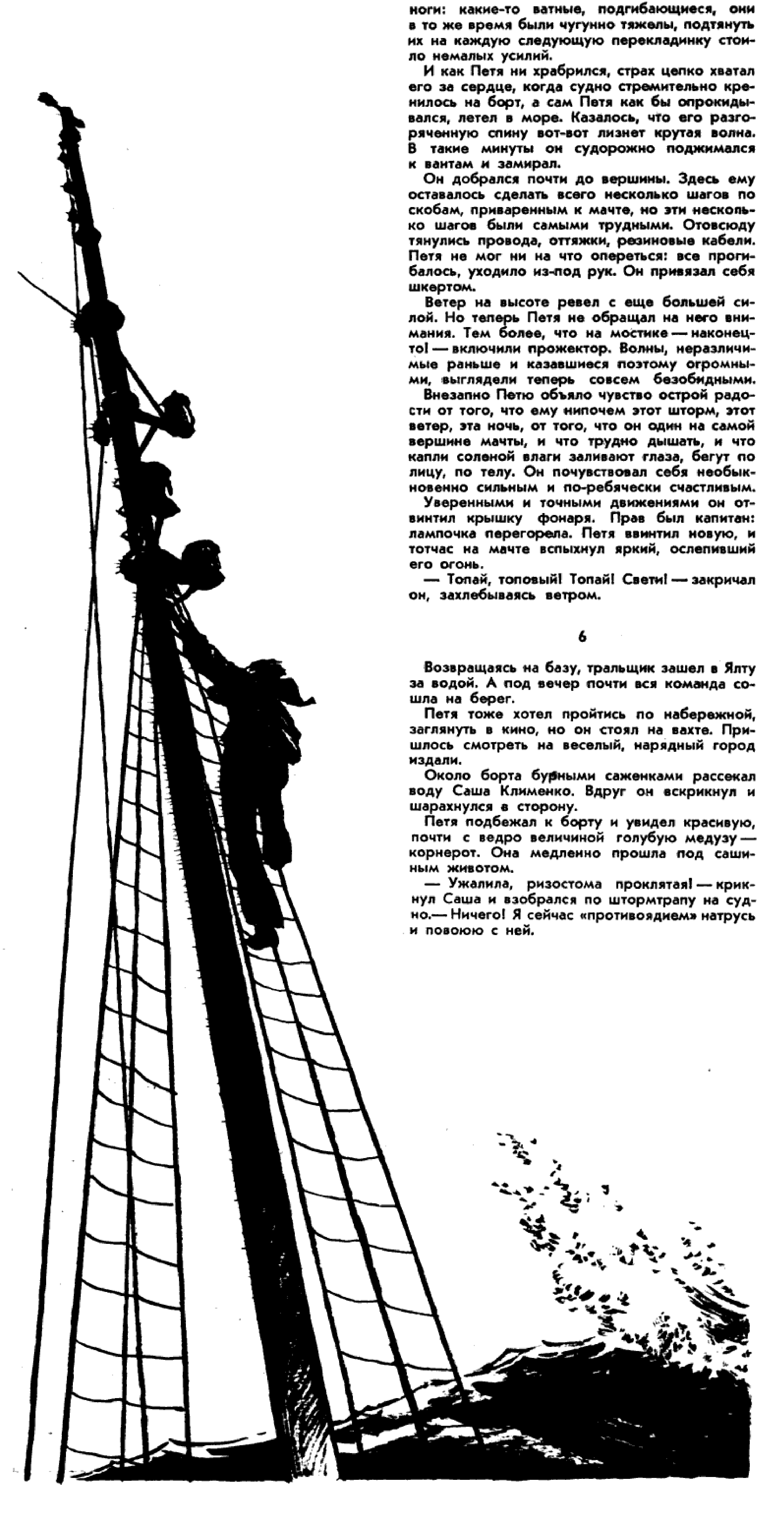
— А ты не боишься? — испытующе посмотрел он на Чижикова.

— Н-нет... Что вы!..— растерялся от неожиданности Петя, но взгляд капитана выдержал твердо.

Потом, уже на вантах, он возмутился: да как мог капитан даже заподозрить его в трусости?!

Петя пожалел, что он тотчас не заявил об этом капитану. Жора Ковалев сказал бы о таком случае: «Реле не сработало»... А сейчас, разумеется, поздно кулаками махать.

Чем выше он поднимался, тем невесомее становилось тело, и казалось, на следующей веревочной перекладине его смахнет в море яростным порывом ветра. Странными казались ноги: какие-то ватные, подгибающиеся, они в то же время были чугунно тяжелы, подтянуть их на каждую следующую перекладинку стоило немалых усилий.

И как Петя ни храбрился, страх цепко хватал его за сердце, когда судно стремительно кренилось на борт, а сам Петя как бы опрокидывался, летел в море. Казалось, что его разгоряченную спину вот-вот лизнет крутая волна. В такие минуты он судорожно поджимался к вантам и замирал.

Он добрался почти до вершины. Здесь ему оставалось сделать всего несколько шагов по скобам, приваренным к мачте, но эти несколько шагов были самыми трудными. Отовсюду тянулись провода, оттяжки, резиновые кабели. Петя не мог ни на что опереться: все прогибалось, уходило из-под рук. Он привязал себя шкертом.

Ветер на высоте ревел с еще большей силой. Но теперь Петя не обращал на него внимания. Тем более, что на мостике — наконец-то! — включили прожектор. Волны, неразличимые раньше и казавшиеся поэтому огромными, выглядели теперь совсем безобидными.

Внезапно Петю объяло чувство острой радости от того, что ему нипочем этот шторм, этот ветер, эта ночь, от того, что он один на самой вершине мачты, и что трудно дышать, и что капли соленой влаги заливают глаза, бегут по лицу, по телу. Он почувствовал себя необыкновенно сильным и по-ребячески счастливым.

Уверенными и точными движениями он отвинтил крышку фонаря. Прав был капитан: лампочка перегорела. Петя ввинтил новую, и тотчас на мачте вспыхнул яркий, ослепивший его огонь.

— Топай, топовый! Топай! Свети! — закричал он, захлебываясь ветром.

6

Возвращаясь на базу, тральщик зашел в Ялту за водой. А под вечер почти вся команда сошла на берег.

Петя тоже хотел пройтись по набережной, заглянуть в кино, но он стоял на вахте. Пришлось смотреть на веселый, нарядный город издали.

Около борта бурными саженками рассекал воду Саша Клименко. Вдруг он вскрикнул и шарахнулся в сторону.

Петя подбежал к борту и увидел красивую, почти с ведро величиной голубую медузу — корнерот. Она медленно прошла под сашиным животом.

— Ужалила, ризостома проклятая! — крикнул Саша и взобрался по штормтрапу на судно.— Ничего! Я сейчас «противоядием» натрусь и повоюю с ней.

Он взял подсак и поймал в воде маленькую, невзрачную медузу — аурелию. Сгреб в ладонь бесформенную, студенистую массу и принялся натирать ею тело.

Петя округлил глаза.

— Натереть? — засмеялся Клименко и шагнул к Пете.

— Стой! — отчаянно закричал тот.— Я на вахте!

— Ну, ладно! Скажи спасибо, что ты сейчас личность неприкосновенная,— сжалился Саша и уже серьезно пояснил озадаченному Пете:— Вотри в кожу эту аурелию, и никакая медуза не ужалит! Вот и весь фокус.

Петя, может быть, в сотый раз от души подивился тому, сколько на море чудес и загадок.

Когда он сдал вахту, было уже поздно, и в город идти не захотелось. Он прошел на нос, где около трала сидел Саша Клименко. В руках Саша держал гитару. И вдруг он — впервые за многие месяцы — спросил:

— Что, Петька? Скоро Одесса. Будешь уходить?

— Н-не знаю.

— Никуда ты не уйдешь, друг! Вот как дела-то обернулись. А если уйдешь, то, может... на «Славу»?

— Не знаю,— твердил свое Петя.— Я уже собрал жемчуг. Ты видел?

Клименко хитро прищурился.

— Да. Опутал тебя этот жемчуг по рукам и ногам. А?..

И заразительно, до слез захохотал.

Петя несмело улыбнулся.

От влажного трала поднимались легкие испарения, иодисто пахло водорослями, сладковато — крабами, и, в общем, непередаваемо пахло морем.

У Пети защемило сердце. Он медленно повернул голову. У причальной стенки, невдалеке от «Веги», высилась белая красавица-яхта. А вон, по другому борту тральщика, застыл игрушечный, будто выточенный из одного куска металла, катерок гидрографов «Шокальский». Во сколько раз он меньше яхты, в десять, в сто?.. Но все равно красив!

Прямо по носу тральщика сверкало огнями пассажирское судно. Петя мог узнать, что это за судно, по его очертаниям, но все же он напряженно всматривался в темноту, пытаясь прочитать название.

Он мог бы назвать типы почти всех стоящих в гавани рыбацких, транспортных и прочих судов. Он читал по смутным их абрисам, по характеру надстроек, как по увлекательной книге.

В эти минуты Петя окончательно понял, что с моря он не уйдет...

7

В Одессе, на углу двух центральных улиц, есть ювелирный магазин. Место здесь как будто и оживленное, но стоит магазин в тени, и внутри в нем темно, только золото да камни излучают свой неяркий, неживой свет.

Вот сюда и забрел однажды Петя Чижиков. Он крепко зажал в кулаке нитку жемчуга и, робко подойдя к прилавку, шепотом сказал продавщице:

— У меня есть жемчуг. Кому показать его?

— Жемчуг? У вас есть жемчуг? — вздернула плечиком продавщица, и в мочках ушей у нее дрогнули, закачались каплевидные рубины.— Пройдите вон туда, за портьеру.

Петя толкнул дверь, скрытую портьерой из огненного плюша, и попал в комнатку, освещенную люминесцентными лампами.

Сухонький лысый старичок, сидевший за столом, поднял голову и глянул на присмиревшего Петю.

— Ну-с, младой чэ-эк... гм... Чем могу служить?

Он увидел на мозолистой петиной ладони белые крупинки.

— Жемчуг...— У Пети от волнения пересохло в горле, и слово вылетело осипшее, жалкое.

Ювелир осторожно взял нитку и наклонился над ней. Пете хотелось увидеть его лицо, но видел он только лысину старика.

— Видите ли, младой чэ-эк...— Ювелир пристально уставился на Петю глазами-щелочками, пожевал губами и тихо проговорил: — Это не жемчуг.

— Как... не жемчуг?!

— То есть жемчуг... э-э... надо полагать, из каких-то иных раковин. Но-но... имеете ли вы представление о жемчуге... э-э... настоящем?

Старик протянул сморщенную ручку к миниатюрному стеклянному стеллажу и взял белый камешек размером с вишню.

— Вот. Извольте. Диаметр десять миллиметров. Это и есть... э-э... жемчуг, младой чэ-эк!

— Десять миллиметров! — воскликнул потрясенный Петя и сел на стул.

И пока он сидел, внезапно обессилевший, ему пришлось услышать о том, что известна гигантская жемчужина, получившая из-за странной формы название «Голова мусульманина в чалме».

Петя слушал и не слушал ювелира, хотя тот рассказывал интересную историю этой жемчужины.

— Да, любопытно! — отрывисто сказал он и встал.— Очень любопытно! Такая жемчужина! Только я спешу. Спасибо вам. До свидания.

Он опомнился лишь на Приморском бульваре, вдалеке от магазина.

— Здорово! — сказал он вслух и захохотал.— Здорово!

С недоумением и досадой смотрел Петя на скомканную в ладони нитку жемчуга и хотел было швырнуть ее прочь, но шелковисто-белые жемчужины матово вспыхнули в лучах солнца. Петя залюбовался их сдержанным сиянием. В конце концов, каждая из этих жемчужин была дорога ему. Каждая о чем-то напоминала: то ли день, когда он научился вязать первый свой бочковой узел; то ли товарища, отдавшего свою находку для незнакомой ему девушки; то ли незабываемую картину моря, удивительный случай, веселый разговор...

И разве нитка эта не была той связующей нитью, что удерживала в его памяти, в его сердце недавнее детство, чуточку наивное, чуточку смешное, но не такое уж стыдное?

Да, детство ушло! Здесь, в эти минуты, на пронзительном ветру, что налетал с моря, оно сдало свои последние позиции.

Вздохнув, Чижиков бережно положил жемчуг во внутренний карман фланелевки. Придет время, и он поймет, что для любимой девушки эти крохотные жемчужинки были бы бесценны.

Краснодар.

Молодые голоса

В самолете

Ходжамурат ТУРУМБЕТОВ

Самолет над равниною мчится,
Под крылом — облака и туман.
И о том, как летит эта птица,
Написать можно целый роман.

Под крылом — то лесок, то поляна,
Гул
   покоя ушам не дает,
Не найти у машины изъяна,
Птица техники — наш самолет.

Свет сквозь тонкие стекла струится.
Гул моторов сильней и сильней...
Знаем, нас ожидает столица,
И сижу я, мечтая о ней.

Впереди еще дальние дали:
Пашни, рощи, над трубами дым...
Поутру Казахстан миновали,
А сейчас мы над Пензой летим.

В сердце волны веселия плещут,
Звонче бьются, чем волны Аму...
Самолет своей техникой блещет,
Нипочем эти дали ему.

Он летит, веселясь и дерзая,
И собою гордится слегка,
Облака на куски разрезая,
Разрывая крылом облака.

То идет удивительно прямо,
То выводит кривую черту,
То провалится в синюю яму,
То опять наберет высоту.

Словно хочет сказать эта птица:
«Одолеем бездонную высь,
Мне доверься, и будем в столице...»
Погоди, самолет, не гордись!

Не гордись, над равнинами рея,
Что один ты среди синевы.
Знай, что сердце мое побыстрее
И давно уж достигло Москвы.

Перевел с каракалпакского
Константин ВАНШЕНКИН.

На посту

Игорь ЛАШКОВ

Я на посту.
Кругом лишь снег да ветер,
Ночная, настороженная тишь.
А ты, наверно, спишь в минуты эти,
А может быть, за книгою сидишь.
Продрогший клен позванивает тонко,
Мороз сковал природу, даль темна.
Мне под ноги бросается поземка,
Как белая пушистая волна.
Я на посту.
Все шорохи и тени
Сейчас берутся мною на учет.
Гляжу во тьму
И каждое мгновенье
Готов окликнуть строго:
«Кто идет!»
Казарма тонет в клубах снежной пыли,
И, как бы отдыхая до поры,
Орудья зачехленные застыли,
Подняв свои тяжелые стволы.
Они сегодня рано на рассвете
Заснеженные дали огласят.
Я на посту,
За твой покой в ответе,
Гляжу во тьму, сжимая автомат.

В Ленинградской радиостудии идет передача для Антарктики. У микрофона семья начальника геофизического отряда антарктической экспедиции Павла Кондратьевича Сенько: жена Тамара Петровна и дети Володя и Вита.

— Папочка, привези мне вот такого пингвина! — просит маленькая Вита.

Фото Н. Ананьева.

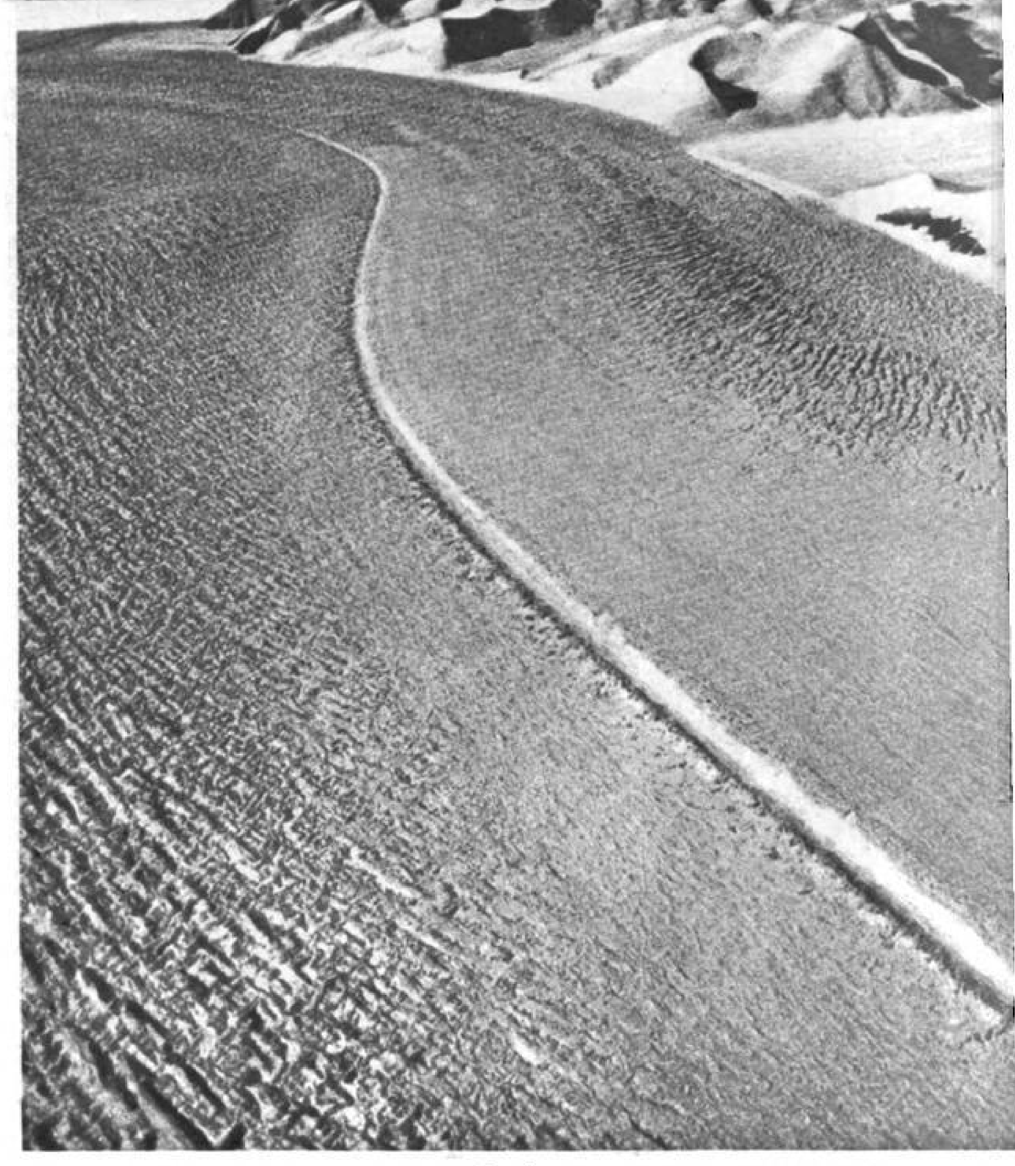

Новые конструкции, оборудование для доменных печей выпускает Днепропетровский завод металлоконструкций имени В. М. Молотова. В первом году шестой пятилетки днепропетровцы выполнят заказы, поступившие из Днепродзержинска, Липецка, Кривого Рога, Череповца и других городов. Днепропетровцы изготовляют оборудование для индийского металлургического завода.

На снимке: сварка газопровода для доменных печей.

Фото С. Раскина.

Путешествие по Мирному

Один из ледников Антарктиды.

Е. РЯБЧИКОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Стоит отплыть от берега Антарктиды в море и посмотреть на Мирный издалека, как взору откроется волнующая картина: среди льдов и снега на фоне прозрачно мерцающего ледяного купола стоит поселок. С одной стороны он ограничен ледяным барьером, круто падающим в студеное море, сзади него поднимается уходящая к полюсу белая толща ледника, а с боков стоят, как крепостные башни, буро-темные скалы. Напротив Мирного высятся каменные острова с птичьими базарами, лежками тюленей. Я уже рассказывал, что весь этот район вместе с островом Огонек объявлен заповедником.

Совершим, читатель, путешествие по Мирному, познакомимся с поселком на антарктической земле. С борта флагманского корабля «Обь», стоящего на рейде среди льдов, спустимся по штормтрапу на тупорылый катер и отправимся в путь. Катер идет среди битого льда, огибает подводные камни, скалы, о которые дробятся зеленоватые морские волны, подходит к берегу. Перед нами отвесная стена из льда и снега, называемая ледяным барьером. В пяти местах на барьере видны остатки дорог, пунктов разгрузки: здесь стоял корабль, пока штормы и плавающие айсберги не вынуждали его отходить подальше от опасного места, а затем снова искать прибежище для разгрузки. Каждый раз приходилось заново строить дороги, взрывать льды, готовить площадки для грузов. Пять разбитых дорог без слов рассказывают об упорстве, воле и мужестве советских людей, штурмующих дикий берег шестого континента.

Катер останавливается около металлической баржи. С помощью канатов и веревочной лестницы нужно подняться по отвесной стене примерно на высоту большого дома — и вы на берегу. Здесь стоят автомобильные краны, грохочущие тракторы, занятые перевозкой доставленных с кораблей грузов на склады и стройку. Круто развернувшись, подкатывает красный вездеход, который называют то автобусом, то маршрутным такси. Гусеничная машина завоевала большую популярность — она развозит бригады, буксирует грузы, уходит в дальние маршруты.

Мы рядом с водителем вездехода Константином Итальянцевым. Он включил отопление, в кабине тепло. Итальянцев наблюдает, как садятся в кузов строители. Все в сборе, звучит сирена.

— Остановка — площадь Пушкина, затем Маяковского,— слышится шутливый возглас. В кузове плотники и монтажники курят, весело перекликаются, наперебой называют памятные остановки по Москве, Ленинграду, Мурманску, Одессе.

Позади остаются сложенные в кучи доски, брусья, высокие металлические цистерны для горючего, вытащенные на берег моторные боты, стоящие на погрузке тракторы. У подножия гранитной сопки вырастает лес шестов со щитами, на которых написано: «электростанция», «автоимущество» · «электрооборудование», «стройматериалы». Около каждого щита — груды ящиков, бочек, контейнеров.

Обогнув сопку, въезжаем в Мирный.

Поселок протянулся между двумя скалами. Строго по прямой линии выстроились собранные из щитов дома, в центре расположилась кают-компания — длинный дом с плоской крышей, с маленькими квадратными окнами. В домах уже поселились строители, монтажники, связисты; в комнатах стоят кровати, горят камельки.

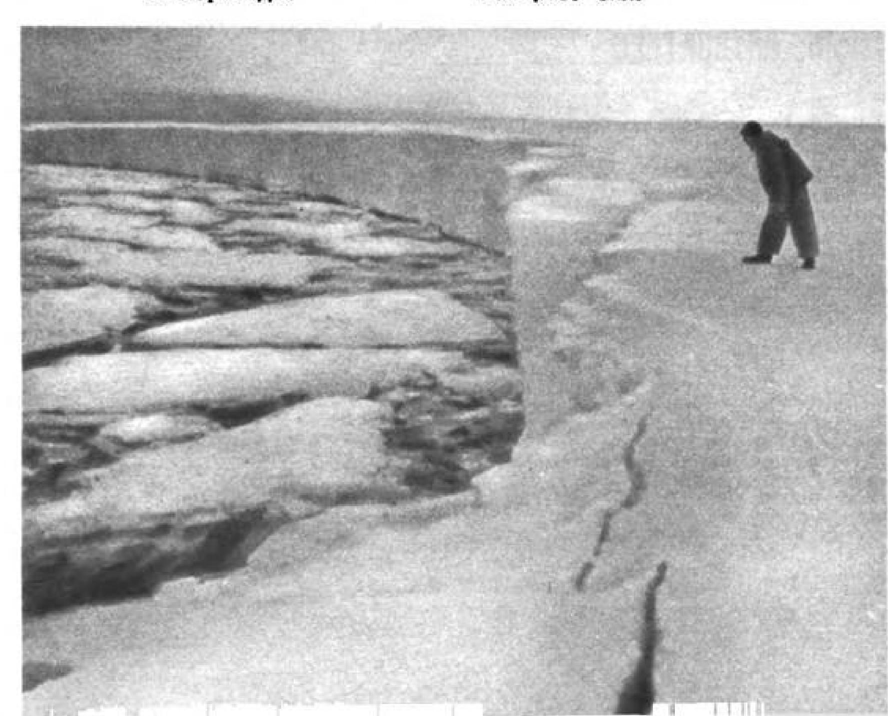
В Мирном кипит жизнь: отделываются возведенные дома, теплый склад, здания радиостанций, закладываются фундаменты для новых домов, строится ледник для хранения продуктов, протянулись провода внутренней телефонной связи. Они идут от кают-компании к радиостанциям, аэродрому, медпункту, продбазе.

Приемная радиостанция монтируется в щитовом доме на сопке. Здесь дни и ночи трудятся радисты. Из окон приемной станции видна скала, как бы замыкающая поселок. На скале стоит дом передающей радиостанции.

Едем с Константином Итальянцевым по поселку от сопки к скале Радио, на которой будет работать передающая рация. На «улице» встречаются тракторы, везущие щиты домов, брусья, бревна, листы металла, большие ящики; вздымая снежные фонтаны, мчатся красные вездеходы. Там и тут высятся штабели строительных материалов. Отливают золотом стены домов, чернеют металлические фермы фундаментов, пестрят телефонные столбы, указатели-колышки в местах разбивки будущих зданий. Всюду слышится звон пил, стук молотков, рев моторов.

Мирный существует, живет, он растет с каждым днем, ширится, набирает сил.

Шельфовый барьер у побережья Антарктиды.

Вездеход въезжает на скалу к самому дому радио. Квадратной формы дом с плоской крышей покоится на прочном металлическом основании. Поднимаемся по трапу в тамбур, обходим комнаты, аппаратную. Здесь работают связисты Иннокентий Магницкий, Алексей Рекач, Евгений Ветров, Петр Целищев, Павлин Романов; они собирают передающую станцию, как говорят,— голос Мирного. Уже работает передатчик на средних волнах, установлена надежная связь Мирного с кораблями и самолетами.

У подножия скалы Радио — заснеженная долина, отороченная железными бочками. Это аэродром. Здесь стоят самолеты, вертолеты, ящики, контейнеры с авиационным имуществом. Аэродром гудит, ревут авиационные моторы. Только шторм и пурга заставляют авиаторов прекращать полеты, но стихнет ветер, и они снова поднимаются в небо. Вертолеты и биплан вошли в жизнь Мирного и кораблей, стали первой необходимостью. Они садятся около судов, принимают с трапов груз, пассажиров, летят в Мирный. Алексей Каш на биплане за один день сделал 34 рейса, перевез 80 пассажиров.

Совсем недавно произошел такой случай: жестоким штормом сорвало со швартовых и унесло вместе с битым льдом две металлические баржи, на которых перевозили с «Оби» на берег грузы. Густой туман мгновенно скрыл баржи. Когда шторм затих и просветлело небо, на поиски барж отправился летчик Алексей Каш с штурманом Михаилом Кирилловым, бортмехаником Михаилом Чагиным, четвертым электромехаником «Оби» Виктором Подкользиным. Они летали над айсбергами, нагромождениями льдов. Наконец нашли сдавленные торосами суда. К ним вышла «Обь», сокрушая ледяные поля, искусно лавируя среди ледяных гор. Корабль смело пробился к первой барже. За «Обью» шел катер. Он взял баржу на буксир, вывел из ледяного плена, но второй баржи не было видно. Где она, что с ней? Вызвали по радио Алексея Каша. Он прилетел к «Оби», развернулся над мачтами, произвел разведку, нашел вторую баржу, сообщил о ее месте по радио и долго кружился над ней, пока не подошел корабль. Убедившись, что операция закончена, Каш полетел к «Лене» перевозить на берег научных работников.

Самолетная стоянка на аэродроме Мирный производит внушительное впечатление: стоят транспортные самолеты «ИЛ-12», «ЛИ-2», биплан, вертолеты.

Когда был собран второй транспортный самолет «ЛИ-2», летчики Иван Черевичный, Николай Поляков, штурман Дмитрий Морозов отправились в ледовую разведку для встречи третьего экспедиционного судна — рефрижератора, прибывшего из Риги с продовольствием. Летчики сбросили морякам вымпел — цилиндр с картой ледовой обстановки, переговорили по радио.

Советские люди располагаются для ведения научной работы на антарктическом берегу солидно, как рачительные хозяева. Не случайно в Мирном говорят о необходимости привезти сюда хорошую землю, чтобы выращивать в парниках и теплицах под щедрым антарктическим летним солнцем скороспелые овощи, хотят создать рыболовецкое хозяйство. Очень сердечно было принято известие о подарке китобойной флотилии «Слава»: капитан-директор «Славы» А. Н. Соляник сообщил по радиотелеграфу, что китобои дарят зимовщикам Мирного корову Ноченька с теленком.

В поселке уже есть свои животные, привезенные на кораблях; хрюкают, повизгивают в свинарнике свиньи, бегают поросята. Зимовщики доставили собак, они ощенились, стая увеличилась. Свиньи чувствуют себя хорошо, и начальник снабжения Константин Якубов строит планы развития животноводства в Мирном.

...Антарктическое лето идет к концу. Пришли темные ночи; погас полярный день, когда солнце не уходило с неба; затеплились звезды. Горит серебряная луна. С каждым днем становится все холоднее, чаще налетают бури, дикие штормы пригоняют к берегу айсберги. Близится полярная ночь, которую угадываешь в густых сумерках, в фантастическом голубом свечении на закате, переходящем в аспидную черноту. Но только спустится хмурая мгла и айсберги, словно белые привидения, закроют полнеба, как в Мирном засветятся огни домов, тьму прорезают лучи тракторных фар, мигают огни вездеходов, автокранов. И эта золотая россыпь огней ширится и становится ярче, возвещая о большой жизни, пришедшей на берег Земли бывших тайн...

САМЫЙ МОЛОДОЙ

Доктор технических наук Д. А. Чудаков консультирует студентов 3-го курса.

Фото М. Савина.

Проспект имени Сталина в Минске — улица вузов. У западного его конца расположились корпуса университета, медицинского и педагогического институтов, дальше институты физической культуры, иностранных языков, политехнический. А за ними высятся здания самого молодого в республике вуза — Белорусского института механизации и электрификации сельского хозяйства.

Еще только растут стены двух корпусов: главного и лабораторного. Однако на всех пяти курсах идут занятия.

Сейчас в институте два факультета: механизации и электрификации. В перспективе еще два — гидромелиорации и гидротехники. На всех кафедрах налаживается научно-исследовательская работа, которой руководят видные белорусские ученые.

На одной из дверей вуза мы прочли: «Приемная комиссия». В середине года? Оказывается, идет набор учащихся на заочное отделение. Подают заявления Алексей Лызо — курсант училища механизации и будущий тракторист Бацевичской МТС, мастер Минского тракторного завода Борис Еренбург. Пришли учиться и трое друзей-однополчан, они недавно демобилизовались из армии.

В. ПОНОМАРЕВ

ЖУРНАЛЫ И ГАЗЕТЫ ИЗ-ЗА РУБЕЖА

В семье Ижевских трое научных работников, они выписывают много газет и журналов, в том числе специальных, главным образом по строительству. А в текущем году почтальон стал приносить Ижевским, кроме советских, еще и зарубежные журналы: польский — «Инженерное дело и строительство», чехословацкий — «Древесина», немецкие — «Сооружение», «Строительство», «Успехи науки и техники».

В почтовых отделениях Москвы и других городов Советского Союза появились красочные плакаты, приглашающие подписываться на газеты и журналы, издающиеся в странах народной демократии. Выбор богатый — около двух тысяч наименований. Этой возможностью воспользовались десятки тысяч желающих, которые уже получают разнообразную прессу из Китая, Польши, Чехословакии, Венгрии, Германской Демократической Республики, Румынии, Болгарии, Албании, Корейской Народно-Демократической Республики, Монголии, Демократической Республики Вьетнам. В Москве издания стран народной демократии уже выписало около 75 тысяч человек.

В Москву прибывает ежедневно более 2 тысяч экземпляров китайской газеты «Жэньминьжибао», столько же немецкой «Нойес Дойчланд», на квартиры сотен москвичей доставляются пражские издания — газета «Руде право», «Чехословацкий физический журнал», будапештские — «Венгерская архитектура», «Труды Академии наук по техническим наукам», берлинские — «Вестник техники», «Автомобильная техника», «Мебель и квартира», «Радио и телевидение», софийское — «Историческое обозрение».

Немало нашлось охотников до журналов по спорту, фотографии, филателии. Семьдесят москвичей выписали чехословацкий журнал «Цветы», а восемьдесят любителей птиц — немецкий журнал «Канарейка».

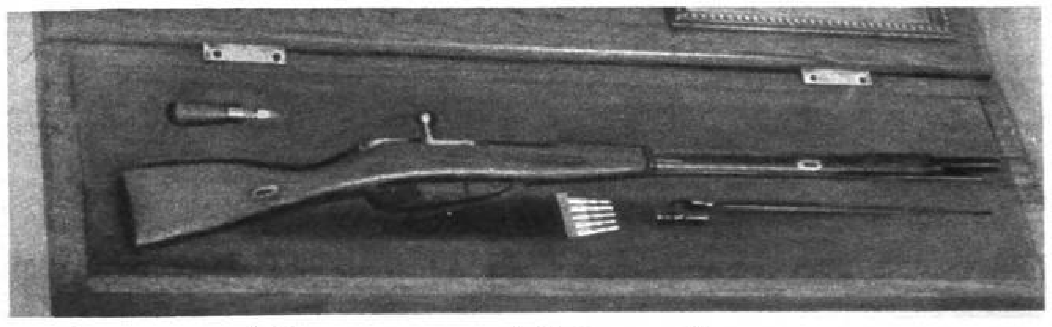
Многие в нашей стране выписывают зарубежную прессу. В мешках из плотной бумаги, сшитых на специальных швейных машинах, такая почта отправляется из международной экспедиции Московского почтамта поездами и самолетами в тысячу пунктов Советского Союза. На этикетках можно прочесть: Ленинград и Ижевск, Севастополь и Кангаз в Молдавии, Миньковцы, Хмельницкой области, и Ивье в Белоруссии, Свердловск на Урале и Килия на Дунае...

Газеты и журналы стран народной демократии поступают и в розничную продажу. Москвичи, например, покупают зарубежную прессу в двадцати киосках и магазинах Союзпечати. Киоски имеются в крупнейших гостиницах, Московском государственном университете, энергетическом институте и других местах.

В. ВАСИЛЬЕВ

ПОДАРОК В. И. ЛЕНИНУ

Среди экспонатов Центрального музея В. И. Ленина в Москве есть миниатюрная винтовка. На крышке ее футляра выгравирована следующая надпись: «Великому пролетарск. вождю тов. Ленину на память о взятии Ижевска от 2-й железн. дивизии и революционного гражд. Совета гор. Ижевска». Дата — 7 ноября 1918 года.

Вот история этого подарка. 5 ноября 1918 года вторая сводная дивизия под командованием комдива Азина начала штурм подступов к Ижевску, захваченному белогвардейцами, и 7 ноября город был полностью освобожден. В этот же день в Ижевске была получена следующая телеграмма от В. И. Ленина: «Приветствую доблестные красноармейские войска со взятием Ижевска. Поздравляю с годовщиной революции. Да здравствует Социалистическая красная армия!»

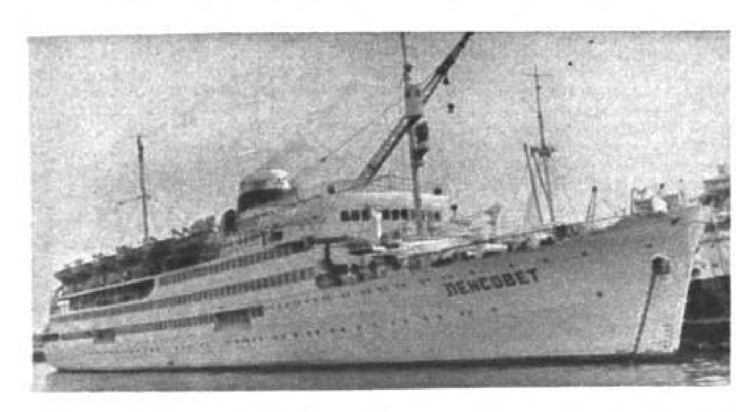
Тогда же было решено преподнести Ленину подарок — миниатюрную винтовку. Эта работа была поручена лекальщику Прокопию Васильевичу Алексееву.

Старый лекальщик, который и сейчас работает на заводе, рассказывает:

— Я хорошо помню те дни, ведь мне выпала большая честь изготовить подарок Владимиру Ильичу. Трудная это была работа, ювелирная. Вес моей винтовки в 64 раза меньше обыкновенной. Все детали такие маленькие, что для сверления пришлось сделать специальную дрель. Она и сейчас хранится у меня. Делал я винтовку и думал: «Пусть Ильич посмотрит, что могут создать наши рабочие руки».

Е. ФЛЕЙС

Для путешествий по Черному морю

Морской флот Советского Союза пополнился новым судном — «Ленсовет». Недавно красивый, оснащенный современной техникой пассажирский турбоэлектроход ошвартовался у одного из причалов Одесского порта.

Приятным будет путешествие на этом комфортабельном корабле по Черному морю. В распоряжении пассажиров уютные каюты и просторные салоны, библиотека и ресторан, бассейн для плавания, книжный киоск, почтовое отделение. Судовые помещения радиофицированы и связаны между собой телефоном.

Сейчас экипаж «Ленсовета» готовится к первым рейсам по Крымско-Кавказской экспрессной линии. В ближайшее время новое пассажирское судно отправится из Одессы в плавание. Турбоэлектроход посетит Ялту, Новороссийск, Сочи, Батуми и другие приморские города.

Н а с н и м к е: пассажирский турбоэлектроход «Ленсовет» у причала Одесского порта.

Фото В. Богданова.

Сын Антарктики

«Антарктика.

Борт флагманского корабля китобойной флотилии «Слава».

Начальнику промышленного снабжения флотилии Емельяну Севастьяновичу Кешелава.

Дорогой папочка, в день моего рождения я принят в команду детского теплохода «Пионери». Буду моряком, как ты.

Целую. Антарктик.

Батуми. Борт теплохода «Пионери».

Такая радиограмма была отправлена из Батуми в январе текущего года, когда теплоход «Пионери» совершал свои рейсы по озеру Батумского детского парка.

Радиограмме наверняка порадовались все моряки китобойной флотилии. И, конечно, вспомнили январь 1948 года. В те дни на траверзе острова Южная Георгия в одной из кают флагманского корабля «Слава» родился человек.

Родители — Александра Акимовна Леонова и Емельян Севастьянович Кешелава — обдумывали, как назвать сына. И решили: Антарктик! Сын Антарктики!

Сейчас Антарктик живет в Батуми, учится во втором классе. После длительного перерыва он снова попал на судно... Правда, «Пионери» не «Слава», но все же корабль. И мальчику этого пока вполне достаточно.

И. МЕСХИ

Фото Н. Анастасьева.

ВСТРЕЧА СТУДЕНТОВ ТРИНАДЦАТИ УНИВЕРСИТЕТОВ

На вечере дружбы студентов.

Фото Н. Ананьева.

Трудно сказать, кому первому в Ленинградском университете имени А. А. Жданова пришла мысль пригласить к себе в гости на каникулы студентов других университетов. Возглавили эту инициативу комитет комсомола и профком. Со многими городами завязалась переписка, заранее готовились к встрече. И вот, когда наступили каникулы, около тысячи студентов сорока национальностей приехало из Москвы и Вильнюса, Киева и Саратова, Ростова-на-Дону и Львова, Петрозаводска и Риги, Горького и Тарту, Казани и Харькова. На приглашение отозвались и обучающиеся в МГУ болгары, албанцы, чехи, китайцы, корейцы, немцы, поляки, монголы, вьетнамцы, венгры.

Студенты Ленинградского университета предоставили гостям свои лучшие комнаты в общежитиях, знакомили их с архитектурными ансамблями города, Эрмитажем, Русским музеем, устраивали поездки на живописные Кировские острова. В актовом зале студенты Московского университета показали свою художественную самодеятельность.

Весело и незаметно прошли дни отдыха. В заключение на Васильевском острове во Дворце культуры имени С. М. Кирова был устроен большой вечер дружбы студентов 13 университетов нашей страны. На праздник приехали и студенты Хельсинкского университета. С дружескими словами привета выступили студент МГУ вьетнамец Нгуен Зуй Зу и Зигфрид Новак, приехавший учиться в Москву из ГДР. О дружбе молодежи всех стран горячо говорила студентка МГУ итальянка Анна-Рита Росси. Потом на сцене зазвучали русские, китайские, венгерские, немецкие, украинские народные песни, начались пляски.

Расставаясь, студенты решили считать 4 февраля традиционным днем дружбы студентов тринадцати университетов.

К. КОНСТАНТИНОВ

ЗИМА В СУХУМИ

Сравнительно недавно, в декабре, здесь еще убирали урожай цитрусовых. В январе начался сбор листьев благородного лавра. Зацвела зимняя красавица камелия. Легко одетые горожане несли букеты нарциссов. На сухумских рынках продавали только что снятые с гряд редис, капусту, свежую зелень. На местном стадионе тренировались московские футболисты, и, кажется, никто даже и не допускал мысли о снежной зиме.

Первыми узнали о ее приближении синоптики. Они озабоченно отмечали на картах «холодные фронты», нацелившиеся на юг. 28 января, когда еще царило обманчивое тепло, Сухумское гидрометбюро сообщило о предстоящем похолодании. На следующий день передали: возможны снег и мороз.

Прогноз сбылся. Проливной дождь перешел 30 января в мокрый снег, который валил целый день. Горы покрылись снеговыми шапками. Прогнулись от снега провода. Склонили свои зонтики пальмы, отягощенные снежными лапами. Цитрусоводы озабоченно стряхивали тяжелый, мокрый снег с хрупких крон мандариновых и лимонных деревьев. Теплолюбивые растения заблаговременно были укрыты холщовыми чехлами.

Однако на юге холодная волна редко бывает продолжительной. Вскоре уже таял снег, с гор устремились потоки, а на блестящем асфальте улиц заиграли солнечные зайчики.

И. УСТИМЕНКО

Сухуми в снежном уборе. Теплолюбивые субтропические растения укрыты холщовыми чехлами.

Фото Г. Толмачева.

ПОМИДОРЫ И ОГУРЦЫ В ФЕВРАЛЕ

Близ Житомирской электростанции стоят семь одинаковых теплиц под стеклянными крышами. Семь пригородных колхозов с помощью городских организаций выстроили здесь межколхозное тепличное хозяйство, используя тепловые отходы электростанции. Вода, нагретая отработанным паром до ста градусов, идет по кольцевой магистрали к теплицам и, совершив замкнутый цикл, возвращается на станцию.

Общая площадь теплиц — 2 156 квадратных метров. Кроме того, на тепловой магистрали, протянувшейся почти на километр, заложены парниковые рамы. Среди снега видна длинная грядка густой зелени. Это щавель, он растет пышно, как под летним солнцем.

В теплицах зреют помидоры, огурцы, лук, салат, редис, шпинат. Работают здесь агроном-овощевод Д. П. Штурмак и двенадцать колхозниц, закончивших одногодичную школу мастеров закрытого грунта.

Они получают с каждого квадратного метра до десяти килограммов помидоров, тринадцать — четырнадцать килограммов огурцов. На тех же площадях высаживаются «уплотнители» — лук, укроп, салат.

Первый урожай был получен в разгар зимы. На рынки Житомира отправили тридцать шесть тонн овощей и различной зелени. Это принесло колхозам 350 тысяч рублей дохода.

Колхозники планируют расширить тепличное хозяйство, построить в этом году ангарную теплицу площадью в полтысячи квадратных метров и заложить на магистральном канале еще пятьсот парниковых рам.

В. ШУМОВ

Сбор помидоров в теплице.

Фото Н. Пирковского.

Нам пишут...

Верность воинскому долгу

Об отважном поступке ефрейтора Василия Иванова сообщает нам подполковник В. ФОКИН.

...Много дней подряд люди оберегали мост от напора льда. На помощь пришли саперы подразделения гвардии старшего лейтенанта Коротаева.

Преодолевая бурное течение, лодка с саперами подошла к огромной льдине, упершейся в опоры моста. Один за другим полетели заряды. Взрывы крошили лед. Раздробленные глыбы стремительно уносились по течению.

Один из саперов, бросая заряд, поскользнулся. Тротиловая шашка, описав в воздухе крутую дугу, упала невдалеке в воду. В это время лодку затерло между льдинами. Быстро вырваться из ледяного плена не удалось. Заряд отнесло течением под лодку. Раздался взрыв, и лодка вместе с людьми взлетела в воздух.

Ефрейтор Иванов, подхваченный бурным течением, первым подплыл к льдине и выбрался на нее. В ушах шумело, вместе с ледяной водой по спине стекала теплая струйка крови. Где же товарищи, что с ними? Некоторые из них уже подплывали к льдине. Но среди них не было младшего сержанта Ефремова.

Иванов увидел, что Ефремов схватился за край соседней льдины. Младший сержант был ранен, и силы оставляли его. Еще минута, другая — и река поглотит человека...

Ефрейтор Иванов перебросил оказавшуюся поблизости доску на соседнюю льдину и, балансируя по зыбкому мостику, перескочил туда. Он вытащил из воды Ефремова, поднял его на руки и снова прошел по доске.

Василий Иванов в мирные дни награжден медалью «За боевые заслуги».

Автор популярной песни

Кто не знает популярную революционную песню «Смело, товарищи, в ногу»? По воспоминаниям П. Н. Лепешинского, она принадлежала к числу любимых песен Владимира Ильича Ленина.

Автором этой песни является участник революционного движения, ученый и поэт Леонид Петрович Радин.

Заведующий кафедрой русского языка и литературы Яранского учительского института Ю. РАБИНОВИЧ, познакомившись с архивными данными, сообщает:

Талантливый ученик русского химика Менделеева, Радин отказался от научной карьеры и пошел учительствовать. После краха народнических иллюзий Леонид Петрович перешел на позиции марксизма и стал пропагандистом передовой революционной теории. Кипучая деятельность Радина развернулась в 90-е годы в Москве. Им был изготовлен мимеограф, с помощью которого распространялась нелегальная литература.

В 1896 году Радин был арестован и заключен в Таганскую тюрьму. Но тюрьма не сломила этого замечательного человека. Именно здесь и родилась полная энергии и бодрости песня «Смело, товарищи, в ногу». После Таганской тюрьмы царские палачи сослали Радина в Вятскую губернию. «Дело о высланном под гласный надзор полиции Леониде Петровиче Радине», хранящееся в архиве Кировской области, свидетельствует о трудной жизни Радина в ссылке, об издевательском отношении властей к нему. Местом жительства ссыльного революционера был определен город Яранск. Тюрьма, длинный путь в ссылку, туберкулез не подорвали веры Радина в скорое освобождение народа. В Яранске он интенсивно работал в области науки и литературы.

В статье «Объективизм в искусстве и критика» Радин разоблачал буржуазное декадентское искусство, сравнивая его с забавой, ничем не отличающейся от пускания мыльных пузырей. В стихотворении «Снова я слышу родную «Лучину» Радин писал:

Надо, чтоб песня отвагой гремела,
В сердце будила спасительный гнев.

Царское правительство разрешило поехать Радину для лечения в Крым лишь тогда, когда положение его было безнадежным. В 1900 году Радин умер, не реализовав многих своих намерений.

Новый дом инвалидов

А. И. ХЛУДНЕВ из Ельца сообщает, что здесь, на территории бывшей усадьбы и конезавода купца Ростовцева, открыт Дом инвалидов. В большом, светлом здании живет 80 человек — инвалиды войны и труда. В доме просторные жилые комнаты — палаты, столовая, библиотека, красный уголок, киноустановка.

Все обитатели Дома обеспечиваются одеждой и обувью.

Автор прислал фотографию. На ней изображена Александра Ивановна Басова в одной из женских палат.

Ответ молодых гоанцев

Юноши гоанцы Антонио Динис и Руй де Баррос.

Это было на Варшавском фестивале молодежи. В Урсынове состоялась встреча юношей и девушек Индии и СССР. Когда речи были закончены, русские и индийцы встали со своих мест, взялись за руки и, стоя, пели на двух языках, но в едином ритме Гимн демократической молодежи. Изредка все, как по команде, дружно поднимали вверх руки, сомкнутые в рукопожатии. У всех были взволнованные лица.

Не принимал участия в песне один человек во всем огромном зале. Это был, повидимому, корреспондент какой-то западноевропейской газеты. В отлично сшитом сером костюме и берете, он стоял у самой двери, и обе руки его были глубоко опущены в карманы.

Но как только двери распахнулись и русские с индийцами гурьбой, в обнимку, стали выходить из зала в сквер, человек в берете оживился и двинулся за двумя курчавыми юношами, весело пробиравшимися к выходу. К ним он приглядывался уже давно, и, повидимому, они казались ему чем-то загадочными... Сенсация? Оба молодых человека наперебой при помощи пальцев, улыбок и звонких междометий разговаривали с белокурой московской плясуньей. Они уже успели обменяться с ней значками и прикололи к лацканам красные комсомольские флажки с пятиконечной звездой.

Человек в сером костюме догнал их уже в скверике и протянул пачку сигарет. Кудрявые юноши, сверкнув белозубыми улыбками, поклонились и извинились за отказ: они не курят.

— Я узнал,— начал человек в берете,— что вы приехали из Бельгии. Я слышал, что вы говорите по-португальски. Извините меня за вполне уместное любопытство. Я хотел узнать: почему вы, живущие в Бельгии и разговаривающие по-португальски, приехали сюда в составе чужой вам индийской делегации? — спросил иностранец и, доверительно наклонившись, добавил: — Можно узнать ваши имена?

— Пожалуйста, это не секрет. Антонио Динис и Руй де Баррос.

— Имена у вас португальские. Вы, господин де Баррос, не потомок ли известного историка и романиста Хоао де Барроса?

— Нет, мой товарищ не потомок историка де Барроса,— ответил Антонио Динис.— В шестнадцатом веке, когда де Баррос побывал у нас в Гоа, наши предки еще не были вынуждены носить иноземные имена. Вы спрашиваете, почему мы прибыли в составе чужой делегации. Это не чужая, а наша, родная индийская делегация. Мы добровольно и с радостью присоединились к ней на этом чудесном фестивале дружбы. Мы, гоанцы, пишем и разговариваем на чуждом нам португальском языке потому, что португальские колонизаторы не хотят открывать в Гоа школ на нашем родном языке. Они думают, что так можно заставить нас забыть свой язык, свою культуру и свою принадлежность к великому индийскому народу. Вот почему мы вынуждены получать высшее образование в Бельгии. Это вам ответ на вопрос, почему мы, два индийца, говорим по-португальски, а живем среди бельгийцев. Португальцы ничего хорошего не сделали для нас за четыреста лет своего хозяйничанья. И хватит им владеть плантациями на нашей земле и превращать нас в своих батраков! Мы хотим стать инженерами-строителями вовсе не для того, чтобы строить сооружения для португальских колонизаторов, а для того, чтобы гоанский порт Мормуган, связанный с железнодорожной сетью Индии, лучше обслуживал свою собственную страну — Индию. И мы твердо знаем и верим, что теперь совсем близко время, когда это так и будет, и тогда мы, наконец, воссоединимся со своей родиной. Гоанский народ не потерпит больше ига колонизаторов, а наши знания еще пригодятся нашей великой стране. У вас еще есть к нам вопросы?

— Нет,— ответил человек в сером костюме и захлопнул свою корреспондентскую книжку. Он ничего в нее не записал: сенсация в ответе юношей явно отсутствовала.

Эта встреча вспомнилась нам, когда мы прочли о заявлении государственного секретаря США Даллеса, выступившего в защиту португальских колонизаторов в Гоа на том «основании», что Гоа находится в руках Португалии четыреста лет.

П. КРАВЧЕНКО

Морозы в Западной Европе

Снежные заносы в Линкольншире (Англия).

Сильные вьюги и злые морозы свирепствуют в нынешнем году даже в тех западноевропейских странах, где обычно в это время года удерживалась сравнительно теплая погода. Волна холодов прокатилась от Швеции по всему европейскому континенту и даже достигла берегов Северной Африки. В Швеции, Франции, Западной Германии, Италии и других странах температура упала до рекордно низкой точки. В Праге в течение четырех дней была самая низкая температура за последние 120 лет. Снежный ковер покрыл почти всю территорию Италии. Много снега выпало во Франции, Турции, Северной Испании, Тунисе и Алжире. Впервые за последние десять лет выпал снег в Риме.

В Англии из-за снежных заносов некоторые районы оказались полностью изолированными. На севере Франции и в департаменте Нижняя Сена прекратили работу газовые заводы. На несколько дней прервалось железнодорожное сообщение между греческими городами Диакофто и Калаврита.

В дни неожиданно сильной зимней стужи тяжело приходится тем, у кого нет крыши над головой.

С наступлением морозов масса людей оказалась в критическом положении. «Сотни жителей Парижа,— говорится в сообщении агентства Франс пресс,— живущих в плохих помещениях или вовсе лишенных крова, пытались укрыться в различных приютах и полицейских комиссариатах». Среди населения Франции имеются многочисленные жертвы. Корреспондент агентства Юнайтед пресс сообщает из Рима о 39 смертных случаях от холода в Италии. В Греции замерзло 18 человек. В Дании, где холода стояли недолго, погибло 10 человек.

Английская пословица гласит: «Что лето скроет, покажет зима». Зимой жилищный кризис дает о себе знать особенно сильно. И прогрессивная печать, естественно, ставит вопрос: сколько жизней можно было бы спасти, сколько удобных и теплых жилищ построить на те средства, которые страны Атлантического блока так щедро расходуют на вооружение?

М. АЛМАЗОВ

День в японском порту

Конверт с печатями многих стран, с адресом, написанным по-японски, совершил чуть ли не кругосветное путешествие: из Японии через всю Юго-Восточную Азию, Африку, Западную Европу, Стокгольм — в Москву. В конверте оказались фотографии и вырезка из газеты «Кокуро Хокурику». Вот что было рассказано в заметке, озаглавленной «Клятва жить в мире и дружбе».

В судоремонтный док Ивасэ зашло на мелкий ремонт советское рефрижераторное судно «Днестр» с экипажем в двадцать человек. Об этом узнали в городе Канадзаве. По инициативе местного отделения Общества японо-советской дружбы было решено устроить встречу с экипажем советского судна. Делегация в сто двадцать человек отправилась в путь.

Было дождливое утро. До Ивасэ — 50 километров. Делегаты, с узелками и портфелями, в которых они несли подарки, добирались кто как мог, или, как говорят японцы, «хару-бару». В двенадцатом часу все собрались в помещении клуба дока. Никто не чувствовал усталости, даже дети. Настроение было приподнятое. Когда экипаж команды появился в зале, раздались бурные аплодисменты. Затем воцарилась минутная тишина — так по японскому обычаю приветствуют самых дорогих гостей. Вскоре завязались непринужденные беседы. Переводчиками стали профессор русского языка университета Канадзавы Миура Мототоси и его студенты. Но многие обходились и вовсе без переводчика, ибо, как сказал один из студентов, «наше доброжелательство и дружба написаны на наших лицах». Говорили о самом главном — о желании скорее нормализовать японо-советские отношения в интересах мира и дружбы. Об этом заявили и представители местных профсоюзов, и председатель отделения японской ассоциации по развитию международной торговли Номура, и промышленник Китамура, и многие другие.

Три с лишним часа продолжалась теплая встреча, в которой участвовали рабочие, служащие, текстильщики, студенты, представители деловых кругов. Исполняли русские и национальные японские танцы, пели «Катюшу» и «Смуглянку-молдаванку» под аккордеон, на котором играла член Общества японо-советской дружбы Нисиие Томиэ-сан, фотографировались в дружеском кругу, дарили друг другу сувениры. Капитану судна от имени председателя Префектуральной ассамблеи Канадзавы Иокота Сиодзабуро преподнесли большую куклу — замечательный образец народного художественного творчества.

Расставались как большие друзья. В блокноте молодой текстильщицы Осуги-сан появилась следующая запись на русском языке: «Мы желаем, чтобы между нашими народами всегда были мир и дружба, как на нашем сегодняшнем вечере. Мы желаем вам всем счастья и мира».

И. СТАРОВ

Советские моряки среди японских друзей.

ОЛЕГ ГОНЧАРЕНКО— ЧЕМПИОН МИРА

Соревнование по скоростному бегу на стадионе «Бишлет»

Совсем недавно на катке озера Мизурина в Италии реял флаг СССР в знак победы советских скороходов.

И вот вновь, на стадионе в Осло, на пьедестал почета один за другим поднимаются наши конькобежцы, вновь взвивается красное знамя и звучит Гимн Советского Союза.

Розыгрыш первенства мира по скоростному бегу на коньках, который проходил 11 и 12 февраля, закончился триумфальной победой советских спортсменов. Зрители стадиона «Бишлет», тонкие знатоки конькобежного спорта, неизменно выражали свое восхищение техникой, легкостью и красотой бега О. Гончаренко, Б. Шилкова, Р. Меркулова, Е. Гришина, Ю. Михайлова...

Они показали выдающиеся результаты. В беге на 500 метров лучшим был молодой калининский спортсмен Юрий Михайлов, в беге на 1 500 метров первым финишировал ленинградец Борис Шилков, в соревновании на 5 тысяч метров непобедимым оказался москвич Олег Гончаренко, бег которого поразил всех математической точностью и чувством ритма. И только на самую длинную дистанцию — 10 тысяч метров — норвежцу Т. Сейерстену удалось выиграть у Гончаренко около пяти секунд и занять первое место.

В отличие от Олимпийских игр, где звание чемпиона и золотая медаль присуждались за победу на каждой дистанции, в розыгрыше первенства мира победителем считается лишь тот, кто по сумме очков, набранных на всех четырех дистанциях, добьется наилучших результатов. В данном случае нужно было проявить свои способности в многоборье — в умении хорошо бегать как на короткие, так и на длинные дистанции.

Наилучшее количество очков в этом соревновании набрал Олег Гончаренко: 188,255 очка. Он занял первое место, завоевал звание чемпиона мира и был увенчан лавровым венком. Стадион тепло приветствовал нового чемпиона, когда он совершал круг почета.

Второе место в этом трудном состязании занял молодой скороход Роберт Меркулов, третье — Евгений Гришин, четвертое — Т. Сейерстен и пятое — Борис Шилков. Чемпион мира 1955 года С. Эрикссон занял лишь шестое место.

Таким образом, в первой пятерке победителей оказались четыре советских скорохода. Отличный итог. Такого результата не знает история мировых чемпионатов. Следует отметить, что и на отдельных дистанциях советские скороходы добивались «коллективных» успехов. Так, в беге на 500 метров не только первое, но и второе место принадлежало нашему спортсмену. В очень трудном состязании на 1 500 метров, в котором нужно показать и скорость и выносливость, четыре первых места были заняты нашими спортсменами.

Олег Гончаренко второй раз завоевывает звание чемпиона мира. Первый раз он завоевал его в 1953 году. После этого Гончаренко неоднократно и успешно выступал в различных соревнованиях, в том числе и в международных.

Пятнадцатилетним юношей Гончаренко впервые стал на коньки. Жил он тогда в Харькове,близ стадиона «Динамо», и все свободное от школы время проводил на спортивных площадках, а зимой — на катке.

Первым его тренером была мать — Клавдия Сергеевна, известная в то время велосипедистка и скороходка. Она очень много занималась с сыном, и однажды вышло так, что на очередных состязаниях мать стала чемпионкой Украины среди женщин, а сын — среди юношей.

В 1950 году Олег Гончаренко впервые выступает в крупных соревнованиях. Это был розыгрыш первенства «Динамо», в котором участвовали известные конькобежцы. Гончаренко тогда не добился ни одной победы, но сразу же обратил на себя внимание тренера Константина Кудрявцева.

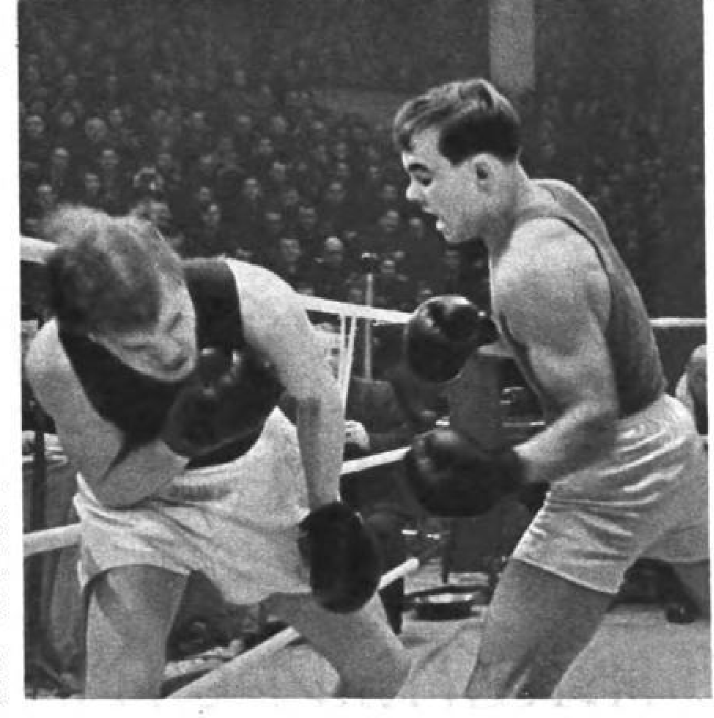
Спустя два года О. Гончаренко закончил в Харькове пожарно-техническое училище и переехал на работу в Москву.

В последние годы он участник всех чемпионатов мира. В 1956 году в Давосе (Швейцария) в беге на 5 тысяч метров он в паре с Гельмутом Кунертом добился отличной победы, а в беге на 10 тысяч метров установил новый рекорд СССР.

На катке Мизурина Гончаренко успешно пробежал обе длинные дистанции. И Давэс и Мизурина были для него подготовительными этапами к главному соревнованию в Осло, где он и завоевал звание чемпиона мира.

Чемпион мира Олег Гончаренко.

Момент боя между Р. Карповым и Ф. Кеулем.
Фото А. Бочинина.

Со счетом 16:4

7 февраля на ринге московского цирка встретились боксеры Советского Союза и Германской Федеральной Республики. Это была их первая встреча. Не удивительно поэтому, что она вызвала большой интерес. К тому же приезду германских боксеров предшествовала добрая молва: во время последних встреч на первенство Европы (в Берлине) они заняли три первых места. Соперник был сильный. Обе команды могли похвастать прославленными именами.

Первая встреча и первая неожиданность! Чемпион Европы в наилегчайшем весе Эдгар Базель проиграл молодому советскому боксеру Владимиру Стольникову. В третьем раунде Базель после меткого и сильного удара сбоку в голову оказывается в нокдауне до счета «8». Не дожидаясь судейского решения, немецкий боксер подходит к Стольникову и сам поднимает его правую руку. Это значит: чемпион Европы признал себя побежденным.

Весьма неравная пара встретилась в легчайшем весе — Борис Степанов и Эрнст Каппельман. Степанов был на добрых 25 сантиметров ниже длиннорукого и высокого немца. Но лишь в первом раунде Каппельман воспользовался своими длинными руками: он держал Степанова на расстоянии и не допускал его до решительной атаки. Во втором раунде немец явно ослабел. Острые атаки Степанова заставили Каппельмана раскрыться, Степанов воспользовался этим и молниеносно нанес так называемый «свинг» в челюсть. Каппельман оказался на полу. Степанов выиграл бой нокаутом.

На ринге полулегковесы Ганс Мелинг и Имант Энкузис (СССР). Бой закончился победой немца по очкам.

Блестящий успех выпал на долю легковеса Николая Смирнова во встрече с Хорстом Иоганнпетером. Немец, как это показал первый же раунд, обладает хорошей техникой и расчетом. Он главная надежда немецких боксеров на предстоящих олимпийских играх в Мельбурне. Но... Иоганнпетер только в первом раунде смог противостоять бурным атакам Смирнова, который вел бой с небывалой динамичностью и силой. С самого начала второго раунда стало ясно, что преимущество на стороне советского боксера. И, несмотря на самоотверженную защиту, немец ушел с ринга побежденным.

Не совсем обычно и весьма интересно прошел бой между боксерами первого среднего веса — Ричардом Карповым и Францем Кеулем. Оба боксера очень сильны и физически развиты. Оба не слишком заботились о защите и наносили сильные удары. Во втором раунде Кеуль дважды побывал в нокдауне. Еще через минуту Карпов снова пошел в атаку, и Кеулю пришлось записать в свою спортивную книжку проигрыш.

Большой интерес проявили зрители к встрече боксеров второго среднего веса — Дитриха Вемхеннера и Геннадия Шаткова. Оба боксера несколько месяцев назад встречались в Берлине. Встречу тогда выиграл Шатков. История повторилась в Москве. Это был поистине чудесный, красивый бой, очень чисто и мастерски проведенный, изобилующий ударами с дистанции. Шатков буквально ошеломил противника своим бурным темпом в первом же раунде. Однако под конец боя Вемхеннер стал активнее и вынудил Шаткова быть более внимательным. Все же мастерство советского боксера было тоньше. Остальные встречи также прошли в напряженной борьбе. Счет в пользу команды СССР 16 : 4.

9 февраля состоялась вторая встреча между советскими и германскими боксерами. Против первой сборной команды Германской Федеральной Республики выступала вторая сборная СССР. И на этот раз успех на стороне советской команды. Просто удивительно, что счет был... точно такой же, как и в первой встрече!

Ежи ЗМАРЗЛИК,
спортивный обозреватель газеты «Пшеглёнд спортовы»

ТЯЖЕЛЫЙ СЛУЧАЙ

Н. ШТАНЬКО

Рисунки Ю. АНДРЕЕВА.

Едва только мы с редактором последних известий перешагнули порог директорского кабинета, как поняли, что пришли некстати. Андрей Семенович Ольховик, руководитель крупнейшего завода в нашем городе, только что окончил разговор по телефону и находился в явно расстроенных чувствах.

— Здравствуйте,— сказали мы.

— Ничем не могу помочь,— невпопад ответил нам Андрей Семенович, пытаясь повесить трубку на вентилятор.

Потом поднял на нас осоловелые глаза и обрадовался:

— Ах, это вы! Братцы, хоть бы протянули нас как следует, что ли. Житья же нет!

— Мы не газета,— вздохнул я.

— Мы радио,— пояснил редактор последних известий.— Мы только хвалим. А к вам пришли...

— Не за что! — отмахнулся Андрей Семенович.— Пятнадцатое число, а план лишь на двадцать восемь процентов выполнили. Несчастье нас постигло.

Мы сделали соболезнующе-вопросительные лица. Директор скорбно помолчал, а потом тяжело вздохнул и сказал:

— Авдотьин заболел. Пропадаем без него.

Мы так и ахнули.

Насколько нам было известно, Дмитрий Митрофанович Авдотьин не блистал никакими талантами, кроме очень внушительной внешности и старого диплома с отличием. Двадцать пять лет назад он окончил институт. Пришел на завод. А его сразу же в объединение забрали, да за стол усадили, да бумагами привалили, да заседать раз по пять в день заставили...

Двадцать лет спустя о нем вспомнили, присмотрелись. Бумаги подшивает аккуратно, сводки представляет минута в минуту, на совещания не опаздывает. В общем, человек подходящий. Двинули его на производство. Директором. А он уже позабыл, с какого бока к станку подходят. Такой бюрократизм на заводе развел, что впервые за всю историю предприятия годовой план пошел вниз... Понизили в заместители.

— Неужели Авдотьин такой... незаменимый? — робко спросили мы.

— Видите ли, самый грозный, самый страшный бич нашего производства — заседания. У себя заседаем много, на стороне еще больше. Бюро, исполкомы, президиумы. Кроме того, каждый день...

Раздался звонок. Директор покосился на телефоны — переключил их на секретаршу.

— Да... Так вот: ежедневно появляются на горизонте организации, которые на своих заседаниях непременно желают видеть руководителей завода.

Вошла секретарша.

— Андрей Семенович, из общества...

Директор обреченно вздохнул, руководствуясь одному ему известными приметами, выхватил из телефонной гущи именно ту трубку, которая была ему нужна.

— Слушаю. Не могу. Хоть режьте. Ну, при чем здесь я? Ну, и пропагандируйте себе на здоровье передовой опыт. Да, я директор. Да, у меня есть передовики производства. Так за это их на куски рвать надо? Авдотьин? Он болен... Сгорел на работе!..

Швырнув трубку на место, директор обернулся к нам.

— Вот! В общество по распространению знаний заседать требуют. И так целый день... Слет пионеров? Руководителя завода туда. Вы что, детей не любите? Совещание друзей леса — туда его. Не враг же он зеленому другу. Все совещаются, все заседают, и всюду я обязан представлять крупнейшее предприятие города. Верите, было время, по неделям в цехи не заглядывал. Все совещался, заседал, представительствовал. Дела запустил, план сорвал. И тут мне на помощь Авдотьин явился. Четыре года за его спиной, как за каменной стеной, прожил. Редчайших способностей человек...

Звонок...

— Слушаю... Краеведческий совет музея? А я при чем?.. Да когда же вы меня выбрать успели? Разумеется, я не против краеведения. Конечно, надо экспонировать и промышленность города. Но сегодня я на заседании общества по распространению...

О чем бишь мы? — обратился директор к нам.— Да, так вот... хотел было я вначале уволить его. Но присмотрелся поближе и вдруг талант обнаружил. Да еще какой нужный! Заседательский. Никто так заседать не умел, как он. И любил, подлец, свое искусство! Товарищ он представительный. Седина на висках, брюшко, взор утомленный — все как положено. Посмотрели бы вы, как он сидит в президиуме! Сразу внимание на себя обращал. Вот он, руководитель завода! На губах легкая, такая чуть снисходительная улыбка играет, которую любой выступающий и за поощрение и за порицание принять может. И, главное, хоть сутки без перерыва заседай — не охнет.

А как он спать умел на заседаниях! Подопрет свой задумчивый лоб левой рукой, глаза прикроет, а правой даже карандашом по блокноту задумчиво водит. И почивает. Но чтоб проспал чего-нибудь — ни-ни! Рефлекс такой выработался. Как услышит: «Кто за?» — сейчас же правую руку вскидывает. И так будет сидеть, пока не скомандуют: «Прошу опустить». И что еще важно: сколько бы прения ни шли, обязательно проснется в самом конце, перед заключительным словом докладчика. И тотчас же попросит слова.

А как выступал! Мы пробовали стенографировать его речи. Расшифруем, читаем и диву даемся. Слова русские, фразы гладкие, грамотные, очень знакомые, а о чем человек говорит, не поймешь. То ли отрицает, то ли признает, то ли призывает, то ли отговаривает. Ну, просто фокусник!

И случилось так, что я зарвался. Выдался как-то у Авдотьина горячий день. Надо было отсидеть два собрания, два заседания и одну техническую конференцию. А тут еще наш заводской клуб организовал вечер обмена опытом. Мне самому следовало бы поприсутствовать, а я и этот вечер на безотказного Авдотьина взвалил. Не жалел, не берег своего ангела-хранителя.

Ну, мечется, значит, бедняга с совещания на совещание. Как водится, всюду опаздывает и к клубу подъезжает в одиннадцатом часу ночи. А там вечер уже закончился, художественная самодеятельность идет. Сатира и юмор на местные темы. Драмкружковцы у нас — народ вредный. Скетч состряпали про наши заседания.

И все у них, как на настоящем заседании. Тот же стол, та же трибуна, ораторы выходят из публики. И для повестки дня вопрос подходящий придумали: «О состоянии и мерах улучшения выеденного яйца». Как водится, и нам досталось с Авдотьиным. Объявили, что мы присутствовать не можем, так как, видите ли, находимся на пяти совещаниях сразу.

Так вот, Авдотьин входит в зал и, ничего не подозревая, шествует на сцену. Осматривается. Как будто все в порядке. Председатель глубокомысленно чертит зайчиков. Члены президиума клюют носами. На трибуне какой-то товарищ дает справку о том, что все, кто его критиковал, склочники и бракоделы. Авдотьин уверенно опускается на свое место в президиуме и только тут замечает что-то неладное. В зале смех и даже аплодисменты. В президиуме смятение. Оратор оглянулся, глупо прыснул в кулак и скатился с трибуны.

Председатель попробовал было спасти положение.

— Дмитрий Митрофанович,— шепчет он,— это не совещание, а художественная самодеятельность!

— Действительно... — фыркнул Авдотьин и даже плечами пожал:

дескать, видали мы всякие совещания, что поделаешь.

А смех в зале нарастает. Ну, Авдотьин решил разрядить атмосферу. Взял слово, вылез на трибуну.

— Извините,— говорит,— товарищи, что задержался. Я сегодня сразу на пяти совещаниях был.

Можете себе представить, как реагировал на это заявление зал! Но Авдотьин не сдался. И произнес одну из лучших своих речей. А к концу разъярился.

— Не понимаю,— кричит,— какой здесь смех может быть! На повестке дня данного совещания стоит очень серьезный вопрос. И я попрошу отнестись к нему со всей серьезностью.

Дальше даже он говорить не смог. Верите, у нас как-то Игорь Ильинский выступал, так и то народ так не смеялся. Стоит наш страдалец на трибуне, глазами моргает и ничего уже не поймет. Только видит — занавес перед самым его носом проплыл. Оглядывается — президиум как ветром сдуло. А за кулисами мечется наш завклубом и волосы на себе рвет. Авдотьин к нему:

— В чем дело?!

Рассказали, в чем дело. Тут это и случилось. Ахнул Авдотьин, выгнулся как-то неестественно, доковылял, натыкаясь на стулья, до своего традиционного места в президиуме, а сесть не может.

Поясница не сгибается. Так и увезли его в больницу стоя. Вот уже две недели болеет... Говорят, новая болезнь: заседательский паралич... Погиб человек!

Да, вот так и живем... Ну, спасибо за внимание. Душу хоть отвел. Все же полегчало. Так что у вас ко мне?

— Приглашаем вас, Андрей Семенович, на совещание радиослушателей. Начальник отдела приказал без вас не возвращаться.

Раздался душераздирающий стон. Мы подняли глаза и с ужасом увидели, что директор стоит во весь рост, ловит открытым ртом воздух и... никак не может опуститься в свое кресло.

гор. Грозный.

Из бесед и суждений древних китайских философов

Карась в дорожной колее

Чжуан ЦЗЫ [1]

Чжуан Цзы, в доме которого не осталось ни зернышка риса, отправился к соседу Цзянь Хэ-хоу с просьбой выручить из беды.

— Хорошо,— ответил Цзянь Хэхоу,— только подожди немного. Вот я взыщу с арендаторов и одолжу целых триста лянов серебра.

Расстроенный Чжуан Цзы ответил на это так:

— Иду я вчера по дороге, вижу: в полувысохшей колее трепещется карась. Увидел меня карась и взмолился: «Выручи, добрый человек! Попал я в беду: из глубокого озера в эту мелкую дорожную колею. Еще немного — высохнет она, и я погибну. Принеси хоть ведро воды, спаси меня!»

— Хорошо, — согласился я, — я как раз направляюсь на юг, навестить кое-кого. В тех местах много рек, воды сколько хочешь, и я непременно захвачу воды из реки Сицзян и спасу тебя.

— Но подумай,— вскипел карась,— что ты говоришь?! Ждать воды из реки Сицзян!.. Тогда тебе придется искать меня там, где торгуют вяленой рыбой!

[1] В некоторых древних китайских новеллах авторы говорят о себе в третьем лице.

Противоречие [2] самому себе

Хань ФЭЯ-ЦЗЫ

Давным-давно жил один человек, который продавал боевые секиры и щиты.

— Мои щиты крепки, как камень; как бы ни была хороша боевая секира, она все равно не сможет пробить его,— говорил он, поднимая щит и расхваливая его перед прохожими.

Сказав так о щите, он тут же поднимал свою боевую секиру и продолжал:

— Мои боевые секиры очень остры; как бы ни был прочен щит, его можно проткнуть насквозь этой секирой!

Стоявший поблизости от него человек выслушал все это и, хитро улыбнувшись, заметил:

— Послушать тебя, так твоя боевая секира очень крепкая и острая: как бы ни был крепок щит, она все равно пронзит его; твой щит также очень крепкий: как бы остра ни была боевая секира, она не сможет проткнуть его. Интересно, что получилось бы, если бы твоей боевой секирой попытаться проткнуть твой щит?

[2] Слово «противоречие» пишется двумя иероглифами: мао — секира, дунь — щит. Их сочетание — мао дунь — дает слово современного китайского языка — противоречие.

Что труднее всего нарисовать

Хань ФЭЯ-ЦЗЫ

Некий художник рисовал картины для правителя княжества Ци [3]. Правитель княжества Ци спросил его:

— Скажи, какую вещь, на твой взгляд, нарисовать труднее всего?

Художник ответил:

— Самыми трудными рисунками нужно считать такие, как небо, лошадь и т. п.

— В таком случае что, по-твоему, нарисовать легче всего? — спросил правитель княжества Ци.

— Надо полагать,— ни минуты не сомневаясь, ответил художник,— что легче всего нарисовать нечистую силу.

— Почему же это? — спросил сановник.

— Потому, что небо, лошадь и тому подобное мы видим ежедневно и знаем их до мельчайших подробностей. Стоит только, рисуя их, допустить малейшую неточность, как люди смогут указать на нее. Что же касается нечистой силы, то мы никогда не видим нечистую силу и не представляем ее облика сколько-нибудь определенно. Поэтому нарисовать ее значительно легче.

Перевод с китайского
В. ТРИФОНОВА,
А. КЛЫШКО.

[3] Ци — древнее княжество на территории нынешней провинции Шаньдун.

Тибетские народные песни

Записал Су ЛАНЬ

С Народно-Освободительной армией

Поутру к нам армия пришла,
Как приходит солнце.
Темной ночью армия пришла,
Как луна приходит.

С армией народной на века.
И дорога наша широка.

Источник счастья

Тибет свободу получил —
Источник радости и сил.
У самого порога
Шоссейная дорога.

Она удлинила счастливые дни,
Еще лучезарнее стали они.

Следы деяний души

Слова на листке напиши —
Их смоет вода.
Следы же деяний души
Не смыть никогда.

Образ любимой

Какое у ламы лицо?
Какое оно?
Весь день вспоминай —
Не вспомнишь его все равно.

А у любимой какое лицо?
Я не думал о нем,
А оно
В сердце моем
Все равно.

Ожидание

Все ждешь: когда ж она придет,
Все ждешь упрямо.
А тот, кого совсем не ждешь,
Бредет —
унылый лама.

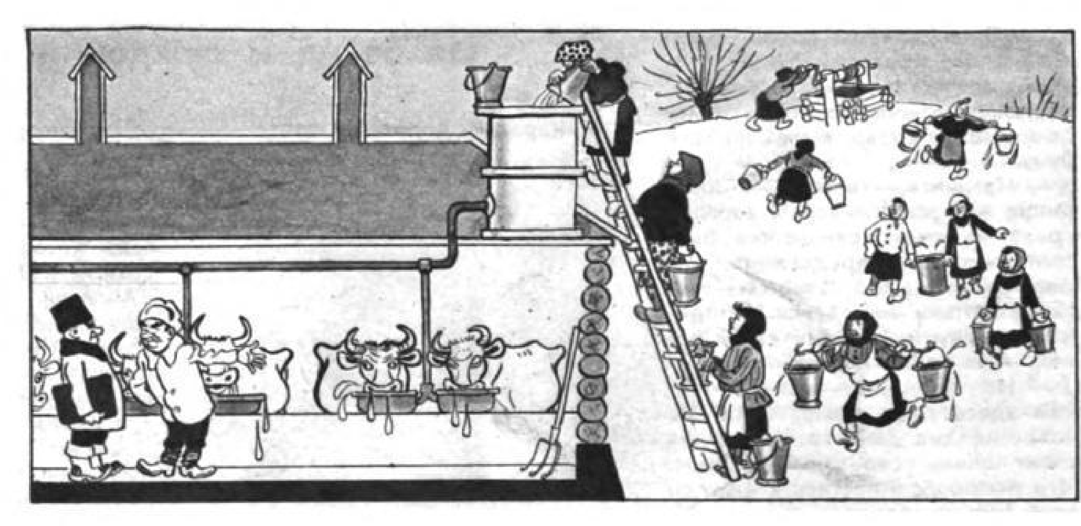
Когда любимая захочет тебя покинуть

Убегает в горы дикий конь —
Надобно веревками связать.
А уходит девушка — не тронь,
Все равно любовь не удержать.

Перевел с китайского
Л. ЧЕРКАССКИЙ.

Три победителя чемпионата: гроссмейстеры М. Тайманов, Ю. Авербах и Б. Спасский.
Фото Н. Ананьева.

МЕХАНИЗАЦИЯ... НА ГРАНИ ФАНТАСТИКИ.

Рис. Е. Ведерникова.

Соревнование шахматистов

УСПЕХ МОЛОДЫХ МАСТЕРОВ

В регламенте XXIII чемпионата СССР по шахматам записано хорошее правило: соглашение на ничью до 30-го хода допускается только с разрешения главного судьи или его заместителя. Хотя в этом турнире благодаря стараниям молодежи было очень мало так называемых «солидных» партий или гроссмейстерских ничьих, профилактический пункт регламента помог сделать чемпионат творчески еще более ярким, а спортивную борьбу напряженной до предела. Достаточно сказать, что уже в последнем туре на первое место претендовали шесть участников: гроссмейстеры Б. Спасский, Ю. Авербах, М. Тайманов и мастера В. Корчной, Р. Холмов и Л. Полугаевский. По расчетам болельщиков, был возможен вариант, при котором эта группа могла закончить турнир, набрав одинаковое количество очков.

Великолепно играла в чемпионате молодежь, заставив подтянуться шахматистов среднего поколения и «старичков». В большой степени стараннем молодых шахматная теория обогатилась рядом новинок.

Самый молодой гроссмейстер мира Борис Спасский (теперь его коллеги называют Борисом Васильевичем) уже в первом туре выиграл у экс-чемпиона страны Ю. Авербаха, а затем у гроссмейстеров И. Болеславского, В. Рагозина и, наконец, отметил исполнившееся во время турнира свое девятнадцатилетие победой в хорошем стиле над гроссмейстером М. Таймановым. Только со своим тренером — гроссмейстером А. Толушем — он сделал ничью.

Молодые талантливые мастера В. Корчной, М. Таль и Л. Полугаевский доставили много неприятностей своим старшим товарищам и на протяжении почти всего турнира сохраняли реальные шансы выйти на первое место.

Главным лидером соревнования, фаворитом ленинградских болельщиков и очень и очень многих советских любителей шахмат был отлично игравший весь чемпионат Борис Спасский. Лишь единственный проигрыш на финише чемпиону Ленинграда, одному из победителей международного турнира в Гастингсе, В. Корчному, поколебал его положение единоличного лидера.

Перед последним туром при доигрывании партий гроссмейстер А. Толуш, имея лишнюю фигуру за пешку, неожиданно проиграл Ю. Авербаху. Эта случайность спутала многие расчеты болельщиков, да и самих участников соревнования.

Продолжавшаяся в течение месяца напряженная борьба в чемпионате окончена. Первые три места разделили гроссмейстеры Ю. Авербах, Б. Спасский и М. Тайманов.

Лишь на половину очка отстает от них мастер В. Корчной. С разрывом только на половину очка пятое, шестое и седьмое места разделили мастера Л. Полугаевский, М. Таль и Р. Холмов.

В нынешнем розыгрыше первенства страны, к сожалению, не участвовала солидная группа ведущих гроссмейстеров, однако соревнование прошло весьма интересно, на высоком спортивном и творческом уровне и продемонстрировало серьезный рост молодых мастеров.

Через два дня после окончания чемпионата между тремя его победителями начался дополнительный турнир в два круга, победитель которого завоюет золотую медаль чемпиона страны 1956 года.

Н. НИКОЛАЕВ

В этом номере на вкладках четыре страницы репродукций картин: И. В. Евстигнеева «Под Сталинградом», М. И. Самсонова «Саша Чекалин», А. А. Горпенко «Спортсмены Советской Армии», В. Н. Перельмана — портрет Н. И. Лобачевского — и четыре страницы цветных фотографий.

В № 6 в подписях под репродукциями картин с выставки произведений художников РСФСР в одном случае вместо «Долина Сиренюк» следует читать: «Е. Щербаков (Калуга). «Лён цветёт», в другом — вместо В. Мордвинов — В. Мордовин.

Из почты «Огонька».

В ЛЕСУ

Мне пришлось побывать в северобайкальской тайге. В лесу, конечно, можно встретить самые неожиданные формы деревьев, но такой завиток пришлось видеть впервые. Это лиственница в возрасте примерно 70 лет.

А на этом снимке запечатлены наросты на стволе вербы толщиной 8—10 сантиметров.

Местные жители делают из наростов чашки, которые отличаются редкой прочностью и хорошим рисунком.

С. КАМЫШНИК

Чита.

КРОССВОРД

По горизонтали:

4. Часть ударного механизма в огнестрельном оружии. 9. Устройство в телефонном аппарате. 10. Гигиеническое и освежающее средство. 11. Тематически объединенная часть книги, газеты. 12. Австрийский композитор XIX века. 13. Полный круг вращения. 14. Птица семейства ястребиных. 17. Белорусский советский писатель. 20. Русский флотоводец. 23. Литературный жанр. 24. Особая благодарность. 25. Воинское звание. 26. Временное помещение. 27. Головной убор. 30. Имя героини оперы Н. В. Лысенко. 33. Молдавская хоровая капелла. 35. Деталь двигателя внутреннего сгорания. 37. Редкий элемент. 39. Типографские литеры. 40. Роман И. С. Тургенева. 41. Советский режиссер, народный артист СССР. 42. Военнослужащий.

По вертикали:

1. Часть круга. 2. Столица европейского государства. 3. Русский художественный и музыкальный критик. 4. Массовый вид спорта. 5. Сосуд для химических работ. 6. Род войск. 7. Спортивная игра. 8. Благородный металл. 15. Машинист в романе Н. Островского «Рожденные бурей». 16. Музыкальный интервал. 17. Однолетнее лубяное растение. 18. Аэродромное сооружение. 19. Курорт на берегу Черного моря. 20. Род револьвера. 21. Олень. 22. Водяной вал. 28. Роман китайского писателя Чжоу Ли-бо. 29. Войсковое соединение. 31. Название двух рек в Сибири. 32. Часть холодного оружия. 33. Сорт груши. 34. Создатель произведения. 36. Рабочий легкой промышленности. 38. Герой гражданской войны.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 7

По горизонтали:

5. Мужество. 6. Электрон. 8. Генератор. 11. Метод. 14. Бирма. 15. Делегат. 16. Кессон. 17. Филиал. 20. Чусовая. 22. Визит. 23. Лиман. 26. Диспетчер. 27. Карнавал. 28. Референт.

По вертикали:

1. Тувинец. 2. Штрек. 3. Бетон. 4. Почтамт. 7. Привет. 9. Зоотехник. 10. Дистанция. 12. Лесоруб. 13. Капитан. 18. Боргес. 19. Силикат. 21. Бандунг. 24. Литва. 25. Верфь.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, И. П. ГОРЕЛОВ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61. Оформление И. Уразова.

А 00348. Подп. к печ. 15/II 1956 г. Формат бум. 70 × 108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 000 000. Изд. № 169. Заказ № 145. **Рукописи не возвращаются.**

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

На авиалинии Москва — Магадан. Леночка Григорян и в самолете чувствует себя как дома.

Фото Я. Рюмкина.

Цена номера 3 руб.

